

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Мамедалиева Альбина Вугаровна

**Конкуренция юрисдикций при рассмотрении и разрешении гражданско-
правовых споров, осложненных применением мер ограничительного
характера**

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Борисова Елена
Александровна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы конкуренции юрисдикций в условиях применения мер ограничительного характера.....	14
§ 1. Меры ограничительного характера: вопросы теории и практики	14
§ 2. Влияние мер ограничительного характера на рассмотрение и разрешение споров в судах и арбитражах	37
§ 3. Юрисдикция и конкуренция юрисдикций: эволюция формы и содержания.....	55
Глава 2. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения споров в условиях применения мер ограничительного характера	82
§ 1. Правовые механизмы преодоления конкуренции юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера: сравнительно-правовой анализ .	82
§ 2. Компенсаторная юрисдикция в российском процессуальном праве: «исключительная» компетенция арбитражных судов по делам, связанным с ограничительными мерами	103
Глава 3. Антиисковые запреты как механизм преодоления негативных проявлений конкуренции в условиях действия мер ограничительного характера	133
§ 1. Конкурирующая компетенция государственных судов и арбитражей по вынесению антиисковых запретов	133
§ 2. Последствия вынесения антиисковых запретов для текущих и потенциальных судебных и арбитражных разбирательств	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	194

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной трансформацией, которую претерпевает порядок рассмотрения и разрешения споров в условиях распространения и применения мер ограничительного характера. Такие односторонние меры, применяемые экстерриториально, порождают качественно новые вызовы. Они эволюционировали из исключительного инструмента обеспечения коллективной безопасности в ключевое средство внешнеполитического, экономического и правового воздействия. Необходимость своевременного и адекватного реагирования на такие вызовы коренным образом изменила теоретические и практические представления о рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров в государственных судах и международном арбитраже.

В таких условиях конкуренция юрисдикций обретает качественно новые формы, перерастая из разногласий сторон о выборе наиболее удобного юрисдикционного органа для рассмотрения и разрешения спора в институциональное и даже межгосударственное противостояние, опосредуемое такими инструментами, как антиисковые и анти-антиисковые запреты. Это ведет к фрагментации процессуального пространства и ставит под вопрос эффективность традиционных международных гарантий и классических форм защиты права.

Для Российской Федерации, ставшей объектом такого давления со стороны недружественных государств, данные вызовы носят особо острый характер. Закономерным ответом законодателя, хотя и без предварительной доктринальной разработки, стало создание качественно новых механизмов защиты, воплощенных в статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ и формирующих в российском процессуальном праве принципиально новые процессуальные институты. Однако их практическое применение выявило ряд существенных проблем: терминологическую неопределенность, расширительное толкование судами, отсутствие аналогов в гражданском процессе, а также критическую

асимметрию в эффективности по сравнению с обеспечительными механизмами юрисдикций общего права.

Недостаточная теоретическая проработка обозначенных новелл в отечественной доктрине, необходимость их осмысления в контексте мирового опыта применения блокирующего законодательства и выработки научно-обоснованных предложений по совершенствованию отечественного законодательства определяют высокую научную и практическую значимость настоящего диссертационного исследования. Указанные обстоятельства обусловили выбор темы и ключевые направления данной работы.

Степень научной разработанности темы исследования.

Проблематика конкуренции юрисдикций является относительно новой для отечественного правопорядка. В дореволюционный период были предприняты первые шаги к определению понятия и содержания юрисдикции как таковой, которые получили свое развитие в процессе становления и формирования отраслей международного частного права и международного гражданского процесса в советский период.

На современном этапе предпринимались отдельные попытки осмысления понятия юрисдикции, параллельных разбирательств и механизмов по их предотвращению и преодолению. Так, проблематике параллельных разбирательств и системе правовых механизмов их предотвращения и преодоления было посвящено диссертационное исследование К.Е. Сюрмеева «Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств» (2019 г.). Однако данное исследование было завершено до введения в действие статей 248.1 и 248.2 АПК РФ и, следовательно, не содержит анализа теоретических и практических проблем, связанных с применением данных норм, а также новых форм и проявлений конкуренции юрисдикций в свете действия мер ограничительного характера.

Вопрос взаимодействия российской и иностранной юрисдикций в гражданском судопроизводстве детально освещен в диссертационном

исследовании В.И. Барциц (2025 г.). В то же время в данном исследовании не проводилось комплексного анализа влияния мер ограничительного характера на рассмотрение и разрешение споров и процессуальных особенностей механизмов, введенных российским законодателем для защиты российских граждан и организаций от экстерриториального действия таких мер.

Первой попыткой комплексного теоретического осмысления института антиисковых запретов можно считать диссертационное исследование А.А. Козырина «Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты» (2025 г.), где проведен масштабный сравнительно-правовой анализ. При этом автор не рассматривал процессуальные особенности конкуренции юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера, а также иные компенсаторные механизмы и их правовую природу, появившиеся в российском законодательстве в этой связи.

В настоящее время к отдельным аспектам конкуренции юрисдикций в контексте применения мер ограничительного характера в своих работах обращаются А.Ф. Воронов, М.Л. Гальперин, А.В. Гребельский, Е.И. Иванов, В.Д. Туктамышев, В.В. Старженецкий, А.Р. Султанов, А.И. Щукин, В.В. Ярков.

Наличие указанных выше исследований не умаляет значимости настоящего диссертационного исследования, поскольку в нем впервые предпринята попытка комплексного теоретического и практического осмысления влияния мер ограничительного характера на процессуальные особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров с международным элементом в условиях действия односторонних мер ограничительного характера и ответных контрмер, что проявляется в конкуренции юрисдикций государственных судов и международных арбитражей.

Предметом исследования являются нормы российского и иностранного законодательства, положения международных договоров и соглашений, актов мягкого права, иностранная и российская практика государственных судов и международных коммерческих арбитражей, а также научные концепции, отражающие проблематику данного диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования состоит в формулировании общих теоретических и практических представлений о процессуальных особенностях рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров в условиях применения мер ограничительного характера, а также в выработке предложений по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики для обеспечения эффективной и сбалансированной защиты прав и законных интересов в условиях нарастающей конкуренции юрисдикций.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить содержание мер международно-правового принуждения в их историческом развитии и определить критерии разграничения мер ограничительного характера со смежными институтами;
- раскрыть понятие, сущностные элементы и структурные формы юрисдикции и определить основные тенденции проявления конкуренции юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера;
- выявить системные противоречия национального «блокирующего» законодательства в контексте сравнительного анализа российского и зарубежного опыта преодоления негативных проявлений конкуренции юрисдикций в условиях действия односторонних ограничительных мер;
- выявить основные процессуальные препятствия, возникающие при рассмотрении и разрешении споров, осложненных

применением мер ограничительного характера, в государственных судах и международных коммерческих арбитражах;

- определить правовую природу исключительной компетенции российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, и основные процессуальные особенности рассмотрения и разрешения таких дел;
- установить правовую природу антиискового запрета, сформулированного в российском процессуальном законодательстве и правила его применения арбитражными судами;
- выявить основные последствия вынесения судебного акта об антиисковом запрете и сформулировать альтернативные механизмы обеспечения их практической исполнимости в отечественном правопорядке.

Методологическую основу исследования составили общий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и частно-научные методы научного познания, а именно: формально-юридический (системный анализ норм российского и зарубежного процессуального права по исследуемой проблематике), исторический (исследование эволюции мер международно-правового принуждения), сравнительно-правовой (исследование законодательства, направленного на противодействие экстерриториальному применению мер ограничительного характера, а также механизмов обеспечения исполнимости антиисковых запретов в законодательстве и практике его применения различных государств), структурно-функциональный (выделение структурных элементов юрисдикции и выявление их роли в функциональных связях, присущих данной структуре) методы.

Теоретическую основу исследования составляют труды дореволюционных, советских и современных российских ученых в области

общей теории права, международного права, гражданского права, международного частного права и гражданского процессуального права Алексеева С.С., Аргунова В.В., Аргунова В.Н., Асоскова А.В., Борисовой Е.А., Воронова А.Ф., Гальперина М.Л., Гетьман-Павловой И.В., Ерпылевой Н.А., Жуйкова В.М., Загайновой С.К., Зыкова Р.О., Иванова Н.П., Карабельникова Б.Р., Костина А.А., Курочкина С.А., Лунца Л.А., Кудрявцевой Е.В., Марышевой Н.И., Молчанова В.В., Носыревой Е.И., Пацация М.Ш., Осипова Ю.К., Решетниковой И.В., Савранского Г.В., Севастьянова Г.В., Смагиной Е.С., Скворцова О.Ю., Старженецкого В.В., Чечиной Н.А., Шерстюка В.М., Щукина А.И., Юдина А.В., Яркова В.В., Яблочкова Т.М. и др.

В работе были также использованы труды, посвященные вопросам международного арбитража и антиисковым запретам следующих зарубежных авторов: Born G., Gaillard E., Lalive P., Redfern A., Szabados T., Waincymer J.

Нормативной основой исследования являются Конституция Российской Федерации, российское гражданское и арбитражное процессуальное законодательство, иностранное гражданское процессуальное законодательство, российское и иностранное законодательство о международном коммерческом арбитраже (третейском разбирательстве).

Эмпирическую основу исследования составляют судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, арбитражных судов Российской Федерации, судебные акты иностранных государственных судов, а также решения международных коммерческих арбитражей.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в предпринятом комплексном анализе изменений в рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера, которые позволили сформулировать ряд теоретических положений, развивающих науку гражданского

процессуального права, а также практических предложений по дальнейшему совершенствованию законодательству. На теоретическом уровне обоснована дуалистическая природа процессуальной юрисдикции, в связи с чем выдвинута и раскрыта модель компенсаторной (восстановительной) юрисдикции, раскрывающая подлинную правовую природу статей 248.1 и 248.2 АПК РФ не как классической исключительной компетенции, а как особого процессуального режима, призванного восстановить нарушенный баланс процессуальных возможностей сторон. На прикладном (нормотворческом и правоприменительном) уровне новизна выражается в разработке конкретных предложений по совершенствованию российского процессуального законодательства и правоприменительной практики в изучаемой области.

Научная новизна исследования непосредственно выражается в **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Термин «юрисдикция» имеет широкий и узкий смыслы. В широком смысле она понимается как суверенная власть государства по установлению и применению права в пространстве и по кругу лиц. В узком (процессуальном) смысле юрисдикция, в отличие от статичных категорий компетенции, подведомственности и подсудности, представляет собой конкретное правомочие государственного или третейского суда на рассмотрение и разрешение конкретного гражданско-правового спора, реализуемое в установленной процессуальной форме и воплощаемое в процессуальном акте, обладающем свойством *res judicata*.
2. Процессуальная юрисдикция реализуется в двух принципиально различных формах. Публичная процессуальная юрисдикция осуществляется государственными судами и строится по вертикально-иерархической схеме «государственный суверенитет – правосудие – судопроизводство». Санкционированная частная процессуальная юрисдикция осуществляется третейскими судами и международными коммерческими арбитражами и строится по горизонтально-договорной

модели «санкция государства – соглашение сторон – компетенция арбитража».

3. Классическая (первичная) конкуренция юрисдикций, являющаяся отражением разногласий сторон спора о том, какой юрисдикционный орган вправе рассматривать и разрешать возникший спор, имеет два смысла. Под конкуренцией юрисдикций в широком смысле понимается возможность выбора среди различных конкурентоспособных юрисдикционных органов и идентифицируется на основе критерия связанности споров, а не их строгого тождества. В узком смысле конкуренция юрисдикций представляет собой параллельные разбирательства, то есть фактически реализованный выбор нескольких юрисдикционных органов, и требует строгого тождества споров и их темпоральной одновременности. В условиях действия мер ограничительного характера позволительно говорить о генезисе вторичной (производной) конкуренции, в которой, при сохранении частно-правового элемента, на первый план выходит институциональный конфликт между самими юрисдикционными органами о пределах своей власти, который опосредуется такими мерами как антиисковые и анти-антиисковые запреты.
4. Компенсаторная (восстановительная) юрисдикция является формой защиты российских граждан и организаций, ограниченных в праве на защиту, в том числе на доступ к правосудию, вследствие экстерриториального действия односторонних мер ограничительного характера, принятых иностранными судами или арбитражами. В компенсаторной (восстановительной) юрисдикции воплощается компетенция национального государственного суда рассматривать и разрешать спор в качестве субсидиарного юрисдикционного органа в случае, когда сторона спора была лишена или существенно ограничена в реальной возможности реализовать свое право на защиту в первоначально согласованном сторонами юрисдикционном органе. В отличие от классической исключительной компетенции, действующей независимо от

воли сторон и направленной на защиту публичного интереса, компенсаторная юрисдикция носит диспозитивный характер: ее применение зависит от волеизъявления заинтересованного лица и призвано восстановить баланс процессуальных возможностей сторон, нарушенный вследствие применения мер ограничительного характера.

5. Природа антиискового запрета различается в зависимости от того, в какой юрисдикционной форме он применяется. Судебный антиисковой запрет, выносимый государственным судом в рамках публичной процессуальной юрисдикции, представляет собой самостоятельный процессуальный институт *sui generis* с доминирующей публично-правовой функцией. Антиисковой запрет, выносимый составом арбитража в рамках санкционированной частной процессуальной юрисдикции, по своей правовой природе является обеспечительной (предварительной) мерой, производной от арбитражного соглашения и применимых арбитражных регламентов. Такой дуализм является закономерным следствием различий в правовой природе юрисдикции государственных судов и арбитражей.
6. Формирование самостоятельного вида производства по делам о вынесении судебных антиисковых запретов является необходимым условием для унификации практики применения данного средства правовой защиты. Такое производство призвано обеспечить защиту двух категорий охраняемых законом интересов: публично-правового в виде рассмотрения спора в российском суде в случаях, когда в силу императивных предписаний закона компетенция российских судов является исключительной, и частно-правового в виде рассмотрения спора в третейском суде с местом арбитража в Российской Федерации, основанного на действительном, исполнимом и не утратившем силу арбитражном соглашении. В рамках данного производства суд разрешает не материально-правовой, а процессуальный спор о надлежащей юрисдикции, что предопределяет специфику его процессуальной формы, сочетающей

элементы состязательности с ограничением диспозитивности в части, затрагивающей публичный интерес.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном осмыслении с позиции процессуальной науки и правоприменительной практики влияния мер ограничительного характера на конкуренцию юрисдикций.

Практическая значимость исследования заключается в применимости ряда предложений и выводов, сформулированных в работе, в совершенствовании отечественного законодательства, направленного на преодоление негативного влияния односторонних ограничительных мер, а также на формирование комплексной процессуальной защиты российской юрисдикции. Отдельные положения исследования также могут быть использованы при обучении студентов юридических вузов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Достоверность результатов настоящего исследования определяется тем, что исследование проведено автором единолично и самостоятельно, с опорой на достижения российской и зарубежной литературы по гражданскому процессуальному праву, международному частному праву и международному гражданскому процессу, а также с использованием отечественных и иностранных нормативных правовых актов, судебной практики и публично доступных решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей.

Основные положения диссертации нашли отражение в четырех научных статьях автора в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки, а также в трех докладах на следующих конференциях: Международном научном юридическом форуме памяти

заслуженного деятеля науки Российской Федерации д.ю.н. профессора В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», Российский университет дружбы народов, (Москва, 13 октября 2023 г.), XXXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2024», секция «Юриспруденция», Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 15-18 апреля 2024 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию доктора юридических наук, профессора М.С. Шакарян (Москва, 19 января 2024 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Теоретико-правовые основы конкуренции юрисдикций в условиях применения мер ограничительного характера

§ 1. Меры ограничительного характера: вопросы теории и практики

Для целей настоящего исследования принципиальное значение приобретает вопрос о том, как применение мер ограничительного характера влияет на возможность участвовать в рассмотрении гражданско-правовых споров в судах или международных арбитражах на территории государств, инициировавших такие ограничения, и как это воздействует на систему разрешения гражданских дел в целом. Именно проблематика доступа к правосудию и третейскому разбирательству в условиях применения мер ограничительного характера выступает связующим звеном между теоретическим осмыслением ограничительных мер и их процессуальными последствиями. Представляется целесообразным уяснить сущность мер ограничительного характера, после чего переходить к непосредственному анализу их воздействия на классические формы защиты права.

Проблема международной ответственности и конкретные виды и формы ее реализации неизменно остается одной из ключевых в системе международного права. Однако в последние десятилетия данный институт претерпевает глубокие трансформации, затрагивающие как его теоретическое осмысление, так и практику применения. Такие трансформации во многом обусловлены сдвигом от классической биполярной системы коллективной безопасности к полицентричной политической архитектуре, в которой односторонние и коллективные меры принуждения зачастую подменяют или дублируют институциональные механизмы ООН.

Эти изменения закономерно влекут за собой вопросы об их легитимности и юридическом эффекте порождаемых ими последствий. Более того, ограничительные меры в современных правовых реалиях становятся не просто средством воздействия на экономику, но и одним из главных инструментов внешней политики конкретного государства, средством

выражения его политических и правовых позиций на события, разворачивающиеся на международной арене.

Прежде чем приступить к анализу указанных трансформаций, необходимо преодолеть терминологическую неоднозначность, традиционно сопутствующую изучению мер международной ответственности. Речь, в первую очередь, идет о часто отождествляемых и используемых в качестве взаимозаменяемых терминах «санкции» и «меры ограничительного характера» или «ограничительные меры».

Преодоление такой терминологической неоднозначности требует выработки четких критериев разграничения. В доктрине международного права традиционное разграничение проводится по источнику легитимации и субъектному составу принимающего органа.

Под источником легитимации понимается правовое основание, на котором зиждется юридическая сила принимаемой меры. Если мера принимается на основании и во исполнение международного договора, в рамках полномочий международной организации, то источник легитимации носит международно-правовой (наднациональный характер). Напротив, если основанием служит акт национального законодательства, принятый государством в одностороннем порядке, источник легитимации является национально-правовым.

Субъектный состав принимающего меру органа включает в себя два аспекта. Во-первых, является ли орган коллегиальным (представляющим волю нескольких государств) или единоличным (выражающим волю одного государства), а, во-вторых, какова природа такого органа (законодательный, исполнительный или судебный). В контексте ограничительных мер ключевое значение имеет разграничение между мерами, принимаемыми международными организациями как коллективным субъектом и мерами, вводимыми отдельными государствами как единоличным субъектом, поскольку от этого зависит их юридическая сила и территориальная сфера действия.

Указанные выше критерии позволяют выделить три принципиально различные категории: коллективные санкции, односторонние ограничительные меры и ответные меры (контрмеры). Историческая эволюция института принудительных мер как мер международной ответственности, их современное толкование, национальное законодательство и судебная практика могут быть последовательно оценены через призму данной триады.

Меры международной ответственности исторически возникли в противовес нелегитимному насильственному произволу¹. Историко-правовой анализ демонстрирует, что терминологический плюрализм характерен для мер международной ответственности еще с начала XX века, когда они начали более основательно разрабатываться в доктринальном смысле.

Меры, известные сегодня как «санкции» или «ограничительные меры», восходят к ряду самостоятельных правовых конструкций, среди которых ключевыми были «реторсии», «репрессалии», «самопомощь» и др.² Однако с течением времени терминологическое поле данных концепций претерпело существенные изменения.

П.А. Курис считал самопомощь родовым, собирательным понятием, которое объединяет и реторсии, и репрессалии, являющиеся отдельными видами данного института³. При этом в практическом преломлении и его последующем теоретическом осмыслении самопомощь предполагает возможность использования любых, в том числе насильственных действий, практически без каких бы то ни было ограничений. Ситуация радикально изменилась после принятия Устава ООН в июне 1945 года, когда насильственные меры перестали считаться законным средством воздействия на противоправное поведение. Таким образом, именно благодаря принятию

¹ Кешнер М.В. Международная ответственность государств за нарушения обязательств в сфере защиты прав человека. Москва, РУДН, 2016. С. 2014.

² Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Институт государства и права, Академ. правовой университет. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 35.

³ Курис П.А. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973. С. 42.

Устава ООН институт самопомощи выбыл из юридического обихода как несоответствующий самой сущности международно-правовой ответственности¹.

Эволюция не обошла стороной и термин «репрессалии». Первоначально акты репрессалий как формы самопомощи ассоциировались с применением силы в любой форме², но постепенно международное право уходило от расширительного толкования данного понятия и в качестве первого этапа сузило его до вооруженных репрессалий. Однако после принятия Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям вооруженные репрессалии были запрещены³. В настоящее время сфера применения репрессалий еще более ограничена и сводится только к их использованию в мирной форме при соблюдении следующих условий:

- наличие уже начавшегося правонарушения и, как следствие, запрет на превентивное применение;
- немедленное прекращение действия после достижения заявляемых целей принятия;
- репрессалии могут принимать как форму активных действий, так и выражаться в форме бездействия;
- недопустимость нарушения прав любых субъектов международного права, кроме субъекта-нарушителя, против которого направлены репрессалии;
- соразмерность принимаемых репрессалий масштабу причиненного нарушения прав⁴.

Реторсии, как уже было отмечено выше, исторически рассматривались

¹ Собакин В.К. Коллективная безопасность – гарантия мирного сосуществования. М., 1962. С. 300.

² Декларация о принципах международного права 1970 года.

³ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года (Ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 года N 330-I). Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним. М., 1997.

⁴ Международное право = *Volkerrecht* / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн; 2-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2015. Серия "Германская юридическая литература: современный подход". Кн. 2. С. 876.

как форма самопомощи, но постепенно их сфера действия также была сужена до случаев дискриминации и ограничений преимущественно в экономических и социокультурных отношениях¹.

В настоящий момент все более распространенным термином для обозначения мер принуждения, включая описанные выше конструкции реторсий и репрессалий, становится термин «санкции».

Определение же понятия «санкции» до сих пор остается одним из самых дискуссионных вопросов как в отечественной, так и в зарубежной доктрине².

В отечественных трудах по праву международной ответственности санкции и контрмеры рассматриваются как важнейшие проявления принуждения в межгосударственных отношениях³. При этом правовая природа санкций и контрмер определяется через призму принимающих их субъектов: международные санкции должны приниматься коллективно, а контрмеры принимаются децентрализованно, каждым государством в индивидуальном порядке.

В зарубежной доктрине санкции часто определяются и отграничиваются от иных смежных категорий через определенные квалифицирующие признаки⁴:

- принимаются только в ответ на нарушение международного права;
- принимаются с целью побуждения государства-нарушителя прекратить противоправное поведение;
- устанавливают неблагоприятные последствия в виде лишения или ограничения определенных прав.

При этом в литературе по международному праву также встречается определение санкций с опорой на субъектный критерий и подчеркивается роль

¹ Кешнер М.В. Указ. соч. С. 219-220.

² Novell D. Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions // *AJIL Unbound*. 2019. Vol. 113. P. 140-141.

³ Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 1. М., 1999.

⁴ Pellet A. Unilateral Sanctions and International Law // *Yearbook of Institute of International Law*. Tallinn, 2015. Vol. 76. P. 724.

международных организаций как единственных легитимных источников международных санкций¹. Анализ международных актов также позволяет сделать вывод о том, что санкции являются принудительными мерами, которые используются международными организациями для привлечения к ответственности государств за нарушение международных обязательств. Это в свое время констатировала и Комиссия международного права, обратив особое внимание на исключительное право ООН принимать санкции непосредственно на основании главы VII Устава ООН².

В то же время легитимность мер, исходящих от государств в одностороннем порядке, остается под большим вопросом. Так, ООН квалифицирует такие меры как отступление государством (или международной организацией) от своих международно-правовых обязательств с целью понуждения другого государства изменить свою позицию или поведение³.

В этой связи представляется юридически обоснованной позиция К.В. Крицкого, в соответствии с которой «санкции носят вертикальный характер», а ограничительные меры «имеют горизонтальный характер, т.е. применяются одним суверенным субъектом международного права против другого – юридически равного ему по статусу»⁴:

1. Международные санкции – коллективные меры принуждения, принимаемые с использованием институциональных механизмов международных организаций на основании акта международного права в ответ на совершение государством международно-противоправного деяния. Их ключевой признак – вертикальный, наднациональный характер легитимации на основании и в рамках

¹ Ronzitti N. Sanctions as Instruments of Coercive Diplomacy: An International Law Perspective // Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law. Leiden, 2016. P. 10-12.

² URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

³ Пункт 1.3 Ответов на вопросник спецдокладчика Совета ООН по правам человека о негативном воздействии односторонних принудительных мер // ОНЧР. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-unilateral-coercive-measures>.

⁴ Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном мире. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.

полномочий, предоставленных международной организации ее государствами-членами.

2. Меры ограничительного характера (ограничительные меры) – односторонние меры воздействия, принимаемые конкретным государством на основании акта национального законодательства в качестве реакции на совершение другим государством предполагаемого международно-противоправного деяния.

Современные тенденции демонстрируют, что в дополнение к указанным выше мерам формируется и третья, дополнительная конструкция в виде контрмер. В доктрине международного права под контрмерами понимаются односторонние принудительные меры, которые принимаются потерпевшим государством в ответ на международно-противоправное деяние другого государства, целью которых является побуждение государства-нарушителя прекратить противоправное поведение¹. Контрмеры как институт кодифицированы в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, одобренных Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 56/83 от 12 декабря 2001 года, которая устанавливает материальные и процессуальные критерии их правомерности: наличие предшествующего международно-противоправного деяния, соразмерность причиненному вреду, временный характер, а также соблюдение процедурных требований (направление уведомления, предложение о переговорах)².

От смежного института – реторсий – контрмеры отличаются прежде всего по основанию применения: реторсии являются ответом на недружественный, но правомерный акт другого государства, в то время как контрмеры всегда выступают в качестве реакции на международно-противоправное деяние³.

1

2

³ Кривенкова М.В. К вопросу о разграничении контрмер и реторсий в современном международном праве // Международное публичное и частное право. 2024. N 1. С. 6 - 9.

В российском правовом порядке вопрос квалификации ответных мер в качестве контрмер или реторсий зависит также от характера иницилирующих их ограничений.

Так, Арбитражный суд Московского округа в своем недавнем постановлении отметил, что занимаемая российским государством позиция в вопросе применения ответных ограничительных мер защитного характера полностью согласуется с позицией ООН¹. Суд сослался на Резолюцию Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, в соответствии с которой потерпевшее государство вправе принимать соразмерные контрмеры против государства, ответственного за международно-противоправное деяние². Таким образом, российский правовой порядок под контрмерами понимает односторонние меры защиты, принимаемые государством на основании актов национального законодательства в качестве реакции на меры ограничительного характера, введенные другим государством.

В то же время в российском законодательстве и отечественной доктрине также прочно укоренился термин «реторсии», под которым понимаются ответные ограничения, устанавливаемые в отношении иностранных лиц тех государств, где введены ограничения против российских граждан и организаций.

В этом смысле можно говорить о трансформации традиционного для международного права и отечественной правовой системы дуэта «санкции - контрмеры» в триаду «санкции - односторонние ограничительные меры - контрмеры», в которой каждая конструкция имеет самостоятельный субъект, основание, цели и причины принятия. При этом рассматриваемая триада не является исключительно теоретической конструкцией. Она находит свое, зачастую непоследовательное и терминологически неточное, отражение в

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2025 г. № Ф05-28458/2022 по делу № 09АП-21409/2025 // СПС «Консультант Плюс». Номер дела указывается по первой инстанции, а не по апелляции

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. N 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния».

законодательстве и судебных актах западноевропейских стран, стран англосаксонской правовой семьи и Российской Федерации.

Так, в Европейском Союзе меры ограничительного характера являются своего рода мерой принуждения исключительного характера, которая используется либо до непосредственно силового воздействия при уже существующем нарушении фундаментальных принципов правопорядка, либо в тех случаях, когда подобное силовое вмешательство по определенным причинам невозможно. Полномочия Евросоюза по введению ограничительных мер основываются, как минимум, на двух документах – Договоре о Европейском Союзе 1992 года (далее – ДЕС)¹ и Договоре о функционировании Европейского Союза 1957 года (далее – ДФЕС)² с учетом изменений и дополнений, внесенных Лиссабонским договором³. При этом, интересно отметить, что, несмотря на то, что в публичных источниках ограничительные меры, вводимые Евросоюзом (в частности, против Российской Федерации), обозначают термином «санкции» (а их совокупность – понятием «санкционный пакет»)⁴, и ДФЕС, и все официальные акты Евросоюза оперируют понятием “*restrictive measures*”, что в переводе с английского означает ни что иное как «меры ограничительного характера». При введении ограничительных мер органы ЕС обязаны направить официальное уведомление соответствующему лицу, которое, в свою очередь, может обратиться с заявлением о пересмотре введенных ограничений.

Страны англо-саксонской правовой семьи, в отличие от своих западноевропейских соседей, напротив, используют термин «санкции» и все производные от него.

Так, например, Великобритания, официально оперирует терминами «санкции» и «санкционный лист». В 2018 году был принят специальный Закон

¹ Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Маастрихте 7 февраля 1992 г.) // СПС «Консультант Плюс».

² Договор о функционировании Европейского союза (подписан в г. Риме 25 марта 1957 г.) // СПС «Консультант Плюс».

³ Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества" (2007/С 306/01) (подписан в г. Лиссабоне 13.12.2007) // СПС «Консультант Плюс».

⁴ URL: <https://tass.ru/ekonomika/17142747>.

о санкциях и противодействии отмыванию денег (*Sanctions and Anti-Money Laundering Act*¹). Примечательно при этом, что в пояснительной записке к данному закону санкции определяются как один из видов ограничительных мер, которые рассчитаны на временное применение и могут использоваться для принуждения к изменению поведения, сдерживания нежелательного поведения или для передачи четкого политического послания другим странам или лицам.

Соединенные Штаты Америки, благодаря своим широким экономическим возможностям и значительному влиянию на мировую экономику, к применению односторонних ограничительных мер обращаются наиболее часто. В США есть целый блок законодательных актов, которые предусматривают возможность введения таких ограничений:

- Закон о контроле над экспортом 1979 года²,
- Закон о торговле чистыми алмазами 2003 года³,
- Закон об иностранных наркоторговцах 1999 года⁴,
- Закон о борьбе с терроризмом и о применении смертной казни 1996 года⁵,
- Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года⁶,
- Закон о чрезвычайных положениях 1976 года⁷,
- Закон об иностранной помощи 1961 года⁸,
- Закон о торговле с враждебными государствами 1917 года⁹.

Тем не менее, основной блок ограничений в США регулируется Управлением по контролю за иностранными активами (*Office of Foreign Assets*

¹ Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 с. 13. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents/enacted>.

² Export Administration Act of 1979. Pub. L. 96-72, 93 Stat. 503.

³ Clean Diamond Trade Act of 2003. Pub. L. 108-19, 117 Stat. 631.

⁴ Foreign Narcotics Kingpin Designation Act of 1999. Pub. L. 106-120, 113 Stat. 1606.

⁵ Antiterrorism and Effective Death Penalty Act of 1996. Pub. L. 104-132, 110 Stat. 1214.

⁶ International Emergency Economic Powers Act of 1977. Pub. L. 95-223, 91 Stat. 1625.

⁷ National Emergencies Act of 1976. Pub. L. 94-412, 90 Stat. 1255.

⁸ Foreign Assistance Act of 1961. Pub. L. 87-195, 75 Stat. 424-2.

⁹ Trading with the Enemy Act of 1917. Pub. L. 65-91, 40 Stat. 411.

Control или *OFAC*), находящимся в подчинении Министерства финансов¹. Анализ указанных нормативных актов показывает, что термин «санкции» в США так же, как и в Великобритании, используется на официальном уровне.

Действующие американские ограничительные меры специалистами разделяются на две основные категории:

- секторальные (список *Sectoral Sanctions Identifications*, или *SSI*)², которые действуют в отношении определенных субъектов, осуществляющих деятельность в конкретной сфере экономики, и юридических лиц, находящихся под контролем либо в собственности данных субъектов. Секторальные санкции фактически препятствуют доступу определенных секторов экономики (например, энергетического, финансового, оборонного) к американскому рынку капитала и запрещают сделки, влекущие новые долговые обязательства. Так, еще летом 2014 года крупным российским банкам (в числе которых ВТБ, ВЭБ, Газпромбанк) было запрещено привлекать в США долговое и акционерное финансирование сроком от 90 дней³, позднее сроки финансирования еще больше сократились – от 30 до 14 дней;
- блокирующие (список *Specially Designated Nationals*, или *SDN*)⁴ – попадание в указанный список влечет за собой блокировку активов и абсолютный запрет на заключение с ними сделок, нарушение которого влечет риск введения вторичных санкций. Интересно отметить, что блокирующие санкции работают не только напрямую, но и косвенно в рамках правила 50%⁵. Это означает, что компания, которая на 50% и более принадлежит (прямо или косвенно) лицам, включенным в *SDN*,

¹ URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/office-of-foreign-assets-control>.

² URL: <https://sectoral-sanctions-identifications-ssi-list>.

³ Гордиенко Д.В., Ганин А.В. Американская санкционная политика в отношении России // Вестник МФЮА. 2019. № 2. С. 47.

⁴ URL: <https://specially-designated-nationals-and-blocked-persons-list>.

⁵ См.: Revised Guidance on entities owned by person whose property and interests in property are blocked. OFAC, 13 August 2014. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/licensing_guidance.pdf (date of treatment: 22.01.2023); Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy. Council of EU, 4 May 2018. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf>.

автоматически подлежит блокировке.

Проведенный анализ подходов Великобритании и США к обозначению принудительных мер позволяет выявить устойчивую тенденцию к терминологической подмене. Меры, юридически являющиеся односторонними ограничительными мерами, преподносятся как «санкции». Используя термин «санкции» страны англо-саксонской правовой семьи, очевидно, стремятся придать вводимым ими в одностороннем порядке мерам дополнительную легитимность, создавая видимость «санкционированности» международным сообществом, тогда как в действительности такие меры не имеют наднациональной правовой основы и лишь являются выражением суверенной воли конкретного государства или группы государств, действующих вне институциональных полномочий международных организаций.

Как справедливо в этой связи отмечает Д. Ховелл, ограничительные меры, вводимые государствами в одностороннем порядке, заимствуют риторику и символику коллективных санкций ООН, но не обладают их легитимностью и универсальной юридической силой.

Такая терминологическая подмена влечет опасные последствия для международного правопорядка. Во-первых, происходит размывание понятийного аппарата международного публичного права. Во-вторых, односторонние меры начинают восприниматься как легитимные санкции, что существенно снижает порог их применения. В-третьих, и это наиболее значимо для целей настоящего исследования, создается иллюзия, что такие меры имеют универсальную юрисдикционную силу и распространяют свое действие на лиц, не находящихся под юрисдикцией государства-инициатора.

Проблема определения существа мер ограничительного характера не обошла и российскую правовую реальность. В последние годы в связи с трудной геополитической обстановкой и, как следствие, беспрецедентным масштабом ограничительных мер, введенных в отношении Российской

Федерации, ее граждан и организаций, этот вопрос стал особенно актуальным.

В условиях применения в отношении Российской Федерации односторонних ограничительных мер негативные последствия коснулись не только экономического и финансового секторов, но и системы разрешения споров. Российские физические и юридические лица столкнулись с невозможностью или существенными сложностями в участии в рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров на территории государств-инициаторов таких мер.

В целях преодоления указанной проблемы и обеспечения реализации конституционного права на судебную защиту Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 171-ФЗ в АПК РФ были введены принципиально новые институты, закрепленные в статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ. Указанные положения установили возможность перевода в исключительную компетенцию российских арбитражных судов споров с участием лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера, или споров, основанием которых являются меры ограничительного характера.

До указанных изменений в российской доктрине подобный институт не разрабатывался, поскольку российская правовая система традиционно исходила из принципа автономии воли сторон при выборе места рассмотрения и разрешения спора, воплощаемую в пророгационных или арбитражных соглашениях, а вмешательство в пределы такой автономии допускалось только в строго ограниченных законом случаях. В то же время масштабное введение односторонних ограничительных мер против Российской Федерации, ее граждан и организаций, начавшееся в 2014 году, потребовало выработки новых процессуальных механизмов, обеспечивающих доступ к правосудию для лиц, которые его утратили или были в нем ограничены.

Появление обозначенных выше статей в АПК РФ стало закономерным законодательным ответом на меняющуюся правовую реальность. Однако при всей своевременности и необходимости введения подобных механизмов, их теоретическая проработка оказалась недостаточной. Так, законодатель не

разъяснил, что именно понимается под мерами ограничительного характера.

Отсутствие конкретизации в виде четких квалифицирующих признаков приводит к неоправданно широкому толкованию указанных норм и позволяет российским судам автоматически использовать свою исключительную компетенцию даже в тех спорах, которые совершенно не связаны с мерами ограничительного характера ни по субъектному (т.е. меры применены против субъекта спора), ни по предметному (т.е. основанием спора являются меры ограничительного характера) критериям¹. Подобное упущение со стороны законодателя неизбежно приводит к произвольному толкованию правоприменителем норм понятия «меры ограничительного характера», что влечет возможность обхода юрисдикционных соглашений сторон.

Представляется, что в поиске ответа на вопрос о том, что следует понимать под мерами ограничительного характера, должна служить описанная выше доктрина международного публичного права. Именно в ней выработаны наиболее корректные критерии разграничения коллективных санкций и односторонних ограничительных мер, основанные на источниках легитимации и субъектном составе принимающих органов. Указанные доктринальные наработки имеют универсальное значение и могут применяться как в рамках частного права, так и на стыке частного и публичного права.

Российское законодательство, обосновывающее возможность применения ответных ограничительных мер в ответ на действия недружественных государств, в этом контексте выступает не источником определения, а объектом анализа – правовым материалом, в котором доктринальные категории преломляются через призму национальных интересов. Доктрина как методологическая основа в совокупности с законодательством и его судебным применением как эмпирический материал

¹ Карабельников Б.Р. Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон. 2020. № 7. С. 118. См. также: Федченко Ю.В. Правовая природа соглашений о международной подсудности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 5. С. 172.

позволят выстроить научно обоснованное представление о действительной правовой природе мер ограничительного характера, которое будет положено в основу дальнейшего исследования.

Так, уже исходя из названия Федерального закона от 22 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических и принудительных мерах» (далее – ФЗ № 281)¹ можно понять, что основным термином является именно термин «меры». В соответствии со статьей 1 ФЗ № 281 «специальные экономические меры применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства», которые угрожают безопасности Российской Федерации или нарушают права и свободы ее граждан. В прочтении ФЗ № 281 специальные экономические меры фактически определяются как специальные временные запреты в отношении определенных субъектов (иностранного государства в целом, его граждан или постоянно проживающих лиц без гражданства или иностранных организаций), направленные на ограничения в сфере экономического, военного и финансового сотрудничества.

Ответные меры ограничительного характера или контрмеры как явление характерно именно для российской правовой реальности, что наиболее ярко иллюстрирует Федеральный закон от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (далее – ФЗ № 127)², в котором по сравнению с ФЗ № 281 значительно расширен круг субъектов, в отношении которых могут применяться меры воздействия (противодействия):

- организации, (1) находящиеся под юрисдикцией недружественных иностранных государств, (2) прямо или

¹ Федеральный закон от 22 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических и принудительных мерах» // СПС «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СПС «Консультант Плюс».

косвенно подконтрольные или аффилированные с ними;

– должностные лица и граждане недружественных государств, если любой из данных субъектов причастен к совершению недружественных действий в отношении России.

ФЗ № 127 расширил не только круг субъектов воздействия (противодействия), но и закрепил за Президентом РФ широкие полномочия по введению мер, направленных на обеспечение финансовой стабильности Российской Федерации, в число которых входят, среди прочего:

- введение особого порядка исполнения гражданами РФ или российскими юридическими лицами отдельных сделок (операций) с недружественными лицами;
- установление особого порядка исполнения российскими юридическими лицами обязательства по выплате прибыли (дивидендов) в пользу иностранных участников (акционеров);
- введение валютных ограничений, в том числе в отношении операций между резидентами и нерезидентами.

Именно на основании данных положений с февраля 2022 года был принят значительный массив президентских указов, вводящих российские контрмеры в ответ на введенные иностранными государствами ограничения. Анализ данных указов демонстрирует, что иностранные ограничительные меры именуются «ограничительными мерами», а действия, предпринимаемые Российской Федерацией, обозначаются как «специальные экономические меры»¹ или «дополнительные временные меры экономического характера»². Это в целом соответствует сформировавшемуся в доктрине разделению односторонних ограничительных мер, принимаемых одним государством, и ответных мер (контрмер), принимаемых государством-адресатом

¹ Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС «Консультант Плюс».

² Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

ограничительных мер в качестве реакции на их неправомерное введение.

Применительно к сфере разрешения споров ответ на вопрос о том, что же такое меры ограничительного характера в понимании статьи 248.1 АПК РФ, следует искать в пояснительной записке к проекту Закона Лугового¹ (далее по тексту – Пояснительная записка)², где целью внесения изменений указано установление определенных гарантий обеспечения прав и законных интересов отдельных российских физических и юридических лиц, в отношении которых иностранными государствами были введены меры ограничительного характера. Необходимость установления подобных гарантий продиктована соображениями справедливости и обеспечения доступа к правосудию и эффективной судебной защите всех лиц, в том числе и тех, которые ввиду определенных ограничений, наложенных на них иностранными государствами или организациями, подобного права лишились или оказались существенно в нем ограничены.

Первоначальная редакция законопроекта, внесенная комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, содержала отсылку к ФЗ № 127 и определяла меры ограничительного характера как «меры, введенные иностранным государством, либо государственным объединением и/или союзом, либо государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» в отношении российского физического или юридического лица (в том числе структур без образования юридического лица – фонда, партнерства, траста), их взаимозависимых и/или аффилированных лиц, а также иностранных компаний, принадлежащих структуре без образования юридического лица, бенефициаром или учредителем которой является российское физическое или

¹ Федеральный закон от 08 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // СПС «Консультант Плюс».

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/211006-8>.

юридического лица. При этом данные меры должны были ограничивать:

- 1) права такого лица на владение, пользование или распоряжение имуществом, которое находится на территории иностранного государства или выражено в иностранной валюте; или
- 2) возможность лица вступать в сделки, осуществлять или принимать исполнение по сделкам с участием российского лица, в отношении которого введены меры ограничительного характера.

Однако из текста законопроекта, вынесенного на второе чтение, исчезли пояснения законодателя о том, что такое меры ограничительного характера, а также исключено право лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера в одностороннем порядке вносить изменения в действующие соглашения о рассмотрении споров в иностранных государственных или третейских судах. Отказ законодателя от предоставления права одностороннего отказа от действующего пророгационного или арбитражного соглашения представляется не только оправданным, но и необходимым, поскольку принятие подобных поправок стало бы вопиющим нарушением фундаментальных основ международного и международного частного права. Однако подобного нельзя сказать об отказе от определения термина «меры ограничительного характера».

Интересно обратить внимание и на то, как термин «меры ограничительного характера» раскрывается в законодательстве, не связанном с разрешением споров. В Федеральном законе от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ)¹ меры ограничительного характера и санкции (как экономические, так и политические) используются не как синонимы, а как вполне самостоятельные альтернативы. Так, в статье 24 Закона 44-ФЗ, конкретизирующей способы определения поставщиков, указано, что закрытые конкурентные способы

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс».

применяются, в частности, в случае закупок товаров, работ, услуг заказчиками, в отношении которых иностранными государствами совершающими недружественные действия в отношении РФ, ее граждан и юридических лиц, введены политические или экономические санкции и/или меры ограничительного характера.

Напротив, в уголовном и административном законодательстве термины «меры ограничительного характера» и «политические и экономические санкции» являются фактически тождественными. Статья 284.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), введенная в УК РФ Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ¹ и устанавливающая уголовную ответственность за призывы к введению мер ограничительного характера в отношении РФ, ее граждан и юридических лиц, а также статья 20.3.4 Кодекса об административных правонарушениях оперируют термином «политические и экономические санкции» в качестве выражения мер ограничительного характера: уголовной ответственностью караются призывы к осуществлению «мер ограничительного характера, выражающихся во введении или в продлении политических и экономических санкций».

Примечательно, что запрос на разъяснение разницы между понятиями «санкции» и «меры ограничительного характера» содержался и в ответе Министерства финансов Российской Федерации на обращение касательно применения постановления Правительства Российской Федерации от 6 марта 2022 года № 301 «Об основаниях неразмещения в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры» (Постановление № 301)². Тем не менее, ответ Минфина

¹ Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 301 «Об основаниях неразмещения в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

был лаконичен: «Вопросы определения понятий «санкции» и «меры ограничительного характера» не образуют предмет регулирования Постановления № 301»¹.

В анализе вопроса о понятии «санкции» и его соотношении с российским аналогом под названием «меры ограничительного характера» немаловажен взгляд правоприменителя. Российские суды поддерживают общую законодательную тенденцию и оперируют термином «меры ограничительного характера», учитывая при этом специфику страны происхождения санкций. Так, например Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в рамках дела о банкротстве ООО «Вест-Алко» установил, что в отношении одного из его кредиторов, Акционерного общества Коммерческий банк «Рублев», «введены меры ограничительного характера: блокирующие санкции OFAC США»².

Несколько иное видение сущности санкций представлено в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда, в котором в рамках оспаривания акта о привлечении к налоговой ответственности за неполную уплату сумм налога вследствие занижения налоговой базы суд использовал как термин «международные санкции», так и термин «меры ограничительного характера», не проводя между ними четкой демаркационной линии. Достаточно любопытно, что суд, рассматривая по существу формальный правовой вопрос о возможности снижения санкции в связи с негативным влиянием международных ограничительных мер на деятельность компании, дал оценку скорее политической ситуации, нежели интерпретировал сущность подлежащих применению правовых норм³.

С процессуальной точки зрения такие комментарии органа,

муниципальных нужд сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры» // СПС «Гарант».

¹ Письмо Минфина России от 16 декабря 2022 г. № 24-07-07/123675 «О рассмотрении обращения» // СПС «Гарант».

² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2018 г. по делу № А21-5772/2018 // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2022 г. по делу № А40-155132/2021 // СПС «Консультант Плюс».

осуществляющего правосудие, представляются неуместными и не входящими в сферу его компетенции. Однако они наглядно демонстрируют, что суды вынуждены самостоятельно толковать категорию «меры ограничительного характера» в отсутствие четких законодательных ориентиров, что приводит к правовой неопределенности.

Более того, в начальный период применения статьи 248.1 АПК РФ под мерами ограничительного характера преимущественно понимались ограничения, введенные в отношении конкретного лица, – то, что в англосаксонских правовых системах получило название персональных санкций. Однако более свежая судебная практика показала, что суды теперь расширительно толкуют меры ограничительного характера и признают в качестве таковых и визовые¹, и экспортные ограничения². Подобные тенденции свидетельствуют о том, что правоприменитель постепенно отходит от более верного понимания мер ограничительного характера, сформировавшегося в доктрине, и под лозунгом защиты российских граждан и организаций за меры ограничительного характера принимает то, что ни фактически, ни юридически ими не является.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что в настоящее время сформировалась и требует четкого законодательного регулирования терминологическая и концептуальная триада мер международно-правового принуждения, включающая:

- 1) институциональные санкции (вертикальные, на основании и во исполнение полномочий международной организации);
- 2) односторонние ограничительные меры (горизонтальные, на основе национального права); и
- 3) ответные меры (контрмеры) как защитную реакцию на такие односторонние меры.

¹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 17 февраля 2023 г. по делу № А40-79338/2022 // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 января 2023 г. по делу № А28-6575/2022 // СПС «Консультант Плюс».

Смещение данных категорий, наблюдаемое в доктрине, национальном законодательстве (включая российское) и правоприменительной практике, ведет к правовой неопределенности, нарушению принципа суверенного равенства государств и создает риски для международной стабильности и защиты прав субъектов правоотношений.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что в современной доктрине международного права сформировалась концептуальная триада мер принуждения, включающая коллективные (институциональные) санкции, принимаемые на основании учредительных актов международных организаций; односторонние ограничительные меры, вводимые государствами на основе национального законодательства; и контрмеры, также принимаемые на основе национального законодательства, но носящие вторичный характер по отношению к первичным ограничительным мерам другого государства.

В то же время анализ зарубежного и российского законодательства выявил устойчивую тенденцию к терминологической подмене, при которой односторонние ограничительные меры преподносятся как институциональные санкции. Это создает иллюзию универсальной юридической силы таких мер, распространяющей их действие на лиц, не находящихся под юрисдикцией государства-инициатора, что напрямую влияет на доступ к правосудию. Введение в 2020 году в АПК РФ статей 248.1 и 248.2 стало закономерным законодательным ответом на объективную потребность в обеспечении доступа к правосудию для российских лиц, утративших такую возможность в судах недружественных государств. В то же время отсутствие легального определения мер ограничительного характера порождает правовую неопределенность и создает риски произвольного толкования.

Для целей настоящего исследования под мерами ограничительного характера понимаются односторонние принудительные меры воздействия, принимаемые государством или группой государств вне институциональных механизмов международных организаций на основании актов национального

законодательства, результатом которых выступает, в том числе, ограничение доступа к государственным судам и арбитражу на территории государства-инициатора.

§ 2. Влияние мер ограничительного характера на рассмотрение и разрешение споров в судах и арбитражах

В международном частном праве и международном гражданском процессе на протяжении долгого времени действуют вполне определенные принципы выбора места разрешения спора и применимого права в отношениях с иностранным элементом.

Центральное место среди них занимает принцип диспозитивности, позволяющий сторонам самостоятельно определять как применимое право (*lex causae*), так и компетентный орган для разрешения споров. Как справедливо отмечает Е.С. Смагина, такая возможность выбора является не просто одним из проявлений диспозитивности, но и важной гарантией реализации права на судебную защиту¹. При этом такая договорная подсудность, оформляемая в пророгационных или арбитражных соглашениях, является одним из наиболее сложных институтов, поскольку частные соглашения фактически изменяют публично-правовые предписания гражданского процессуального права.

В этой связи наряду с автономией воли важную роль играют объективные критерии, ограничивающие и/или дополняющие выбор сторон. В сфере международной подсудности такими критериями выступают, к примеру, принцип тесной связи, позволяющий определить место, наиболее тесно связанное со спорным правоотношением, а также нормы об исключительной подсудности, которую невозможно изменить соглашением сторон. В коллизионном регулировании аналогичную функцию выполняют нормы о сверхимперативных нормах и оговорка о публичном порядке, которые ограничивают действие избранного сторонами права в случаях, когда его применение противоречило бы фундаментальным принципам правопорядка страны суда или арбитража.

¹ Смагина Е.С., Кожухова А.С. О примирении в свете соглашений о подсудности // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. N 12. С. 32 - 36.

Эти установления в своей совокупности сформировали сбалансированную систему, которая позволяла сторонам, с одной стороны, реализовать свою договорную свободу, а с другой – гарантировала, что разрешение спора будет осуществлено в предсказуемой и нейтральной процессуальной среде. Именно эти два критерия – предсказуемость и нейтральность – традиционно рассматривались как неотъемлемые условия эффективного международного коммерческого оборота и разрешения споров.

Однако применение односторонних ограничительных мер существенно трансформировали данную систему. Представляется, что ключевым проявлением данной трансформации в процессуальной сфере является формирование ярко выраженной асимметрии в реализации процессуальных прав. Она отражает ситуацию, в которой формально равные перед законом участники гражданско-правового спора оказываются в фактически неравном положении с точки зрения их процессуальных прав и гарантий. Такая асимметрия порождается при этом не личными качествами сторон или содержанием принятых на себя договорных обязательств, а внешним публично-правовым вмешательством, выразившимся в экстерриториальном действии односторонних ограничительных мер. Она может проявляться в нескольких ключевых формах – от более общих до вполне конкретных.

Во-первых, такая асимметрия может проявляться в самом доступе к первоначально согласованному в договоре месту рассмотрения и разрешения спора. Если сторона, не находящаяся под мерами ограничительного характера вольна инициировать разбирательство в соответствии с юрисдикционной оговоркой в договоре либо в ином органе, если оговорка и применимое право это позволяет, то сторона, которая находится под ограничительными мерами такой свободой выбора не располагает. При этом ограничения к доступу могут быть как практическими – визовые ограничения, отсутствие прямых или регулярных рейсов или авиасообщения в целом, так и юридическими – например, риски, связанные с личным нахождением в так называемых «санкционных» списках.

Во-вторых, это асимметрия в реализации процессуальных прав, которая с доктринальной точки зрения является наиболее значимой. Она может выражаться в сложности или невозможности уплаты арбитражного сбора или государственной пошлины для инициирования процесса, отказе арбитров или независимых экспертов от принятия назначения. Одно из наиболее важных негативных проявлений такой асимметрии выражается в нарушении одной из основ процессуальной дееспособности – возможности ведения дела через представителя. Квалифицированная юридическая помощь становится не рутинной, а привилегией, а в случае успешного найма неизбежно возникают трудности с оплатой работы представителя. Соответственно, процессуальное равенство сторон, которое является непоколебимой основой как правосудия, так и третейского разбирательства, *de jure* упраздняется.

Такая асимметрия не является статичной, она порождает динамичную цепь препятствий, возникающих на разных стадиях как судебного, так и третейского разбирательства. Их целесообразно классифицировать по временному критерию, а именно:

- препятствия *ex ante* – возникают до вынесения окончательного судебного или арбитражного решения по существу спора; и
- препятствия *ex post* – возникают на этапе после получения окончательного судебного или арбитражного решения по существу.

Препятствия *ex ante* ограничивают или в принципе делают невозможным доведение спора до вынесения судебного или арбитражного решения по существу. Помимо сугубо практических препятствий, упомянутых выше, на доктринальном уровне есть препятствия более фундаментального свойства.

Во-первых, встает вопрос об арбитрабельности споров, затронутых действием мер ограничительного характера¹. В доктрине преобладающей является позиция о том, что ограничительные меры не затрагивают арбитрабельность спора, однако судебная практика стран ЕС свидетельствуют о наличии противоположного подхода. Так, в 1994 году итальянский суд в Генуе признал, что меры ограничительного характера являются частью публичного порядка, относятся к исключительной подсудности государственных судов и, как следствие, спор является неарбитрабельным². Данный подход был развит и поддержан на уровне Верховного кассационного суда Италии, который отметил, что наднациональный характер санкций не позволяет передавать споры арбитрам, которые, в сущности, являются частными судьями³.

Во-вторых, государственные суды и арбитры могут учитывать законодательство, вводящее в действие ограничительные меры, либо как законодательство места суда или законодательства места арбитража, либо места потенциального исполнения решения для обеспечения свойства исполнимости судебного и арбитражного решения. Иными словами, если стороны избрали применимым право страны, которая ввела односторонние ограничительные меры, то по общему правилу такие меры должны распространяться и на договорные отношения, подчиненные такому правовому регулированию⁴.

¹ Старженецкий В.В., Очирова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. N 4. С. 144 - 167.

² Court of Appeal of Genoa. Fincantieri - Cantieri Navali Italiani S.p.A. & Oto Melara S.p.A. v. Ministry of Defence, Armament & Supply Directorate of Iraq et al. Judgment of 7 May 1994. Цит. по: Szabados T. EU Economic Sanctions in Arbitration // Journal of International Arbitration. Vol. 35. 2018. No. 4. P. 439 - 462, 448 - 450.

³ Court of Appeal of Genoa. Fincantieri - Cantieri Navali Italiani S.p.A. & Oto Melara S.p.A. v. Ministry of Defence, Armament & Supply Directorate of Iraq et al. Judgment of 7 May 1994. Цит. по: Szabados T. EU Economic Sanctions in Arbitration // Journal of International Arbitration. Vol. 35. 2018. No. 4. P. 439 - 462, 448 - 450.

Supreme Court of Cassation of Italy. Government and Ministries of the Republic of Iraq v. Armamenti e Aerospazio S.p.A. et al. Case no. 23893. Resolution of 24 November 2015. Цит. по: Szabados T. Op. cit. P. 453.

⁴ Старженецкий В.В., Багрова Я.А. (Анти)санкционные оговорки в международных коммерческих контрактах // Закон. 2023. N 7. С. 123 - 145.

В теории и на практике сформировалось два концептуальных подхода, обосновывающих необходимость применения ограничительных мер: рассмотрение их как сверхимперативных норм или как элемента публичного порядка или международного публичного порядка.

Концепция сверхимперативных норм предполагает необходимость их применения независимо от избранного сторонами применимого права. О.Ф. Засемкова полагает, что ограничительные меры относятся к сверхимперативным нормам, которые направлены на защиту внутреннего и/или международного публичного порядка¹. Государственные суды в этом контексте могут обратиться к статье 11 Гаагских принципов выбора права, применимого к международным коммерческим договорам, которая подчеркивает, что суд применяет императивные нормы права суда, которые имеют преимущественную юридическую силу независимо от выбранного сторонами права². Аналогичным образом, часть 3 статьи 9 Регламента ЕС «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)» предполагает учет сверхимперативных норм права третьей страны, если их действие делает исполнение обязательства незаконным³.

Если обязанность государственного судьи применить сверхимперативные нормы своего государства вытекает прямо из закона, то с арбитрами ситуация гораздо неоднозначнее. Его компетенция проистекает из соглашения сторон, а не из закона, в связи с чем представляется, что связь арбитра со сверхимперативными нормами законодательства места арбитража или места потенциального исполнения решения носит опосредованный и условный характер.

¹ Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. М., 2018; Szabados T. Economic sanctions in EU private international law. Hart Publishing, 2019.

² "Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам" (Приняты 19.03.2015)

³ Регламент ЕС N 593/2008 "О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам" ("Рим I") (Страсбург, 17.06.2008).

В то же время необходимость применения арбитрами сверхимперативных норм признается в отечественной¹ и зарубежной² доктрине по международному арбитражу по следующим причинам. Так, международный арбитраж основывается на презумпции, что при обращении в арбитраж стороны не просто получают рассмотрение и разрешение своего спора, а получают практически исполнимое арбитражное решение. Игнорирование сверхимперативных норм места арбитража или места его потенциального исполнения с высокой степенью вероятности послужат весомым основанием для отмены арбитражного решения или отказа в его признании и приведении в исполнение по основаниям противоречия публичному порядку. Это фактически означает, что арбитры не исполнили основную задачу, которая вытекает из имплицитной цели арбитражного соглашения – добиться окончательного, обязательного и исполнимого арбитражного решения. Засемкова О.Ф. также высказывает небеспочвенные опасения, что есть риск соблюдения арбитрами «санкционного» законодательства даже их «домашней» юрисдикции, которая фактически не имеет никакого отношения к спору³ из-за опасения привлечения к ответственности или попадания под вторичные «санкции».

Представляется возможной и ситуация, при которой арбитры могут прийти к необходимости учета ограничительных мер не как иностранных сверхимперативных норм *per se*, а как фактического обстоятельства, которое имеет существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения спора по существу.

Противники такого подхода отмечают, что в отличие от государственного правосудия, арбитраж имеет делокализованный характер, в связи с чем у арбитров отсутствует необходимость применять

¹ Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже: Императивные нормы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

² Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy in International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / ed. by P. Sanders. ICCA Congress Series, 1987. N 3. P. 257.

³ Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. 2023. N 8. С. 135 - 147.

сверхимперативные нормы какого-либо государства¹. Иными словами, если государственные суды связаны законодательством места суда (*lex fori*), то все национальное законодательство, так или иначе имеющее отношение к конкретному спору, для арбитров носит фактически одинаковое значение². Зарубежные авторы полагают, что для определения, какие именно сверхимперативные нормы необходимо учитывать арбитрам, необходимо учитывать факторы, среди которых в том числе ожидания сторон, дискреционные полномочия арбитров, зависимость арбитража от поддержки государства и даже общие требования справедливости³.

Однако более широкой и значимой в своем нормативном воздействии является категория публичного порядка. В отличие от сверхимперативных норм, являющихся позитивным предписанием высшего порядка, публичный порядок функционирует как негативный защитный механизм. В современном контексте действия мер ограничительного характера суды и законодатель чаще всего апеллируют именно к категории публичного порядка. Представляется, что это можно объяснить самой структурой публичного порядка как института. Как отмечает В.В. Молчанов, публичный порядок состоит из двух взаимосвязанных составляющих – процессуальной и материальной⁴. В контексте действия мер ограничительного характера обе составляющие имеют одинаково важное значение.

Так, например, Суд ЕС последовательно трактует санкционный режим ЕС как неотъемлемую часть правопорядка ЕС, требующую единообразной защиты как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Аналогичным образом, в России меры, вводимые Российской Федерацией в

¹ Акужинов А.С. Сверхкомпенсация и противоречие публичному порядку как основание для отказа в экзекватуре арбитражных и иностранных судебных решений в российском и европейском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. N 8. С. 119 - 155.

² Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств.

³ Barraclough A., Waincymer J. Mandatory Rules of Law in International Commercial Arbitration // Melbourne Journal of International Law. 2005. Vol. 6. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/Melb-JIL/2005/9.html>.

⁴ Молчанов В.В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. N 5. С. 140 - 158.

качестве ответа на иностранные ограничительные меры, также воспринимаются как часть отечественного публичного порядка. В этой связи иностранные ограничительные меры воспринимаются российскими судами как нарушение российского публичного порядка и не подлежат применению¹.

При этом представляется, что на практике сверхимперативные нормы и публичный порядок действуют не изолированно, а кумулятивно, создавая многоуровневый барьер на всех этапах судебного или арбитражного разбирательства. Так, ссылка на публичный порядок может привести к первоначальному отказу в компетенции состава арбитража или признанию спора неарбитрабельным. Если же рассмотрение спора продолжается, то сверхимперативные нормы об ограничительных мерах определяют его материально-правовой исход, обязывая суд или арбитра либо применить такие нормы, либо учитывать их при вынесении решения.

Помимо вопросов арбитрабельности и необходимости применения мер ограничительного характера как сверхимперативных норм или публичного порядка законодательства места арбитража (*lex arbitri*), места исполнения решения (*lex loci exequatur*) или применимого права к существу договорных отношений (*lex causae*), меры ограничительного характера вторгаются в процедурное ядро арбитражного разбирательства, а именно в юридическое место арбитража. Сторона, попавшая под действие ограничительных мер, может столкнуться с непримиримыми препятствиями в обращении в арбитраж в соответствии с арбитражной оговоркой. При этом стремясь сохранить арбитраж как способ разрешения спора такая сторона вправе предпринять попытку обращения к составу арбитража с заявлением о смене юридического места арбитража в силу следующего.

¹ Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. N 5. С. 86 – 100; Абросимова Е.А., Рзаев Р.Г. оглы. Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве // Вестник арбитражной практики. 2023. N 2. С. 90 - 97.

Так, принцип равенства (равного обращения, англ. – *equality of arms*) сторон является основополагающим в международном арбитраже¹. Основные арбитражные правила содержат прямое или косвенное требование о равном отношении к сторонам на протяжении всего арбитражного разбирательства.

J. Waincymer в этой связи обращает внимание, что равное обращение является неотъемлемым аспектом процессуальной справедливости: «Когда мы говорим о процессуальной справедливости, мы обычно имеем в виду надлежащую правовую процедуру, естественную справедливость или аналогичные концепции. В рамках этих понятий есть два ключевых концепта: один из них – равное обращение, а другой – адекватная возможность в полной мере представить свое дело»².

Этот принцип в равной мере признается в статье 18 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже, которая требует, чтобы «стороны получали равное обращение, и каждая сторона имела полную возможность представить свое дело»³.

G. Vorn в этом контексте особо отмечает, что место арбитража, первоначально избранное сторонами, может быть изменено, если одна из сторон не может полноценно представить свою позицию в рамках процедуры отмены арбитражного решения или связанных с ней процедур, или если юрисдикция места арбитража становится враждебной по отношению к одной из сторон: «Если в государстве происходят радикальные политические и/или правовые преобразования, коренным образом изменяющие законодательный и судебный режим международного арбитража и вызывающие серьезные сомнения в способности одной из сторон надежно или справедливо

¹ P. Lalive, On the Transfer of Seat in International Arbitration, p. 25-26, https://cdn.arbitration-icca.org/s3fs-public/document/media_document/media012319088070580transfer_of_seat.pdf.

² J. Waincymer, Procedure and Evidence in International Arbitration, Kluwer Law International, 2012, p. 16.

³ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже 1985 года с поправками 2006 года (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ) // United Nations Commission on International Trade Law. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration 1985: with amendments as adopted in 2006. – Vienna: United Nations, 2008.

представить свою позицию, будь то в арбитражном разбирательстве или в последующем судебном разбирательстве по отмене арбитражного решения»¹.

В рамках арбитражной практики также имели место случаи, когда арбитры меняли место арбитража с целью обеспечения равного обращения к сторонам и сохранения нейтральности арбитражного разбирательства. Так, в деле *Huntington Ingalls Inc. v. Ministry of Defense of the Bolivarian Republic of Venezuela (II)* состав арбитража перенес место арбитража из Венесуэлы в Бразилию, подчеркнув необходимость обеспечения нейтральности и целостности арбитража². Аналогичным образом, Международный суд Международной торговой палаты перенес место арбитража из Бангкока в Куала-Лумпур, поскольку не было гарантировано исполнение арбитражного решения, вынесенного в Бангкоке³.

В то же время в условиях коммерческого арбитража сама такая попытка изменения места арбитража становится источником острой процессуальной борьбы. Противоположная сторона, как правило, возражает, апеллируя к принципу *pacta sunt servanda* и стабильности арбитражного соглашения. Арбитры или суд, оказывающий содействие арбитражному разбирательству, оказываются в сложной ситуации: они вынуждены балансировать между нерушимостью арбитражного соглашения и фундаментальными гарантиями процессуальной справедливости и равного обращения к сторонам.

Эта полемика, хотя на практике разрешается положительно крайне редко, оттягивает разбирательство по существу, ведет к значительным дополнительным издержкам и является ярким проявлением того, как внешние публично-правовые ограничения деформируют и усложняют частно-правовой механизм разрешения споров на самой ранней его стадии.

¹ G. Born, *International Commercial Arbitration*, 3rd edition, Kluwer Law International, 2021, paras. 14.02-14.04.

² *Huntington Ingalls Inc. v. Ministry of Defense of the Bolivarian Republic of Venezuela (II)*, Procedural Order No. 2 (Jurisdiction, Arbitrator Challenge, Place of Arbitration and Applicable Law), 16 July 2013, paras. 96-97.

³ 7 ICC Bulletin 2/1996, p. 58.

После преодоления препятствий *ex ante* и формального вынесения судебного или арбитражного решения на первый план выходят препятствия *ex post*. Наиболее значимым как с практической, так и с теоретической точки зрения является препятствие в признании и приведении в исполнение судебного или арбитражного решения в условиях действия мер ограничительного характера.

Данные препятствия можно разделить на три условные группы:

- признание российских судебных и арбитражных решений за пределами Российской Федерации;
- признание иностранных судебных и арбитражных решений на территории Российской Федерации; и
- исполнение судебных и арбитражных решений за пределами и на территории Российской Федерации¹.

Говоря о признании российских судебных и арбитражных решений за рубежом, стоит отметить, что несмотря на общую тенденцию к массовым отказам в таком признании, государственные суды недружественных государств все равно продолжают признавать российские судебные и арбитражные решения. Подобное стремление объясняется, вероятно, нежеланием открыто отступить от взятых на себя международно-правовых обязательств по двусторонним соглашениям о правовой помощи и Нью-Йоркской Конвенции в условиях отсутствия их официальной денонсации.

Однако есть и более любопытные прецеденты, которые заключаются в том, что государства по геополитическим соображениям денонсировали двустороннее соглашение о правовой помощи с Российской Федерацией, но их национальные суды продолжают признавать и приводить в исполнение российские судебные и арбитражные решения. Так, например, Литва, которая на законодательном уровне одобрила формальную денонсацию двустороннего

¹ См. Мамедалиева А.В. Положительные проявления современной конкуренции юрисдикций: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. 2025. № 3. С. 285 - 304.

договора о правовой помощи с Российской Федерацией, продолжает исполнять принятые на себя обязательства по данному договору.

В 2023 году сразу два литовских решения обратили на себя внимание в этом контексте.

Во-первых, 7 сентября 2023 года Апелляционный суд Литовской Республики признал и привел в исполнение решение российского государственного суда в пользу российской компании. Показательно, что ответчик, возражая против признания и приведения в исполнение данного решения заявлял, что несмотря на то, что российский заявитель не включен в санкционные списки ЕС, он обладает тесной связью с заблокированными лицами¹. Тем не менее, литовский суд проигнорировал данные возражения и отметил, что не видит ни правовых, ни фактических оснований для вывода о том, что признание и приведение данного российского судебного акта создаст предпосылки для подрыва суверенитета, безопасности и общественного порядка Литовской Республики. Особенно показательно, что в данном деле одним из субъектов, в пользу которых было испрошено признание и приведение в исполнение, была российская налоговая инспекция.

Во-вторых, 29 июня 2023 года Отдел по гражданским делам Верховного суда Литовской Республики признал решение российского Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ (далее – МКАС)². По решению МКАС литовская компания была обязана выплатить в пользу российского общества более 50 000 евро в связи с утраченным грузом. Судебная коллегия Верховного суда Литвы отметила, что российская компания не связана с лицами, группами лиц и организациями, подпадающими под ограничительные меры ЕС, в связи с чем основания для

¹ Dr. Rimantas Daujotas, Rusijos ir Baltarusijos ir vykdytas Lietuvoje - nuoseklios praktikos belaukiant // <https://www.teise.pro/index.php/2023/10/13/rusijos-ir-baltarusijos-teismu-pripazinimas-ir-vykdytas-lietuvoje-nuoseklios-praktikos-belaukiant/>.

² Решение судейской коллегии Отдела по гражданским делам Верховного суда Литовской Республики по делу № 3ЗК-3-178-823/2023 от 29 июня 2023 года.

отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения по мотиву нарушения публичного порядка Литвы отсутствуют.

Однако более интересная и непростая ситуация обстоит с признанием и приведением в исполнение судебных и арбитражных решений, вынесенных в пользу российской компании, которая непосредственно находится под ограничительными мерами. Государственные суды стран Восточной Европы смотрят на это по-разному.

Так, 17 июля 2023 года Верховный суд Чешской Республики признал решение МКАС, по которому в пользу ПАО «НК «Роснефть» (далее – Роснефть) были присуждены штрафные санкции по договору поставки нефтепродуктов с чешской компанией¹. Суд отметил, что тот факт, что два субъекта (т.е. Роснефть и чешская компания) находятся на противоположных сторонах продолжающегося военного конфликта не может служить автоматическим основанием для приостановления исполнения обязательств по контракту и не является основанием для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения.

5 декабря 2023 года Апелляционный суд Литовской Республики пришел к противоположному выводу². В данном деле рассматривалась возможность признания и приведения в исполнение также решения МКАС, вынесенного также в пользу Роснефти против литовской компании. Литовский суд отметил, что признание и приведение в исполнение такого арбитражного решения будет противоречить общественному публичному порядку Литвы, принципам демократии, правового государства и прав человека, гарантированных и обеспеченных Конституцией Литовской Республики, поскольку Роснефть контролируется Президентом и Правительством РФ, а связанные с ней лица включены в список российских юридических лиц, попавших под ограничительные меры ЕС.

¹ Решение Верховного суда Чешской Республики по делу № 20 Cdo 136/2023-362 от 17 июля 2023 года. Источник?

² Решение Апелляционного суда Литовской Республики от 5 декабря 2023 года. Источник?

Западноевропейские суды также не отличаются последовательностью в данном вопросе. Так, например, в марте 2024 парижский суд удовлетворил заявление Банка ВТБ о признании и приведении в исполнение решения Мещанского районного суда¹. Напомним, что между Россией и Францией отсутствует двустороннее соглашение о правовой помощи, в связи чем французский суд руководствовался собственными процессуальными нормами для определения возможности признания и приведения в исполнение российского судебного решения. Особенно показательным является то, что французский суд вообще не обратил внимание на статус ВТБ как заблокированного лица в соответствии с ограничительными мерами, принятыми ЕС.

В то же время в мае 2025 года Высший земельный суд Штутгарта отказал признавать и приводить в исполнение решение МКАС², вынесенное в пользу российского общества против немецкой компании о погашении задолженности, включая авансовые платежи и начисленные проценты. Немецкий суд счел, что налагаемые арбитражным решением обязательства будут противоречить Регламенту № 833 и, как следствие, нарушать публичный порядок Германии.

Однако самое значимое, на наш взгляд, решение было принято Окружным судом Гааги 5 июня 2025 года³. В данном деле украинская компания Farm Syu Zhnyva добивалась признания и приведения в исполнение решения Запорожского районного суда Украины, в котором одна из аффилированных с ПАО «Газпром» структур была признана alter ego Российской Федерации и, как следствие, солидарно ответственной за предполагаемый ущерб. Голландский суд указал, что признание такого решения означало бы нарушение фундаментального принципа суверенного иммунитета и было бы грубым нарушением норм международного права. Значимость данного решения заключалась в том, что фактически суд

¹ Tribunal Judiciaire de Paris, Exequatur, 13 mars 2024, N 19/12258. Источник?

² Решение Высшего земельного суда в Штутгарте от 13 мая 2025 года. Источник?

³ Решение Окружного суда Гааги от 5 июня 2025 года. Источник?

недружественного государства – Королевства Нидерланды – встал на защиту российского общества ПАО «Газпром».

В отношении признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в России также наметились определенные тенденции. Представляется, что ключевая из них на текущем этапе – приоритетная защита интересов российских физических и юридических лиц на основании широкого перечня факторов. Иными словами, российские суды все чаще отказывают в признании и приведении в исполнение иностранных судебных или арбитражных решений по формальным основаниям, еще больше оправдывая критикуемую «каучуковость» норм о публичном порядке.

При этом представляется необходимым сделать важное замечание. Когда речь идет о защите государственного суверенитета или публичного интереса, обращение к категории публичного порядка является вполне обоснованным, в то время как защита с помощью него частного интереса представляется недопустимой лишь на том основании, что это интерес российского гражданина или российского юридического лица.

Так, Арбитражный суд Московской области, рассматривая спор между корейской компанией и публично значимым российским обществом, пришел к выводу о том, что признание и приведение в исполнение арбитражного решения Корейского коммерческого арбитражного совета в пользу корейской компании, которая оказывает прямую или косвенную поддержку противнику, создаст непосредственную угрозу для безопасности Российской Федерации в условиях вооруженного конфликта¹.

В поддержку высказанного тезиса о том, что российские суды склонны защищать российских граждан и юридических лиц уже без строгой дифференциации дружественности или недружественности органа, в котором вынесено судебное или арбитражное решение, говорит растущее количество дел, в которых российские суды признавали и приводили в исполнение

¹ Определение АС Московской области от 29 июля 2024 г. по делу N А41-2687/23.

решения, вынесенные в пользу российских лиц абсолютно недружественными юрисдикционными органами.

Так, например, в октябре 2024 года Арбитражный суд города Москвы не усмотрел в признании и приведении в исполнение решения Сингапурского арбитражного центра (SIAC), вынесенного в пользу АО «Силовые машины» против государственной компании Вьетнама Petrovietnam, никаких рисков¹. Более того, суд вообще не обратил внимания на то, что в составе арбитража два арбитра являлись гражданами Австралии и Соединенного Королевства.

При этом двумя месяцами ранее Верховный Суд РФ в споре немецкой компании Thywissen и российского АО «Новосибирскхлебпродукт» счел, что рассмотрение спора арбитрами из недружественных государств является свидетельством отсутствия у них независимости и беспристрастности².

Такой подход представляется необоснованным, поскольку российские стороны сами продолжают рассматривать и назначать в качестве арбитров граждан или резидентов недружественных государств. Наиболее корректной стратегией в данном вопросе является учет обстоятельств каждого конкретного спора, а также установление факта, кем именно был осуществлен выбор арбитра – непосредственно стороной арбитражного разбирательства или арбитражным учреждением, в том числе за сторону, которая не принимала участие в арбитражном разбирательстве. Представляется, что в последнем случае у стороны будет больше шансов на потенциальное оспаривание арбитражного решения или воспрепятствования его признанию и приведению в исполнение.

Отдельно стоит обратить внимание и на вопрос приведения в исполнение российских арбитражных решений, вынесенных в пользу иностранных лиц из недружественных юрисдикций, унифицированный ответ на который дал Верховный Суд РФ после ряда противоречивых дел, рассмотренных нижестоящими судами.

¹ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 2 октября 2024 г. по делу № А40-20468/24-19-154.

² Определение ВС РФ от 26 июля 2024 г. N 304-ЭС24-2799 по делу N А45-19015/2023.

12 декабря 2024 года Верховный Суд РФ поставил точку в спорах о том, препятствуют ли российские контрагенты в приведении в исполнение внутренних арбитражных решений в пользу недружественных кредиторов. Суд отказал в передаче кассационной жалобы АО «Белорецкий металлургический комбинат» для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Российской Федерации, поддержав таким образом сформулированный нижестоящими судами¹ подход, что контрагенты подлежат учету на стадии фактического исполнения арбитражного решения, но не являются формальным препятствием для выдачи исполнительного листа².

Еще одним препятствием *ex post* можно считать возможность фактического исполнения решения в пользу российского лица на территории недружественных государств. На этапе судебного рассмотрения вопроса о возможности такого исполнения суды ЕС, например, будут с высокой долей вероятности ссылаться на статью 11 Регламента № 833 и отказывать в исполнении судебного или арбитражного решения на основании противоречия публичному порядку. При этом, например, английские суды заняли более осторожную позицию и указали, что сам факт включения лица в санкционные списки не препятствует вынесению решения в пользу таких лиц, а исполнение по таким решениям может быть авторизовано посредством обращения к национальному регулятору и получением соответствующей лицензии³.

Таким образом, в условиях действия мер ограничительного характера формируется асимметрия в реализации ключевых процессуальных прав, которая порождает качественно новый тип процессуальных препятствий от момента возникновения спора до фактического исполнения вынесенного

¹ Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 11 декабря 2023 г. по делу N А07-32862/2022, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2024 г. и постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 мая 2024 г.

² Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2024 N 309-ЭС23-16287 по делу N А07-32862/2022.

³ PJSC National Bank Trust v Mints [2023] EWCA Civ 1132.

решения. Преодоление таких препятствий возможно путем легитимации и формализации в национальном законодательстве специальных компенсаторных механизмов, призванных восстановить минимальный набор процессуальных гарантий для лиц, исключенных или серьезно ограниченных в доступе к интернациональным системам правовой защиты ввиду действия мер ограничительного характера.

§ 3. Юрисдикция и конкуренция юрисдикций: эволюция формы и содержания

Как уже было отмечено выше, меры ограничительного характера существенно изменили традиционные представления о рассмотрении и разрешении споров между сторонами, располагающимися в разных государствах. Можно говорить о том, что в условиях эскалации и непрекращающегося роста масштабов применения ограничительных мер из взаимодействия и сотрудничества Россия и недружественные страны¹ перешли в стадию активной конкуренции, если не противоборства. Однако рассмотрению феномена конкуренции юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера должно предшествовать предварительное определение ее базовых категорий, а именно уточнение самого понятия «юрисдикция» и его разграничение с иными смежными правовыми категориями науки гражданского процессуального права².

Для формирования комплексного понимания сущности юрисдикции необходимо обратиться к эволюции содержания рассматриваемой категории в процессуальной доктрине.

В отечественном правопорядке термин «юрисдикция» по-разному понимается и толкуется не только в различных отраслях права, но и в пределах одной отрасли. Так, в международном публичном праве понятие юрисдикции традиционно связывается с понятием суверенитета. Так, И.И. Лукашук считает юрисдикцию важнейшим проявлением и в то же время пределом действия государственной власти³. В этом контексте юрисдикция предоставляет государству право реализовывать свою суверенную независимость, которой они наделены в мировой системе формально равных

¹ Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц».

² Подробнее см.: Мамедалиева А.В. Конкуренция юрисдикций: от процессуального выбора к институциональному конфликту // Евразийский юридический журнал. – 2026. - № 2. – С. 301-304.

³ Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук // Международное публичное и частное право. 2002. N 2. С. 30 - 43.

государств, путем установления того, какое право применяется в отношении лиц или деятельности, в которых они имеют юридическую заинтересованность. Однако суверенитет служит не только концепцией, позволяющей осуществлять юрисдикцию, но и сдерживающим фактором: он лежит в основе принятия норм международного права, ограничивающих осуществление государственной юрисдикции. Государства действительно могут принимать законы, касающиеся вопросов, которые не являются исключительно внутренними, и тем самым затрагивать суверенитет других государств. Фактически, юрисдикция в международно-правовом смысле разграничивает компетенцию между государствами¹ и, таким образом, служит базовым принципом регулирования международного правопорядка.

В доктрине международного частного права и международного гражданского процесса понятие «юрисдикция» зачастую отождествляется² с понятием «международная подсудность»³, то есть компетенция национальных судов определенного государства по рассмотрению и разрешению гражданско-правовых споров с иностранным элементом. Именно международная подсудность исторически обозначала разграничение компетенции по рассмотрению гражданских дел между судами различных государств. Так, Т.М. Яблочков определял международную подсудность как выбор конкретного национального суда для рассмотрения и разрешения гражданского дела⁴. В то же время он обозначал, что судья не связан иностранными нормами о подсудности и не должен принимать во внимание факт, что его решение может быть не признано зарубежом. Такие взгляды на

¹ Ромашев Ю.С., Фетищев Д.В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. М.: Научная книга, 2009. С. 7.

² Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Елисеев Н.Г., Рожкова М.А., Скворцов О.Ю.; Под общ. ред.: Рожкова М.А. М.: Статут. 2008. С. 52.

³ Брун М.И. Международное частное право: курс лекций. М.: Издание Издательской комиссии Общества взаимопомощи студентов Московского коммерческого института, 1909; Мамаев А.А. Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам. М., 2008. С. 22.

⁴ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909. С. 120.

международную подсудность и ее функции очень далеки от того, как они воспринимаются на современном этапе¹.

В советский период данная традиция была в целом продолжена. Определенное новаторство было предпринято Л.А. Лунцем, который предложил разграничивать международную подсудность и международную подведомственность². При этом в рамках международного частного права он понимал юрисдикцию как государственную власть (*imperium*) и фактически сводил ее к международной подсудности³.

Первую попытку сформулировать самостоятельную категорию «юрисдикции» в отечественной доктрине предпринял Н.П. Иванов через противопоставление публично-правовой юрисдикции, определяющей характеристикой которой является суверенитет и его распространение на определенную территорию, и частной юрисдикции, которая, в свою очередь, делилась на формальную и материальную⁴. Формальная юрисдикция приравнивалась к процедурам судопроизводства, а материальная отсылала к материальным нормам иностранного права и российским коллизионным нормам⁵.

В современной процессуальной доктрине, в отсутствие легального определения рассматриваемого понятия также существует спектр терминов, которые считают смежными или даже тождественными термину «юрисдикция». К таким терминам традиционно относятся подведомственность, подсудность, компетенция.

Как справедливо отмечает Ф.Р. Конова, термин «компетенция» имеет ярко выраженный межотраслевой характер, поскольку широко распространен

¹ Там же. С. 121.

² Лунц Л.А. Международный гражданский процесс. М.: Юрид. лит., 1966. С. 31 - 32.

³ Там же.

⁴ Иванов Н.П. Основания международной юрисдикции / Н.П. Иванов // Золотой фонд российской науки международного права: антология: В 3 томах / сопредседатели редколлегии А.Л. Колодкин, В.В. Ершов. Т. 2. Основания частной международной юрисдикции / Н.П. Иванов.

⁵ Там же.

во всех сферах государственной деятельности¹. Словарь С.И. Ожегова в самом общем виде определяет компетенцию как круг полномочий, прав². Одним из самых видных представителей советской процессуальной науки, Ю.К. Осиповым, еще в советское время был сформулирован критерий, позволяющий разграничить компетенцию и подведомственность. Так, под подведомственностью понималось юридическое свойство объектов властного правоотношения, а под компетенцией – юридическое свойство, которым наделены субъекты власти³. Иными словами, компетенция – это круг установленных законом властных полномочий и обязанностей, возложенный на уполномоченный орган государства или должностное лицо.

Подведомственность как самостоятельный институт появился лишь в советское время⁴. В дореволюционный период использовался синонимичный термин ведомства, под которым понимали круг дел, который может рассматриваться в определенном органе. На современном этапе дополнительную путаницу в данный вопрос внес фактический отказ законодателя от использования термина «подведомственность» в процессуальных кодексах и иных процессуальных законах после проведения масштабной процессуальной реформы, ознаменованной вступлением в силу Федерального закона № 451-ФЗ⁵. В то же время представители процессуальной науки высказываются против отказа от термина «подведомственность» как на доктринальном, так и на законодательном уровнях. Так, В.В. Ярков отметил, что данный институт по-прежнему будет выполнять свои функции⁶, а А.Ф. Воронов справедливо отметил, что именно подведомственность разграничивает компетенцию не только между

¹ Конова Ф.Р. Влияние доктрины на трансформацию понятия "компетенция суда" в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник гражданского процесса. 2022. N 1. С. 127 - 157.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. С. 289.

³ Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1974. 44

⁵ Федеральный закон от 28.11.2018 N 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"

⁶ Ярков В.В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? // Закон. 2019. N 4. С. 92 - 103.

судебными инстанциями, но и между иными правоприменительными органами¹.

П.Ф. Елисейкин предлагал иной критерий разграничения компетенции и подведомственности, основанный на правовой природе рассматриваемых институтов: компетенция представлялась как институт процессуального права, в то время как подведомственность относилась к материальному праву. Однако представляется, что такое разграничение не вполне корректно, и критерий разграничения подведомственности и компетенции, предложенный Ю.К. Осиповым, не утратил свою актуальность: обе категории все также представляют собой юридические свойства субъектов власти и ее объектов соответственно.

Приведенные выше доктринальные воззрения позволяют провести разграничение между статическими категориями, характеризующими юридические свойства субъектов и объектов, и динамической категорией юрисдикции

К числу статических категорий следует отнести компетенцию, подведомственность и подсудность.

Компетенция представляет собой установленные законом предмет ведения и совокупность полномочий органа власти, это его юридическое свойство. Иными словами, компетенция отвечает на вопрос: какими полномочиями наделен орган? Подведомственность выступает юридическим свойством объекта властного правоотношения (дела) так называемого первого порядка, которое определяет, к ведению какого вида органов относится его рассмотрение, отвечая на вопрос: к ведению какого органа относится рассмотрение и разрешение данной категории дел? Подсудность также является юридическим свойством объекта властного правоотношения, но уже второго порядка, которое определяет по территориальному, родовому или иному признаку относимость дела к ведению конкретного суда из числа

¹ Воронов А.Ф. Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. 2020. N 5. С. 13 - 46.

однородных. Подсудность, таким образом, отвечает на вопрос: какой конкретный суд из числа однородных должен рассматривать данное дело?

Указанные выше категории имеют статичный характер, поскольку существуют независимо от конкретного процесса, будучи заранее установленными в нормативных положениях. Компетенция закреплена в законе как абстрактная возможность органа действовать, подведомственность и подсудность представляют собой нормативные критерии распределения дел.

В отличие от них, юрисдикция имеет иную природу. Представляется, что можно разграничить юрисдикцию в широком и в узком смысле.

В широком смысле юрисдикция понимается как суверенная власть государства по установлению и применению права на своей территории – в пространстве и по кругу лицу. Именно в этом значении термин «юрисдикция» используется, когда речь идет о «российской юрисдикции», «английской юрисдикции» и иных юрисдикциях.

В узком (процессуальном) смысле юрисдикция – это конкретное властное правомочие государственного или третейского суда (международного арбитража) на рассмотрение и разрешение конкретного гражданско-правового спора в установленной процессуальной форме и воплощенное в процессуальном акте, обладающем свойством *res judicata*. В отличие от статических категорий компетенции, подведомственности и подсудности, юрисдикция предстает динамической категорией, поскольку ее наличие или отсутствие зависит от обстоятельств каждого конкретного спора.

В то же время для целей настоящего исследования важно не только определить понятие и правовую природу юрисдикции, но и выявить, в каких формах она может осуществляться. В этой связи следует обратить внимание на позицию, сформулированную В.И. Барциц в диссертационном исследовании, посвященном взаимодействию российской и иностранной юрисдикций в гражданском судопроизводстве. Так, автор выделяет следующие виды юрисдикционной деятельности:

1. Деятельность публично-правового характера, а именно органов судебной власти и ряда направлений деятельности органов местного самоуправления (органы государственной власти – суды и исполнительные органы);
2. Деятельность институтов, формируемых частноправовыми инструментами (третейские суды, квазисудебные органы в сфере трудового права);
3. Деятельность институтов, сопровождающих осуществление национальной юрисдикции (нотариат, СРО).

Представленная трехзвенная классификация юрисдикционной деятельности очевидно отражает стремление к комплексному осмыслению самого феномена властного правоприменения. В то же время сформулированные виды юрисдикционной деятельности фактически отражают две традиционные для науки процессуального права формы защиты – государственную и негосударственную.

Такой же традиционной еще со времен римского права¹ является дифференциация между спорной (*iurisdictio contentiosa*) и бесспорной (*iurisdictio voluntaria*) юрисдикциями². Наиболее простой и общепризнанный критерий разграничения очевиден из самих терминов – находятся ли стороны в состоянии спора, конфликта. Спорная юрисдикция предполагает наличие такого конфликта, в то время как сфере бесспорной юрисдикции традиционно относили охранительную деятельность суда, деятельность нотариальных органов и регистрационную деятельность по фиксированию юридических фактов и правовых состояний. Как в этом контексте отмечает В.В. Аргунов,

¹ Аргунов В.В. Модели гражданского судопроизводства, их влияние на динамику хозяйственных связей в прошлом и настоящем России / Московский юридический форум онлайн - 2020: Сб. тезисов докл. М., 2020. Ч. 1. С. 130 - 135.

² Добровольная (бесспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай) / У.Х. Ангрисано, А.В. Аргунов, В.В. Аргунов и др.; под ред. В.В. Аргунова. М.: Статут, 2014.

беспорное производство – это сотрудничество, кооперация, в то время как спорная юрисдикция – про деструктивное конфликтное взаимодействие¹.

Эта историческая дихотомия не утратила своей актуальности и в настоящее время. Однако для целей настоящего исследования она оказывается недостаточной, поскольку не позволяет объяснить влияния мер ограничительного характера на рассмотрение и разрешение споров.

В этой связи предлагается разграничивать две формы властного правоприменения в виде процессуальной юрисдикции и административно-регистрационной деятельности, а также ввести дополнительное деление внутри процессуальной юрисдикции по источнику легитимации и структурной организации. Оно не отменяет классическую дихотомию, а лишь дополняет ее, позволяя провести разграничение там, где римское право ее не проводило.

Итак, первая форма процессуальной юрисдикции – это публичная процессуальная юрисдикция, осуществляемая государственными судами в строгой, императивно установленной процессуальной форме и характеризующаяся вертикально-иерархической моделью построения. Ее первоисточником является государственный суверенитет, что предопределяет императивный характер делегированных суду властных полномочий. Соответственно, легитимирующим основанием юрисдикции здесь выступает прямое предписание закона. Центральной, системообразующей категорией для публично-правовой юрисдикции является понятие «правосудие» – деятельность по рассмотрению и разрешению споров в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов с соблюдением не только отраслевых, но и всех конституционных принципов². Конкретное

¹ Аргунов В.В. Особое производство как форма разрешения юридических дел в цивилистическом процессе. Некоторые итоги и перспективы // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Монография / Д.Б. Абушенко, М.А. Алиэскеров, Т.К. Андреева и др.; Отв. ред. В.В. Молчанов. М., 2023.

² Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. 2021. С. 18-19. См. также: Султанов А.Р. Безусловное безобразие, или является ли полное копирование текста возражений допустимым в качестве судебного решения? // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 264-282.

содержание юрисдикции раскрывается в ходе судопроизводства с применением положений о компетенции (подведомственности) и подсудности) и завершается вынесением обязательного судебного акта. При этом, как справедливо отмечает М.Ш. Пацация, судопроизводство одновременно является и способом реализации правосудия, и процессуальной формой, фиксирующей ход и исход реализации исключительного полномочия судебной власти¹. Таким образом, юрисдикция суда носит первичный в том смысле, что она вытекает напрямую из закона и обусловлена прямым делегированием властных полномочий со стороны государства.

При этом, как отмечает Н.С. Бондарь, юрисдикционной деятельности по осуществлению судебной власти свойственен определенный дуализм: с одной стороны, она представляет собой одно из специфичных проявлений государственного суверенитета, а с другой – воплощение всех государственно-властных начал². Иными словами, суд обладает всеми признаками суверенитета, которые присущи государству и его органу, но в то же время в его основе не только конституционные и внутригосударственные признаки, но и международно-правовые аспекты, которые связаны в том числе с соотношением национальной юрисдикции с иностранными.

Второй формой процессуальной юрисдикции является санкционированная частная юрисдикция, а именно – арбитраж. Однако как в доктрине, так и на практике наблюдается тенденция по отождествлению юрисдикции с деятельностью государственных судов по отправлению правосудия, исключая из сферы юрисдикции третейские суды и международные коммерческие арбитражи. Представляется, что такой подход игнорирует современные формы разрешения споров, где уже на протяжении

¹ Пацация М.Ш. К вопросу о понятии "процессуальная деятельность арбитражного суда" // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. N 5 / под ред. д-ра юрид. наук В.В. Яркова. СПб., 2007. С. 26.

² Бондарь Н.С. Государственный суверенитет в координатах судебной власти: суверенна ли судебная власть? // Конституционное и муниципальное право. 2024. N 7. С. 12 - 24.

долгого времени одну из ключевых позиций занимает арбитраж. Его деятельность, как и деятельность государственных судов, функционально направлена на окончательное и обязательное разрешение спора, что ставит закономерный вопрос о том, по какой причине они зачастую исключаются из сферы понятия «юрисдикция», и корректно ли говорить о конкуренции юрисдикций в парадигме государственный суд - арбитраж или более уместен иной термин?

Определенную путаницу в ответ на данный вопрос вносит и языковая созвучность русского и английского терминов применительно к компетенции состава арбитража, которая на английском языке именуется “*jurisdiction of the arbitral tribunal*”. Зачастую в трудах по международному арбитражу на русском языке данное понятие переводится дословно и носит название юрисдикции состава арбитража, а возражения против его компетенции – юрисдикционные возражения (*jurisdictional objections*)¹.

Отечественная доктрина не предлагает универсального ответа на данный вопрос. С одной стороны, достаточно распространенной является позиция о том, что третейский суд является юрисдикционным органом и, как следствие, исполняет юрисдикционные функции. Такой подход во многом основывается на том, что третейский суд разрешает спор путем вынесения окончательного и обязательного для сторон решения, которое не только обладает свойством *res judicata*, но и не может быть пересмотрено по существу государственными судами ни в рамках процедуры отмены арбитражного решения по месту арбитража, ни в любой иной юрисдикции по месту его признания и приведения в исполнение².

С другой стороны, ряд авторов придерживается противоположной точки зрения, основываясь на существенных характеристиках юрисдикции и правовой природы арбитража как способа альтернативного разрешения споров. Так, еще

¹ Полссон Я. Идея арбитража / пер. с англ. Н.А. Бабаджаняна. М.: Российский институт современного арбитража, 2021. С. 191.

² Арбитражный процесс: Учебник / Отв. ред. В.В. Ярков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010 (автор гл. 24 - Е.А. Виноградова).

в советское время была сформулирована позиция о том, что юрисдикционная деятельность присуща только государству и его органам ввиду наличия полномочий власти и принуждения¹. Данный взгляд был поддержан и развит Ю.К. Осиповым, отметившим, что ключевым признаком юрисдикционных действий является властность их осуществления².

В этом смысле, действительно, едва ли возможно говорить о властности полномочий арбитров в смысле возможности использовать рычаги государственного принуждения (*imperium*), поскольку их компетенция проистекает не из государственного суверенитета, а из частного соглашения сторон, которые решили подчинить себя арбитражному решению. В то же время арбитраж, как и государственный суд, реализует правоприменительные полномочия, но вследствие самого источника таких полномочий они являются в определенном смысле усеченными³.

В этой связи представляется, что ключевым аргументом в пользу юрисдикционной природы арбитража выступает обладание арбитражными решениями свойством *res judicata*, которое фактически ставит их в один ряд с решениями государственных судов по степени их юридической силы и окончательности. Применительно к судебным решениям *res judicata* проявляется в преюдициальном эффекте, а также преклюзивном эффекте – его неопровержимости и невозможности повторного рассмотрения тождественного иска⁴.

С.К. Загайнова отмечает, что рассматриваемый принцип окончательности судебного решения лег в основу деятельности и внесудебной юрисдикции, став основополагающим принципом международного

¹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 8.

² Осипов Ю.К. Указ. соч. С. 38.

³ Mourre A. Judicial Penalties and Specific Performance in International Arbitration // Schneider M.E., Knoll J., eds. Performance as a remedy: non-monetary relief in international arbitration. P. 370.

⁴ Асосков А.В. Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин *lis pendens* и *res judicata* в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // Международный коммерческий арбитраж. 2008. N 2. С. 83.

арбитража¹. В то же время в контексте арбитража данное свойство действует несколько иным образом и означает, что окончательное решение арбитража по существу спора является обязательным для сторон и спор не подлежит повторному рассмотрению по тем же основаниям между теми же сторонами. Арбитражные решения после прохождения процедуры признания и приведения в исполнение или только приведения в исполнение также обладают свойством исполнимости.

В доктрине все чаще встречаются взгляды о том, что арбитражные решения обладают преюдициальностью так же, как и судебные решения, однако с определенными оговорками. Так, например, А. Редферн и М. Хантер указывают, что к сфере действия *res judicata* в рамках арбитража относятся существующие споры (ставшие предметом разбирательства в соответствии с арбитражной оговоркой), последующие споры (по вопросам, которые были разрешены в рамках предыдущего разбирательства), а также споры третьих сторон (проявление пресекающего эффекта арбитражного решения)².

В то же время полагаем, что говорить о преюдициальной силе арбитражного решения в контексте российского процессуального права со времен знакового Определения КС РФ от 25 сентября 2014 года³, в котором Суд пришел к выводу, что на решение третейского суда лица, участвующие в деле, могут ссылаться только как на письменное доказательство, все еще едва ли приходится⁴.

Природа *res judicata* в арбитраже в этой связи носит производный, но от этого не менее действенный характер. Она вытекает не из прямого веления государственного закона для конкретного дела, а из автономной воли сторон, выраженной в арбитражном соглашении, которая, в свою очередь,

¹ Загайнова С.К. Развитие учения о законной силе судебных актов в гражданском и арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2024. N 3. С. 78 - 111.

² Redfern and Hunter on International Arbitration. Oxford University Press, 2009. Para 9, P. 139-149.

³ Определение КС РФ от 25 сентября 2014 г. № 2136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санаевой Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ См.: Молчанов В.В., Молчанов В.В. Преюдиция в арбитраже (третейском разбирательстве) // Законодательство. 2022. N 6. С. 43-51.

санкционирована и обрамлена национальным законодательством и международными конвенциями. Обязательность арбитражного решения для сторон и недопустимость его оспаривания по существу в государственном суде являются следствием особой правовой природы арбитражного соглашения и арбитража как такового.

Как отмечает В.Н. Косцов, в юрисдикционном смысле арбитраж обязателен не только как принятое на себя сторонами договорное обязательство, но и в классическом процессуальном смысле, поскольку таковым он признается не только такими сторонами, но и со стороны государства, которое готово признавать и приводить в исполнение арбитражные решения¹.

Таким образом, санкционированная частная юрисдикция, в отличие от иерархичной вертикали публичной юрисдикции, представляет собой принципиально иную – горизонтально-договорную модель. Ее источником выступает не суверенная воля государства, а автономная воля сторон спора, закрепленная в арбитражном соглашении. В то же время такая частная воля санкционируется государством посредством закрепления в национальном законодательстве норм об арбитрабельности споров. Пределы юрисдикции арбитража, поэтому, определяются двумя разнопорядковыми элементами: публично-правовым барьером арбитрабельности и частно-правовым объемом компетенции арбитража, который целиком зависит от воли сторон, выраженной в соглашении. Власть арбитров в этой связи носит условный характер: она проистекает из договора, не является принудительной, но ее реализация гарантирована и защищена государством, тем самым делегирующим арбитражу часть своей юрисдикционной функции. Третейская форма разбирательства, в отличие от государственного судопроизводства отличается гибкостью, определяясь, прежде всего, соглашением сторон, а в

¹ Косцов В.Н. Арбитрабельность споров и полномочия арбитров: соотношение материального и процессуального права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. N 6. С. 86 - 113.

случае выбора конкретного арбитражного учреждения, администрирующего спора, и избранным регламентом¹.

Использование термина «процессуальная юрисдикция» применительно к арбитражу (третейскому разбирательству) может вызвать возражение с точки зрения классической отечественной доктрины, в соответствии с которой арбитраж не отправляет правосудие, а арбитражное разбирательство не является процессом. С первой частью этого тезиса следует согласиться, но вторая его часть требует уточнения. Если понимать процесс в узком смысле как исключительно процессуальную форму (судопроизводство), то арбитражное разбирательство действительно не подпадает под это понятие. Однако если понимать процесс в широком смысле, то деятельность третейского суда позволяет рассматривать процесс разрешения спора в порядке арбитражного разбирательства в качестве составного элемента гражданского процесса в его широком понимании². В этой связи также показательно, что в большинстве государств континентального права разделы об арбитражном разбирательстве входят в единый гражданский процессуальный кодекс³.

Однако в отличие от хорошо известной концепции широкого гражданского процесса, предложенной Н.Б. Зейдером, включавшего в себя наряду с деятельностью государственных и третейских судов также нотариальную и административную деятельность⁴, в настоящем исследовании понятие «процесс» и, как следствие, «процессуальная юрисдикция» ограничено только двумя формами: государственным судопроизводством (публичная юрисдикция) и арбитражным разбирательством (санкционированная частная юрисдикция). Основанием для такого

¹ Кудинова М.В. Компетенция государственных судов и международных коммерческих арбитражей по разрешению международных коммерческих споров. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025.

² Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007.

³ См., напр.: ст. 1465 ГПК Франции (Code de procédure civile, art. 1465) ; § 1025–1066 Закона об арбитраже в составе ГПК Германии (Zivilprozessordnung, Buch 10, §§ 1025–1066) ; ст. 806–840 ГПК Италии (Codice di procedura civile, artt. 806–840).

⁴ Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962.

ограничения выступает ключевой критерий, сформулированный в настоящем параграфе: процессуальная юрисдикция предполагает наличие правомочия по рассмотрению и разрешению спора с вынесением процессуального акта, обладающего свойством *res judicata*.

Соответственно, процессуальная юрисдикция предстает как единство функции (окончательное разрешение спора) при дуализме структуры. Публичная модель строится по схеме «суверенитет – правосудие – компетенция – подведомственность / подсудность», облеченной в форму судопроизводства, тогда как частная модель представляет собой следующее триединство «соглашение сторон – санкция государства – компетенция арбитража». Это фундаментальное структурное различие является ключом к пониманию того, каким образом внешние факторы, такие как односторонние ограничительные меры, воздействуют на каждую из форм юрисдикции.

Второй формой властной правоприменительной деятельности является административно-регистрационная деятельность (так называемое бесспорное правоприменение). К этому уровню относится вся иная властная правоприменительная деятельность, протекающая в отсутствие наличного спора о праве: деятельность исполнительных органов и местного самоуправления (регистрационные, разрешительные функции), нотариат, органы ЗАГС. Их цель – удостоверить, зарегистрировать, легализовать права и факты для предотвращения будущих споров. Их акты не обладают свойством *res judicata* и могут быть оспорены в суде по существу.

Установленный дуализм структурных основ юрисдикции позволяет объяснить сущность и основные проявления конкуренции юрисдикций как в ее классическом проявлении, так и в рамках действия мер ограничительного характера.

Стоит отметить, что, подобно самому термину «юрисдикция», в российской доктрине отсутствует единое определение понятия «конкуренция юрисдикций», и данная проблематика нередко рассматривается в более широком контексте. Так, в этом контексте ученые оперируют такими

категориями, как «конкуренция правовых систем», «конкуренция правопорядков»¹ и собственно «конкуренция юрисдикций».

При этом представляется необходимым данные явления разграничивать, основываясь на общепризнанных положениях теории государства и права. Напомним, что правовая система является широким собирательным понятием, которое включает в себя и систему законодательства, и правовые отношения, и правовую культуру, и правовые учреждения с правотворческими органами². Правовая система, действительно, неразрывно связана с экономической, политической и другими системами общества, обеспечивая их стабильное и эффективное функционирование. В этом смысле представляется, что конкуренция даже в условиях действия мер ограничительного характера проявляется не так явно, поскольку, как справедливо отмечает В.В. Ярков, «каждая система достаточно самобытна и развивалась под влиянием собственных импульсов, а не в стремлении противопоставить себя какой-либо иной правовой системе»³.

Говоря о конкуренции правопорядков, стоит вспомнить, что правопорядок как таковой представляет собой систему общественных отношений в правовом государстве, основанных на демократичном законодательстве и предполагающий гарантии для субъективных прав и свобод⁴. Правопорядок является одним из главных результатов осуществления правовой системы конкретного государства⁵. В этом смысле также едва ли можно говорить об обострении конкуренции правопорядков.

¹ В таком контексте рассматривает конкуренцию и А.А. Козырин в своем диссертационном исследовании. См.: Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты.

² Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 331.

³ Ярков В.В. Конкуренция правовых систем: миф или реальность? // Вестник гражданского процесса. 2021. N 1. С. 13 – 29.

⁴ Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 433.

⁵ Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: "Зерцало", под ред. Марченко М.Н. 2004 г. С. 346.

В самом общем и классическом виде конкуренция юрисдикций предполагает, что определенный спор может быть рассмотрен более чем одним доступным органом. В этом контексте конкуренция юрисдикций носит преимущественно процессуальный характер, в то время как конкуренция правовых систем и конкуренция порядков носит скорее общеправовой характер, описывая многомерные взаимодействия в правовом государстве.

Аналогично выделению широкого и узкого смыслов юрисдикции, конкуренция юрисдикций также может быть разграничена на два уровня.

В узком смысле конкуренция юрисдикций может быть отождествлена с параллельными разбирательствами, которые включают в себя:

- конкуренцию двух (или более) государственных судов за рассмотрение и разрешение конкретного спора;
- конкуренцию государственного суда и международного арбитража за рассмотрение и разрешение конкретного спора;
- конкуренцию двух арбитражей (международных или национальных) за рассмотрение и разрешение спора.
- конкуренцию двух (или более) государственных судов и двух (или более) международных арбитражей за рассмотрение и разрешение конкретного спора¹.

Иными словами, происходит столкновение либо двух публичных юрисдикций, либо публичной и санкционированной частной юрисдикций, либо в очень редких случаях – столкновение двух санкционированных частных юрисдикций. Такие столкновения исторически бывают положительными, когда два или более юрисдикционных органа признают свою компетенцию, или отрицательными, когда несколько юрисдикционных органов отказывают в рассмотрении и разрешении спора².

¹ Сюрмеев К.Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 13.

² Шебанова Н.А. Конфликт юрисдикций: причины и следствие // Вестник ВАС РФ, № 8, 2002. С. 133-134.

В широком смысле конкуренция юрисдикций представляет собой ситуацию, при которой у сторон имеется юридическая возможность выбора между несколькими юрисдикционными органами для рассмотрения одного или связанных споров. Ключевым фактором здесь выступает реальная конкурентоспособность альтернативных органов, определяемая возможностью получения сторонами сопоставимых по качеству, эффективности и предсказуемости процедур и результатов. Такая конкурентоспособность предполагает как процессуально-процедурные особенности, включая меры по обеспечению иска, так и материально-правовые факторы, которые в своей совокупности предлагают сторонам сравнимый по качеству, эффективности и предсказуемости процесс рассмотрения и разрешения спора и его конечный результат.

Таким образом, если конкуренция юрисдикций в широком смысле предполагает лишь потенциальную возможность возникновения параллельных разбирательств, то конкуренция юрисдикций в узком смысле подразумевает ситуацию, в которой такая возможность уже материализовалась.

К.Е. Сюрмеев в контексте изучения параллельных разбирательств также выделил в качестве ключевых два критерия – темпоральный, предполагающий одновременное рассмотрение и разрешение споров, и критерий тождественности (более известный в зарубежной доктрине как *triple identity test*), предполагающий тождество сторон, предмета и основания обоих споров¹.

В этой связи представляется, что для конкуренции юрисдикций в широком смысле темпоральный критерий утрачивает свой смысл, а критерий тождества требует переосмысления в силу следующего.

¹ Сюрмеев К.Е. Указ. соч. С. 169.

Сущность конкуренции юрисдикций в широком смысле заключается в изначальной юридической возможности выбора, независимо от того, была ли фактически эта возможность использована и проявилась ли в наличии параллельных разбирательств. В этой связи наиболее подходящим для идентификации конкуренции юрисдикций в широком смысле представляется критерий связанности споров, а не их строгого тождества. Такой подход признан, в частности, в практике ЕС, а именно в статье 30 Регламента № 1215/2012¹, где для предотвращения противоречивых решений допускается объединение связанных дел в одной юрисдикции при отсутствии их тождества.

Исторически регулирование конкуренции юрисдикций осуществлялось посредством обращения к нормам международной подсудности, к доктрине компетенции-компетенции (*kompetenz-kompetenz*)², институтам *forum non conveniens*³ и *lis pendens*⁴, принципу международной вежливости (*international comity*)⁵. Об этих механизмах противодействия конкуренции юрисдикций уже было достаточно написано в отечественной доктрине⁶, и они не являются непосредственным предметом исследования.

Однако масштабное введение и применение мер ограничительного характера и ответных контрмер неминуемо трансформирует конкуренцию юрисдикций, внося в нее сущностно новые, а иногда и дестабилизирующие элементы. Те инструменты, которые ранее с высокой степенью эффективности боролись с негативными проявлениями конкуренции юрисдикций, в условиях

¹ Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам».

² Fouchard, Gaillard, Goldman. On International Commercial Arbitration. Kluwer Law International. 1999. P. 401.

³ Чешир Дж., Норт П. Международное частное право. М., 1982. С. 140 - 145; Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. М., 2001. С. 239 - 244

⁴ Christer Soderlund. Lis Pendens, Res Judicata and the Issue of Parallel Judicial Proceedings. Journal of International Arbitration. 2005. 22(4); Асосков А.В. Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин *lis pendens* и *res judicata* в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // Международный коммерческий арбитраж. № 2. 2008. С. 74-98; Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе: проблемы идентичности исков и сторон // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 239 – 263.

⁵ Joel R. Paul. The Transformation of International Comity. Law and Contemporary Problems Duke University School of Law. 2008. Vol. 71:19.

⁶ Сюрмеев К.Е. Указ. соч.

действия мер ограничительного характера демонстрируют свою несостоятельность и требуют более радикальных решений.

В этой связи можно говорить о формировании конкуренции на основе так называемого «блокирующего» законодательства, представляющего собой не классический вариант конкуренции процессуальных норм и институтов, позволяющих признать компетенцию по рассмотрению и разрешению определенного спора, а конкуренцию императивных публично-правовых режимов. Государства, в отношении которых введены экстерриториальные ограничительные меры, принимают контрмеры, запрещающие соблюдение и следование таким мерам на своей территории. Это, в свою очередь, непосредственно влияет на возможность признания и приведения в исполнение решений в таких государствах, поскольку два юрисдикционных суверенитета взаимно отрицают правомерность процессуальных актов, принятых в недружественном государстве.

Показательно в этой связи, что в современной правоприменительной практике доминирует «положительная» конкуренция, при которой судебные органы различных государств демонстрируют устойчивую тенденцию к активному утверждению собственной юрисдикции в отношении трансграничных споров. Это явление эволюционировало от избирательного выбора наиболее благоприятного суда (*forum shopping*) в сторону стратегии опережающего установления процессуального контроля. Параллельно наблюдается практическое исчезновение феномена «негативной» конкуренции, выразившегося во взаимном отказе судов от принятия дел к производству по мотивам *forum non conveniens* или отсутствия достаточной связи с правопорядком.

Современный юрисдикционный суверенитет интерпретируется государствами не как пассивная прерогатива, а как правовой инструмент, требующий активной защиты и реализации. Данная парадигма приводит к формированию правовой среды, в которой конкуренция юрисдикций становятся систематическим, а не исключительным явлением. Традиционные

механизмы координации и взаимодействия юрисдикций подвергаются переосмыслению, поскольку судебные органы все реже признают себя непригодным органом для рассмотрения и разрешения спора, особенно если разбирательство затрагивает существенные национальные интересы или основы публичного порядка.

Тем не менее, это не означает, что такая конкуренция стала концептуально новым явлением. Первичная конкуренция, которая включает в себя широкий и узкий смыслы рассматриваемого понятия, в условиях действия мер ограничительного характера по-прежнему сохраняет свою актуальность, приобретая специфические черты. В рамках первичной конкуренции юрисдикций конфликт не выходит за пределы классической состязательной парадигмы: стороны, обладая равными возможностями, обосновывают свои притязания на рассмотрение дела в том или ином суде (государственном или третейском) либо, напротив, возражают против юрисдикции избранного истцом органа. Формально такие разногласия выражаются в заявлении ответчиком возражений о компетенции (подсудности) либо в ходатайстве истца о передаче дела по подсудности, что является традиционным механизмом реализации права на судебную защиту в рамках одного производства. В данном случае юрисдикционный орган, рассматривающий дело, сохраняет нейтральную позицию и разрешает исключительно частно-правовой спор сторон о том, какой орган является надлежащим по условиям соглашения сторон или в силу императивных предписаний закона.

В настоящее время же можно говорить о генезисе вторичной (производной) конкуренции юрисдикций. В парадигме вторичной конкуренции и конкуренция в широком смысле, и параллельные разбирательства приобретают совершенно иную природу – конфликт переходит на качественно новый, институциональный уровень противоречия между самими юрисдикционными органами.

В российской процессуальной доктрине вопрос о квалификации подобных отношений как спора между судами может вызвать небеспочвенный скепсис, поскольку процессуальное право не предусматривает каких-либо отношений непосредственно между юрисдикционными органами. Однако анализ норм АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ позволяет утверждать, что такой «спор» существует в опосредованной, институционализированной форме.

В целом проблема неопределенности в выборе компетентного юрисдикционного органа для отечественного правопорядка не нова¹. Еще в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года было уделено внимание решению вопроса «пререканий о подсудности» путем классификации возможных коллизий и для каждого вида выявить орган, который эту коллизию окончательно разрешит².

Современное процессуальное законодательство также закрепляет несколько механизмов, которые недвусмысленно свидетельствуют о признании законодателем возможности конфликта между юрисдикционными органами и необходимости его разрешения.

Во-первых, это институт передачи дела по подсудности из одного суда в другой, предусмотренный статьями 39 АПК РФ, 27 КАС РФ, 33 ГПК РФ. Согласно статье 39 АПК РФ, если при рассмотрении дела в арбитражном суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд выносит определение о передаче дела. Сама конструкция «передачи» предполагает, что один суд оценивает компетенцию другого суда и принимает властное решение о том, что дальнейшее рассмотрение дела относится к ведению иного органа.

¹ Фокин Е.А. Искусственное изменение подсудности: диспозитивность или злоупотребление? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22.04.2021 N 305-ЭС20-23627 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. N 2. С. 17 - 35.

² Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М., 2018. См. также: Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса (переиздание учебника 1917 г.) / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 156 - 158.

При этом в судебной практике нередки случаи, когда суды отказываются передавать дело, ссылаясь на наличие у них собственной компетенции, что порождает ситуацию, при которой два суда выносят взаимоисключающие акты о своей компетенции. Такая ситуация прямо предусмотрена ч. 6 ст. 39 АПК РФ: спор о подсудности между судами в Российской Федерации не допускается, а дело, переданное из одного суда в другой, подлежит безусловному принятию. Само существование этой нормы – недвусмысленное доказательство того, что законодатель признает возможность возникновения разногласий между судами по вопросу о компетенции, то есть, по сути, спора между ними.

Во-вторых, в российском процессуальном праве закреплен механизм разрешения конкуренции компетенций между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. До реформы 2018–2019 гг. этот механизм был связан с институтом подведомственности, а после внесения изменений ФЗ №-451 разграничение компетенции осуществляется через правила подсудности. Однако ключевым остается то, что при возникновении неопределенности вопрос о компетенции разрешается вышестоящими судебными инстанциями. Так, согласно части 4 статьи 39 АПК РФ, если при рассмотрении дела выяснится, что оно подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, арбитражный суд передает дело в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом.

Таким образом, в российском процессуальном праве спор между юрисдикционными органами существует не как непосредственное правоотношение между судами, а как объективно возникающий конфликт процессуальных актов и притязаний на компетенцию, который:

1. урегулирован процессуальными нормами о передаче дел по подсудности;

2. разрешается вышестоящими судами в порядке проверки судебных актов;
3. опосредован процессуальными действиями сторон, которые выступают в роли «проводников» воли соответствующих юрисдикционных органов.

В настоящее время наиболее рельефным проявлением такого институционального конфликта стали антиисковые (*anti-suit injunction*) и анти-антиисковые запреты (*anti-anti-suit injunctions*) и распространение так называемых «войн запретов». Опосредуемые заявлениями частных сторон, они фактически демонстрируют публично-правовую суть конфликта. Суд одного государства, действуя по заявлению стороны, выдает антиисковой запрет (*anti-suit injunction*), препятствующий обращению в суд или арбитраж на территории другого государства. Воспринимая это как посягательство на свой юрисдикционный суверенитет, суд такого второго государства, также по заявлению заинтересованной стороны, налагает встречный антиисковой запрет (*anti-anti-suit injunction*), целью которого является нейтрализация эффекта первого запрета на своей территории. В результате возникает ситуация, где два публичных органа, формально реагируя на обращения частных лиц, фактически ведут спор о пределах своей власти, используя стороны в качестве процессуальных посредников.

В условиях действия ограничительных мер эта логика получает мощное публично-политическое усиление. Частный интерес стороны, стремящейся заблокировать нежелательное разбирательство, сливается с публичным интересом государства в защите своего правопорядка от экстерриториального воздействия мер ограничительного характера. Процессуальные инструменты (запреты) облекаются в риторику «судебной защиты» от «недобросовестной» или «противоречащей международному праву» юрисдикции, что придает частному процессу характер квази-межгосударственного спора.

Следовательно, вторичная конкуренция знаменует переход от спора в рамках действующей системы координации юрисдикций (где частный интерес

первичен, а публичная координация вторична) к спору о самой возможности одной юрисдикции регулировать деятельность другой, где публично-правовой аспект становится доминирующим, а частные интересы сторон – поводом и инструментом для его реализации. Это представляет собой существенный вызов устоявшимся принципам международного судебного сотрудничества, основанным на диалоге и взаимном уважении, и ведет к фрагментации процессуального пространства на основе политико-правовых противоречий.

Проведенный анализ демонстрирует, что категория «юрисдикция» в контексте современного гражданского процесса претерпевает существенную трансформацию, отходя от узкого отождествления с деятельностью исключительно государственных судов. Представляется необходимым разграничение двух уровней властной правоприменительной деятельности: собственно процессуальной юрисдикции, направленной на окончательное разрешение спора посредством решения, обладающего свойством *res judicata*, и административно-регистрационной деятельности. В рамках процессуальной юрисдикции предлагается также выделять публичную модель (государственные суды, основанные на суверенитете) и санкционированную частную модель (третейские суды и арбитражи, основанные на автономии воли сторон и санкционированные государством).

Предложенное дуалистическое понимание юрисдикции раскрывает эволюцию феномена конкуренции юрисдикций. В широком смысле такая конкуренция представляет собой потенциальную возможность рассмотрения спора более чем одним доступным юрисдикционным органом (публичным или частным), а в узком смысле – такую возможность, материализовавшуюся в параллельных разбирательствах. Однако масштабное применение односторонних ограничительных мер коренным образом меняет природу этого явления, формируя качественно новый уровень противостояния – «вторичную» (производную) конкуренцию юрисдикций. Если первичная конкуренция представляет собой спор сторон о выборе юрисдикционного органа, то вторичная знаменует собой конфликт самих юрисдикционных

органов о пределах собственной власти, который опосредуется частными интересами, но имеет ярко выраженную публично-правовую природу.

Таким образом, конкуренция юрисдикций в современных условиях перерастает из процессуального спора о подсудности в институциональное противостояние правопорядков, основанное на «блокирующем» законодательстве и проявляющееся в таких инструментах, как антиисковые и анти-антиисковые запреты. Традиционные механизмы координации такой конкуренции утрачивают свою эффективность, уступая место приоритетной защиты юрисдикционного суверенитета. Это приводит к фрагментации процессуального пространства и требует переосмысления устоявшихся принципов международного судебного сотрудничества, поскольку частноправовой спор все чаще становится ареной для реализации публично-политических противоречий между государствами.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что термин «юрисдикция» в современном гражданском процессе требует разграничения широкого и узкого смыслов. В широком смысле юрисдикция понимается как суверенная власть государства по установлению и применению права на своей территории. В узком смысле юрисдикция представляет собой конкретное властное правомочие государственного или третейского суда на рассмотрение и разрешение конкретного гражданско-правового спора в установленной процессуальной форме, воплощаемое в процессуальном акте, обладающим свойством *res judicata*. Это, с одной стороны, позволяет ее отграничить от таких статичных категорий, как компетенция, подведомственность и подсудность, с другой – от иных форм властного правоприменения.

Так, процессуальная юрисдикция реализуется в двух принципиально различных моделях – публичной и санкционированной частной. Публичная процессуальная юрисдикция, осуществляемая государственными судами, основана на суверенитете государства и строится по вертикально-иерархической схеме. Санкционированная частная процессуальная юрисдикция, осуществляемая третейскими судами и международными

коммерческими арбитражами, основана на автономии воли сторон и представляет собой горизонтально-договорную модель. Включение арбитража в понятие процессуальной юрисдикции обосновывается обладанием арбитражными решениями свойством окончательности и обязательности.

Конкуренция юрисдикций также эволюционирует в современных условиях введения и применения мер ограничительного характера. Наряду с классической «первичной» конкуренцией, включающей в себя широкий и узкий смыслы такой конкуренции и сущностно представляющей собой спор сторон о выборе наиболее удобного юрисдикционного органа, формируется «вторичная» (производная) конкуренция. Такая конкуренция уже является конфликтом самих юрисдикционных органов о пределах собственной власти, опосредуемым такими инструментами, как антиисковые и анти-антиисковые запреты. Это знаменует переход конкуренции юрисдикций из частно-правовой плоскости в публично-правовую, что создает предпосылки для дальнейшего анализа процессуальных особенностей рассмотрения и разрешения споров в условиях действия мер ограничительного характера.

Глава 2. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения споров в условиях применения мер ограничительного характера

§ 1. Правовые механизмы преодоления конкуренции юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера: сравнительно-правовой анализ

Определившись с понятием и сущностью конкуренции юрисдикций, а также обозначив основные ее проявления в условиях действия мер ограничительного характера, нельзя оставить в стороне арсенал доступных средств для преодоления ее негативных проявлений.

Прежде всего стоит напомнить, что Российская Федерация далеко не единственная страна, которая столкнулась с негативным эффектом мер ограничительного характера и была вынуждена принимать соответствующие ответные меры. Как указывает М.В. Кешнер, развитие политики расширения национальной юрисдикции вызвало ответную реакцию различных государств в виде принятия контрмер, препятствующих экстерриториальному действию иностранного законодательства¹.

В то же время, если раньше такие контрмеры появлялись исключительно в качестве ответной реакции на уже принятое иностранным государством законодательство, носящее экстерриториальный характер, то в настоящее время можно говорить о формировании превентивного блокирующего законодательства, которое носит более генерализованный и универсальный характер.

Одни из первых актов так называемого блокирующего законодательства были приняты в 1990-ых годах тем объединением, которое сейчас выступает одним из главных источников односторонних ограничительных мер экстерриториального характера, – Европейским Союзом. Введенные в то время механизмы с определенными изменениями послужили основой для тех

¹ Кешнер М.В. Вопросы легитимности ограничения контрмерами экстерриториальной юрисдикции государства // Журнал российского права. 2021. N 3. С. 152 - 171.

мер, которые в настоящее время применяются ЕС против Российской Федерации, ее граждан и организаций.

Так, в 1990-ые годы появился ряд Регламентов ЕС, которые в той или иной форме запрещали удовлетворение любых исковых требований физических или юридических лиц из Ирака, Ливии, Югославии. 31 июля 2014 года был принят Регламент ЕС 833/2014 (далее – Регламент № 833)¹, статья 11 которого запрещает удовлетворение исковых требований или любых требований подобного рода, связанных с любым контрактом или сделкой, исполнение которых напрямую или косвенно, в целом или в части были затронуты ограничительными мерами, введенными Регламентом № 833. Особенно обращает на себя внимание субъектный состав, в который входят не только российские лица, прямо или косвенно находящиеся под действием ограничительных мер, но и просто на любое российское физическое или юридическое лицо или орган.

По своей правовой природе данная норма напоминает часть 5 статьи 80 Венской Конвенции 1980 года², которая освобождает сторону от ответственности по убыткам в случае наступления обстоятельств вне ее контроля, которые нельзя было избежать или преодолеть вызванные ими последствия. В этом же контексте данную норму оценил и Суд ЕС в деле *Rosneft v. Council*³, указав, что рассматриваемая статья является стандартной оговоркой, которая включается во все документы, вводящие ограничительные меры, еще начиная с 2012 года с целью обеспечения невозможности обхода данных мер, требуя исполнения запрещенной сделки или контракта или получения защиты в случае их неисполнения контрагентом. Как далее пояснил

¹ Текст на английском языке доступен по ссылке: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20250521>

² Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

³ *Judgement of the European Court of Justice (7th Chamber) in C-732/18 P - Rosneft e.a v. Council*, 17 September 2022

// <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=3B97FA30D131852C6DF62F36E971BF2D?text=&docid=231202&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=5496487>. См. также: Мамедалиева А.В. Положительные проявления современной конкуренции юрисдикций: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. 2025. N 3. С. 285 - 304.\

Суд ЕС, на период действия ограничительных мер на такие иски распространяется действие доктрины форс-мажора (которая характерна странам континентального права) или аналогичной доктрины последующей незаконности исполнения (уходящей корнями в англосаксонскую правовую систему).

Тем не менее, есть вероятность, что описанное выше ограничительное толкование указанной нормы может быть пересмотрено. Так, 5 декабря 2021 года состав арбитража под председательством Софи Наппер, Сандры Казновой и Светланы Крупко вынес решение по делу *Stankoimport v. Reibel*¹, в котором были удовлетворены исковые требования российского Станкоимпорта о возврате авансового платежа и процентов, но отклонены требования о возмещении убытков на основании Статьи 11 Регламента № 833. Бельгийская компания обратилась в апелляционный суд Швеции с заявлением об отмене данного арбитражного решения, однако шведский суд обратился в Суд ЕС с запросом о толковании данной нормы и приостановил производство по делу об отмене арбитражного решения до вынесения Судом ЕС своего решения по толкованию².

Одним из ключевых вопросов, который шведский суд адресовал Суду ЕС, заключается в необходимости проверки судом, рассматривающим заявление об отмене арбитражного решения, соответствия выводов состава арбитража Регламенту № 833 на основании статьи 11. Иными словами, Суд ЕС должен разъяснить, распространяет ли свое действие данная норма на арбитражные разбирательства или ее действие ограничено только судебными разбирательствами в государственных судах государств-членов ЕС.

26 февраля 2026 года было опубликовано мнение Генерального адвоката Суда ЕС Андреа Бионди, где он анализирует, допускает ли статья 11(1)

¹ Joint Stock Company Foreign Trade Enterprise Stankoimport v. NV Reibel (II). Final Award. 5 December 2021. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-joint-stock-company-foreign-trade-enterprise-stankoimport-v-nv-reibel-final-award-sunday-5th-december-2021>.

² Request for a preliminary ruling from the Svea hovrätt (Sweden) lodged on 20 November 2024, NV Reibel v JSC VO Stankoimport.

Регламента № 833 в целом обращение в арбитраж с требованиями, которые «не подлежат удовлетворению», и приходит к выводу, что арбитрабельность таких споров не ограничивается. По его мнению, стороны могут передать спор в арбитраж, арбитраж может рассматривать такие требования и давать им правовую квалификацию, но не вправе удовлетворять его в смысле присуждения платежа или иного фактического исполнения по требованию, которое подпадает под запрет санкций. Такие арбитражные решения должны оставаться под контролем национальных судов на предмет соответствия публичному порядку ЕС.

Он также относит статью 11(1) Регламента № 833 к публичному порядку ЕС, поскольку это инструмент реализации фундаментальных целей Союза в сфере общей внешней и безопасности политики. Отсюда следует обязанность национальных судов, рассматривающих заявления об отмене арбитражных решений, проверять (при необходимости и по собственной инициативе), правильно ли арбитраж применил эту норму, и при обнаружении несоответствия отменять решение как противоречащее европейскому публичному порядку.

Наконец, Бионди дает содержательный ответ по структуре самих требований. Он рассматривает возврат аванса за товар, не поставленный из-за ограничительных мер, и проценты по нему как «claim» в смысле статьи 11(1) Регламента № 833, подпадающий под запрет на удовлетворение, несмотря на реституционный характер такого требования. При этом он допускает, что арбитраж может выносить декларативные решения (например, признавать существование права требования или фиксировать размер долга) либо решения с отложенным исполнением, но не может предписывать немедленную выплату до тех пор, пока действует санкционный режим. Он особо отмечает, что ограничительные меры являются временными и отменяемыми. Таким образом, право кредитора юридически признается, но фактическое исполнение блокируется, чтобы не подрывать эффективность мер ограничительного характера и не перекладывать риск их нарушения на

компанию из ЕС¹.

В 1996 году был принят еще один акт ЕС, направленный против экстерриториального действия ограничительных мер США против Ирана, Кубы и Ливии и получивший название Блокирующий статут². Целью Блокирующего статута ЕС называет защиту граждан и организаций ЕС от экстерриториального действия законодательства третьих стран, а именно актов США. В этой связи также примечательно, что при принятии Блокирующего статута ЕС отметил, что не признает действия такого законодательства и считает их противоречащим нормам международного права.

Основной принцип Блокирующего статута заключается в том, что операторы ЕС не должны соблюдать экстерриториальное законодательство, вводящие односторонние ограничительные меры, или любые решения (*decision*), определения (*ruling*) или арбитражные решения (*award*), основанные на нем, поскольку ЕС не признает его применимость к операторам ЕС и его воздействие на них. Ключевой эффект Блокирующего статута с процессуальной точки зрения заключается в фактически автоматической неисполнимости любого иностранного арбитражного или судебного решения, основанного на экстерриториальном блокируемом законодательстве, перечисленном в статуте. Пояснительная записка к нему разъясняет, что под решением понимается любое решение административного или судебного органа, а также любое решение арбитражного трибунала. Аналогичным образом, никакое решение, требующее ареста или иного принудительного исполнения любой экономической санкции против оператора ЕС, основанных на блокируемом законодательстве, не может быть исполнено. Национальные органы власти, включая национальные судебные органы и арбитров, обязаны применять и исполнять положения Блокирующего статута.

¹ *Joint Stock Company Foreign Trade Enterprise Stankoimport v. NV Reibel (II)*, Opinion of Advocate General Andrea Biondi of the Court of Justice of the European Union (C-802/24), 26 février 2026.

² Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom.

Более того, согласно статье 6 Блокирующего статута, операторы ЕС вправе взыскивать любые убытки, включая судебные расходы, причиненные применением блокируемого законодательства, или действиями, основанными на нем или вытекающими из них. Таким образом, сфера потенциально взыскиваемых убытков является очень широкой, что, как указывается в пояснительной записке, напрямую соответствует защитной цели Блокирующего статута.

Блокирующий статут также заложил почву для дальнейших протекционистских мер, которые ЕС реализовывает в рамках так называемого противодействия экстерриториальному действию законодательства третьих стран.

Опробованный в Блокирующем статуте механизм запрета на признание и приведение в исполнение решений, основанных на блокируемом законодательстве, был вновь реализован ЕС уже в недавнее время. Так, 16 декабря 2024 года Совет ЕС принял так называемый 15-й «пакет» ограничительных мер, утвердив Регламент Совета ЕС 2024/3192¹. Данным регламентом были внесены изменения в Регламент ЕС 833/2014, который был дополнен статьей 11с.

В соответствии с положением данной статьи никакие судебные запреты, приказы, меры защиты, решения или иные судебные акты, вынесенные в соответствии или основанные на статьях 248.1 или 248.2 АПК РФ или аналогичном законодательстве Российской Федерации, не имеют юридической силы и не могут быть признаны и приведены в исполнение в государстве-члене ЕС. Как поясняется в преамбуле Регламента, целью данной новеллы является борьба с антиисковыми запретами, которые выносят российские суды по статье 248.2 АПК РФ.

В рамках 18-го «пакета» ограничительных мер против Российской Федерации ЕС пошел еще дальше и ввел нормы о запрете признания и

¹ Council Regulation (EU) 2024/3192 of 16 December 2024 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine.

приведения в исполнение решений инвестиционных арбитражей против государств-членов ЕС, даже если арбитраж был инициирован до принятия ограничительных мер¹. Правовым основанием для такого политического решения было естественным образом выбрано противоречие публичному порядку ЕС.

Таким образом, один только пример ЕС демонстрирует, что принятие внутреннего законодательства, блокирующего эффект экстерриториального действия законодательства третьей страны, которое так или иначе может нанести вред гражданам или юридическим лицам государства-члена ЕС является не только логичной, но и абсолютно правомерной реакцией.

Однако ЕС не одинок в принятии подобных блокирующих актов².

Так, в 1985 году Канада приняла Закон об иностранных экстерриториальных мерах, содержащий прямой запрет на признание или исполнение каким-либо образом на территории Канады любого решения, основанного на односторонних ограничительных мерах США, введенных против Кубы³.

КНР также приняла ряд мер с целью борьбы с экстерриториальным действием законодательства третьих стран:

- 9 января 2021 года Министерство торговли КНР приняло приказ № 1 «О правилах противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер»⁴ (далее – Приказ КНР). В соответствии с Приказом КНР любое физическое или юридическое лицо Китая обязано уведомить компетентный департамент Государственного Совета КНР о запретах или ограничениях, введенных иностранным государством и

¹ URL: <https://pravo.ru/story/260488/>.

² Щукин А.И. Инструменты антисанкционного регулирования в глобальном трансграничном пространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 3. С. 156.

³ Foreign Extraterritorial Measures Act, R. S.C., F-29. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/f-29/index.html>.

⁴ Бутакова Я.С. Контрсанкционное регулирование: сравнительно-правовой анализ (Россия и Китай) // Право и политика. 2024. № 10.

препятствующих обычной экономической, торговой или иной связанной с этим деятельности, после чего компетентный орган может вынести запрет о неприменении указанных норм иностранного законодательства;

- 10 июня 2021 года был принят Закон «О противодействии иностранным санкциям», в котором на законодательном уровне закреплена возможность взыскания убытков с лиц, осуществляющих или содействующих применению ограничительных мер¹. Данный закон был существенно усилен в марте 2025 года после принятия Госсоветом КНР Постановления № 803, которым утверждены Правила реализации Закона КНР «О противодействии иностранным санкциям»².

Аналогичное «блокирующее» законодательство было принято и в странах Латинской Америки³.

В первую очередь, речь идет о принятом в Мексике в 1996 году Законе о защите торговли и инвестиций от иностранных законов, противоречащих международному праву⁴. Статья 1 определяет сферу применения указанного закона следующим образом, возлагая определенные обязанности на физических и юридических лиц, находящихся на территории Мексики. Данным лицам запрещено совершать любые действия, влияющие на торговлю или инвестиции, если подобные действия являются следствием экстерриториального действия иностранных законов. При этом экстерриториальность иностранного закона презюмируется, если он имеет или может иметь любое из перечисленных ниже проявлений:

- введение экономической блокады или ограничение притока

¹ Закона КНР «О противодействии иностранным санкциям».

² URL: <https://kkmp.legal/img/6b70305577-ddnndnd-dddddddn-dndddd.pdf>

³ Дораев М.Г. Экстерриториальность экономических санкций: противодействие юридическому империализму на национальном уровне. Законодательство. 2015. № 7. С. 12.

⁴ The Law of Protection of Commerce and Investments from Foreign Policies that Contravene International Law 1996. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/63.pdf>

- инвестиций в страну с целью изменения формы правления в ней;
- ограничение въезда в страну, принявшую закон об экономической блокаде или ограничении притока инвестиций.

Гражданам и резидентам Мексики запрещается предоставлять любую информацию любыми средствами, которая запрашивается иностранными судами или другими органами власти на основании иностранного закона, имеющего экстерриториальные последствия для Мексики.

С процессуальной точки зрения данный закон предусмотрел следующие механизмы правовой защиты:

- запрет на признание и приведение в исполнение национальными судами Мексики любых судебных или арбитражных решений, принятых на основании блокируемого иностранного закона;
- право ответчика, против которого было вынесено решение на основании блокируемого иностранного закона, требовать в национальных судах Мексики возмещения убытков в размере присужденной истцу суммы по иностранному судебному или арбитражному решению, а также возмещения соответствующих судебных или арбитражных расходов.

Однако в статье 6 закон предусматривает любопытное изъятие из общего правила о запрете на признание и приведение в исполнение в Мексике иностранных судебных или арбитражных решений, основанных на блокируемом законодательстве. Данное положение гласит, что национальные суды могут в соответствии с применимым национальным законодательством признавать и приводить в исполнение такие решения, в случае если лицо получило экономическую выгоду от такого судебного или арбитражного решения.

Закон также предусмотрел и защитные механизмы, которые должны были обеспечить исполнимость данного закона без ущерба для уже существующих норм о гражданско-правовой, уголовной или административной ответственности. Так, законом было предусмотрено право

Министерства иностранных дел налагать на нарушителей административные санкции в виде штрафов.

5 сентября 1997 года вступил в силу похожий по правовому регулированию закон и в Аргентине, который установил нормативные основы, касающиеся сферы действия иностранных законов на территории страны¹.

Закон лишил юридической силы на территории Аргентины иностранные законы, которые создают экстерриториальные последствия в виде экономической блокады, ограничения притока инвестиций или ограничения движения капитала, товаров, услуг, перемещения лиц, а также изменения формы правления в стране или ограничения ее права на свободное самоопределение.

В отличие от мексиканского блокирующего закона, аргентинский закон запретил предоставлять информацию по запросу иностранных судов или государственных органов не только физическим и юридическим лицам, но и всем без исключения государственным органам Аргентины, включая национальные суды.

Аргентинский закон содержит аналогичные процессуальные средства защиты, предусмотренные в мексиканском законе, включая изъятие на возможность признания и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, если лицо извлекло из него экономическую выгоду.

Единственным существенным отличием аргентинского закона является отсутствие в нем защитных механизмов, предоставляющих дополнительные гарантии его эффективного исполнения.

При этом вызывает удивление, что подобное блокирующее законодательство с целью защитить национальный суверенитет от экстерриториального влияния иностранных законов в основном принимают государства, не испытывавшие на себе напрямую действия односторонних

¹ Ley 24.871 — Medidas de protección ante normas extraterritoriales de otros Estados que afecten los derechos de propiedad y los intereses económicos de los residentes en la República Argentina. URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/45000-49999/45648/norma.htm>

ограничительных мер. Так, например, ни Иран, ни Венесуэла, которые десятилетиями находятся под непосредственным воздействием односторонних ограничительных мер США не приняли отдельных законов, защищающих государственный суверенитет, включая публичную процессуальную юрисдикцию, от экстерриториального действия иностранных законов.

Однако того же нельзя сказать о Кубе, которая последовательно старается защитить национальный суверенитет и интересы своих граждан и организаций.

Так, 24 декабря 1996 года в ответ на принятый в США Закон «Хелмса-Бертона»¹ Национальная ассамблея народной власти Кубы приняла Закон «О подтверждении достоинства и суверенитета Кубы» (далее – Закон № 80)².

Закон № 80 на законодательном уровне объявил Закон «Хелмса-Бертона» незаконным, неприменимым и не имеющим юридической силы. Правительству Кубы были предоставлены широкие полномочия по принятию дополнительных мер и положений для полной защиты текущих и потенциальных будущих иностранных инвестиций на Кубе, включая возможность перевода интересов иностранного инвестора в трасты, финансовые учреждения и инвестиционные фонды.

Закон № 80 запретил и сделал наказуемыми любые формы сотрудничества с США или совершение любых действий или бездействий, направленных на следование Закону «Хелмса-Бертона», облегчив при этом налоговый режим для кубинцев, в том числе проживающих за пределами республики.

При этом Закон № 80 не предусмотрел никаких процессуальных средств правовой защиты, включая возможный запрет на признание и приведение в исполнение на территории Кубы любых судебных или арбитражных решений,

¹ Cuban Liberty and Democratic Solidarity (Libertad) Act of 1996 (Helms - Burton Act). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/chapter-69A>

² Ley de Reafirmación de la Dignidad y la Soberanía Cubanas. URL: <https://dpej.rae.es/eli/cu/l/1996/12/24/80>

основанных на Законе «Хелмса-Бертоне» или иных законах США, вводящих ограничительные меры против Кубы.

Это упущение было исправлено в совместной Декларации Российской Федерации и Республики Куба о путях и средствах противодействия, смягчения и компенсирования негативных последствий односторонних принудительных мер, опубликованной 23 мая 2025 года¹. В Декларации оба государства выразили осуждение односторонних мер принудительного характера за исключением тех, которые принимаются Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава ООН. Пункт 4 Декларации прямо запретил признание и исполнение любого решения иностранного суда, вытекающего из применения национальных актов, предусматривающих принятие и применение односторонних мер в отношении других государств, а пункт 5 особо подчеркнул важность неукоснительного соблюдения юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности и, как следствие, недопустимости конфискации государственного или частного имущества во исполнение односторонних принудительных мер.

Приведенный выше анализ демонстрирует, что в условиях распространения односторонних ограничительных мер экстерриториального характера сформировалась новая правовая реальность, в которой государства в ответ на односторонние ограничительные меры, введенные против третьей страны, принимают собственное блокирующее законодательство. Такое блокирующее законодательство, как показывает пример ЕС, Канады, КНР, Мексики и Аргентины, с одной стороны, действительно защищает государственный суверенитет, а с другой стороны, грубо нарушает фундаментальные принципы международного правопорядка.

Во-первых, нормы о невозможности признания и приведения в исполнение арбитражных решений, основанных на блокируемом иностранном

¹ Декларация Российской Федерации и Республики Куба о путях и средствах противодействия, смягчения и компенсирования негативных последствий односторонних принудительных мер. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyue_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/2018817/

законодательстве, формально вступают в прямой конфликт с Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (далее – Нью-Йоркская Конвенция) для стран-участниц, число которых в настоящее время достигло 170 государств¹. Ключевое преимущество арбитража по сравнению с другими альтернативными способами разрешения споров и даже с производством в государственных судах исторически заключалось в возможности практически беспрепятственного исполнения арбитражного решения почти во всех странах мира, которые являются участницами Нью-Йоркской Конвенции. Нью-Йоркская Конвенция содержит исчерпывающий перечень оснований для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений, которые зеркально отражаются в национальном законодательстве об арбитраже. При этом блокирующее законодательство фактически институционализирует автоматический отказ в признании и приведении в исполнение арбитражных решений, основанных на блокируемом законодательстве, в большинстве своем даже без ссылки на публичный порядок. Это превращает Нью-Йоркскую Конвенцию из универсального международного инструмента в условный договор, действие которого может быть изменено односторонним политико-правовым решением конкретного государства. Такие нормы, безусловно, нарушают и Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским делам, и двусторонние договоры о правовой помощи между государствами.

Это не только дестабилизирует договорные отношения, но и подрывает заложенные в нем механизмы разрешения споров. Так, стороны, выбрав арбитраж за его концептуальную нейтральность с местом арбитража в стране, которая ввела такое блокирующее законодательство, рискуют не получить реальной защиты, поскольку арбитры вынуждены считаться с императивными нормами законодательства места арбитража. В противном случае вынесенное

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. N 8.

арбитрами решения с высокой степенью вероятности может быть отменено местным государственным судом в случае его оспаривания.

Описанный выше зарубежный опыт послужил для Российской Федерации одновременно и стратегическим ориентиром, и правовым противовесом. Он не только легитимировал сам факт возможности принятия национальных контрмер, но и предоставил готовые правовые модели, которые было необходимо адаптировать с учетом национальных особенностей и масштаба внешнего давления.

Реакция отечественного законодателя на односторонние ограничительные меры недружественных государств прошла эволюцию от точечных механизмов к созданию комплексной системы защиты.

Временные границы каждого из этапов становления российских контрмер фактически совпадают с волнами ограничительных мер, которые вводились иностранными государствами.

Так, первый этап, который условно можно назвать этапом адаптации, совпал с первой волной мер ограничительного характера, введенных иностранными государствами в 2012 году, и ознаменовался принятием Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (ФЗ № 272)¹. ФЗ № 272 ввел лишь символические ответные ограничения в адрес США и не внедрил каких-либо существенных мер, направленных на экстерриториальное действие ограничительных мер.

Второй этап пришелся на период с 2014 по 2022 год, который можно условно охарактеризовать как период точечных отраслевых ответов. Введенные в данный период меры были снова направлены не на создание всеобъемлющей защиты от экстерриториальности ограничительных мер, а на решение проблем, вызванных такими мерами, в отдельных отраслях. Основным актом данного периода – Указ Президента РФ от 6 августа 2014 года

¹ Федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ "О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации".

«О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», который знаменовал ответ Российской Федерации ограничениям в торговой сфере¹. Далее постепенно принимались другие ответные меры – усиление уголовно-правовой и административной ответственности, усиления контроля за финансовой сферой.

Период с 2020 года ознаменовал собой скачок от локальных симметричных мер к тотальному правовому противостоянию и формированию комплексных мер защиты национальных интересов и государственного суверенитета. Центральным элементом этой новой системы в процессуальной сфере стало появление статей 248.1 и 248.2 АПК РФ².

Статья 248.1 АПК РФ наделила российские арбитражные суды исключительной компетенцией по рассмотрению споров с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, даже в случае наличия юрисдикционного соглашения при условии возникновения препятствий в доступе санкционного лица к правосудию. Данная норма фактически вводит своеобразный юрисдикционный патронаж российских судов в отношении лиц, которые лишены доступа к правосудию в иностранных недружественных органах. Статья 248.2 АПК РФ легализовала институт антиисковых запретов в российском правовом поле, что соответствует стремлению законодателя локализовать рассмотрение спора в российской юрисдикции.

Появление данных норм вызвало неоднозначную реакцию в юридическом сообществе. Одни авторы обрушились с критикой на данную законодательную новеллу, указав, что нормализация инвестиционного

¹ Указ Президента РФ от 06.08.2014 N 560 "О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации".

² Федеральный закон от 8 июня 2020 г. N 171-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза" // СПС "КонсультантПлюс".

климата в России снова поставлена под существенную угрозу, а для международных компаний, имеющих филиалы и представительства в России, это сигнал к сворачиванию бизнеса или, как минимум, сокращению его масштабов¹. Некоторые авторы идут еще дальше и предлагают называть законопроект, подаривший жизнь данной норме, «О сомнительном праве избранных лиц нарушать свои процессуальные обязательства перед иностранными партнерами, или нам можно – а вам не нужно»².

С процессуальной точки зрения, основная критика введенных статьей 248.1 АПК РФ новшеств заключается в том, что произошло экстерриториальное распространение юрисдикции российских государственных судов на нерезидентов и нарушение правил о подсудности споров с участием иностранного элемента и, как следствие, вмешательство в юрисдикцию иностранных государств³. Это замечание справедливо в том случае, если спор возник между двумя иностранными юридическими лицами, но их основанием являются меры ограничительного характера иностранного государства или организации против российских граждан и компаний. Подобное распространение юрисдикции на иностранных лиц порождает потенциальный риск возникновения тождественных судебных актов, что в свою очередь повлечет невозможность их исполнения.

Тем не менее, не стоит забывать о том, что в основе определения компетенции российских судов по спорам с иностранным элементом лежит принцип тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ⁴. При этом личный закон, о нарушении которого говорят критики статьи 248.1 АПК РФ, во внимание не принимается. Трудности же с определением территориальной

¹ Гландин С. Антиисковой запрет, или Мина замедленного действия для бизнеса. Как протекционизм по «Закону Лугового» победил право // Закон.ру. 2020. 8 июня. URL: https://zakon.ru/antiiskovoj_zapret_ili_mina_zamedlennogo_dejstviya_dlya_biznesa.

² Карабельников Б.Р. Указ. соч. С. 119.

³ Там же. См. также: Моисеенко К. Комментарий к Закону о переносе в Россию споров с участием лиц, попавших под санкции // Закон.ру. 2020. 26 июня. URL: https://zakon.ru/kommentarij_k_zakonu_o_perenose_v_rossiyu_sporov_s_uchastiem_lic_popavshih_pod_sankcii.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // СПС «Консультант Плюс».

подсудности, возникающие в случае обращения в суд иностранной организации, следует решать, исходя из наличия у данной организации имущества или филиала / представительства на территории РФ¹.

Критика данных норм в целом выглядела бы абсолютно обоснованной в парадигме эпохи глобализации 2000-2010-х годов. Однако она упускает из вида ключевой аспект – данные нормы созданы не для идеальной правовой среды и не в рамках нее, а в условиях международного правового конфликта и противостояния юрисдикций и компетенций. Их задача – не привлечь иностранный капитал, не усилить приток иностранных инвестиций, а обеспечить минимальные процессуальные гарантии правовой защиты для своих (российских) граждан и организаций в ситуации, когда большинство иностранных юрисдикций системно нарушают их права в доступе к правосудию.

Более того, положения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ едва ли можно назвать блокирующим законодательством в том контексте, который он имеет в рассмотренных зарубежных актах. Данные положения не посягают на признание и приведение в исполнение судебных и арбитражных решений, что нельзя не отметить, как абсолютно правильное решение российского законодателя.

Подход законодателя поддержал и Конституционный Суд РФ, к которому все чаще стали обращаться с жалобами на конституционность рассматриваемых положений. Наиболее важным представляется определение (пусть и отказное), вынесенное 14 октября 2025 года². Для более четкого понимания выводов КС РФ кратко рассмотрим обстоятельства спора, послужившего поводом для жалобы на конституционность положений статей 248.1 и 248.2 АПК РФ.

¹ Воронов А.Ф. Указ. соч. С. 17.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новицкого Евгения Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьями 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 14 октября 2025 года. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision867754.pdf>.

Так, в декабре 2016 года ПАО «Петрарко» заключило договор купли-продажи акций с АО «Рост Банк» на 5,5 млрд руб. На основании договора поручительства Евгений Новицкий обязался гарантировать исполнение обязательств ПАО «Петрарко». Договор поручительства регулировался английским правом и предусматривал арбитраж в Лондонском международном третейском суде (ЛМТС).

В июне 2023 года правопреемник банка, Национальный банк «Траст», обратился в ЛМТС с иском к Е. Новицкому о взыскании 3,1 млрд руб. Годом позднее, Е. Новицкий, ссылаясь на сложности с поиском представителей из-за персональных санкций США и Австралии, подал в Арбитражный суд Мурманской области заявление о запрете банку продолжать арбитражное разбирательство в Лондоне в порядке статьи 248.2 АПК РФ. Суд удовлетворил заявление Е. Новицкого, запретив банку вести процесс в ЛМТС до решения российского суда по существу спора.

Однако 25 июня 2024 года, не дожидаясь итогов российского судебного процесса, арбитраж ЛМТС вынес арбитражное решение в пользу банка. После этого Е. Новицкий попросил распространить судебный запрет и на исполнение этого решения, но российские суды всех инстанций, включая ВС РФ, отказали, указав, что запрет по ст. 248.2 АПК РФ, невозможен после завершения третейского разбирательства и в любом случае не охватывает вопросы признания и приведения в исполнение.

Прежде чем переходить непосредственно к мотивам Определения КС РФ стоит обратить внимание и на позиции нижестоящих судов, особенно Арбитражного суда Мурманской области. В своем определении об отказе в выдаче судебного запрета по статье 248.2 АПК РФ, суд отметил два принципиально важных момента, практически безупречно их мотивировав¹. В отношении первого требования г-на Новицкого суд со ссылкой на позицию ВС РФ напомнил, что такие запреты носят превентивный характер и теряют

¹ Определение Арбитражного суда Мурманской области от 22 ноября 2024 года по делу № А42-3659/2024.

какой-либо смысл в случае вынесения решения иностранным судом или арбитражем по существу спора. В отношении второго требования суд первой инстанции отметил, что вынесение запрета на исполнение иностранного арбитражного решения не является частью арбитражного процесса и регулируется самостоятельным производством. Наконец, суд первой инстанции также отметил, что г-н Новицкий испытывал на себе ровно такое же давление ввиду введенных мер ограничительного характера, как и его процессуальный оппонент, поскольку ПАО НБ «Траст» принадлежит Центробанку, который находится под действием мер ограничительного характера практически всех недружественных государств.

Позиция, сформулированная судом первой инстанции, получила развитие и в судебных актах вышестоящих судов. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа отметил, что защита исключительной компетенции российских арбитражных судов по окончанным арбитражным разбирательствам осуществляется в рамках процессуального института отказа в признании и приведении в исполнение, предусмотренного статьей 244 АПК РФ, а не посредством вынесения запрета по статье 248.2 АПК РФ¹.

Г-н Новицкий обратился с жалобой в КС РФ, где оспорил конституционность ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, поскольку они, по его мнению, не позволяют российским судам запрещать исполнение иностранных арбитражных решений и связанные с этим судебные процессы за рубежом, лишая его эффективной защиты. Он также указал, что не был надлежаще извещен о начале разбирательства в ЛМТС и узнал о нем лишь в апреле 2024 года.

КС РФ, отказывая в передаче жалобы, отметил, что нормы статей 248.1 и 248.2 АПК РФ вообще не предусматривают возможности вынесения запрета в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, поскольку для этого есть специальный акт в виде Нью-Йоркской Конвенции и

¹ Определение Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 февраля 2025 года по делу № А42-3659/2024.

предусмотренные в ней основания для отказа в таком признании и приведении в исполнение.

КС РФ, отказывая в передаче жалобы, не просто констатировал отсутствие нарушения конституционных прав заявителя, но и сформулировал важнейший правовой подход, ограничивающий пределы действия компенсаторной юрисдикции. Суд подтвердил, что положения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ представляют собой экстраординарный, но конституционно допустимый механизм защиты, который действует исключительно на этапе, пока спор находится в «активной» фазе и решение по существу еще не вынесено. КС РФ подчеркнул, что эти нормы не предназначены для вторжения в сферу признания и исполнения иностранных арбитражных решений, которая урегулирована специальным законодательством и международными договорами, прежде всего Нью-Йоркской конвенцией 1958 года.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, появление блокирующего законодательства стало универсальной реакцией государств на экстерриториальное действие односторонних ограничительных мер. Однако модели такого законодательства существенно разнятся: от жестких, тотально запрещающих исполнение любых иностранных решений, основанных на односторонних ограничительных мерах (ЕС, Мексика, Аргентина), до более сдержанных, фокусирующихся на процессуальных гарантиях для своих граждан и организаций (Россия).

Во-вторых, российская модель, воплощенная в статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ, представляет собой не зеркальное отражение западных блокирующих статутов. Ее цель – не разрушение системы разрешения международных споров, а восстановление процессуального баланса для российских лиц, столкнувшихся с дискриминационными препятствиями в доступе к правосудию за рубежом.

Таким образом, оптимальный путь преодоления конкуренции

юрисдикций лежит не в эскалации запретов и взаимном блокировании судебных и арбитражных решений, а в поиске баланса. Этот баланс должен основываться на признании за каждым государством права защищать своих граждан, но в тех пределах, которые не разрушают фундаментальные основы международного правопорядка и не превращают средство правовой защиты в инструмент юрисдикционной агрессии.

§ 2. Компенсаторная юрисдикция в российском процессуальном праве: «исключительная» компетенция арбитражных судов по делам, связанным с ограничительными мерами

Беспрецедентная эскалация односторонних ограничительных мер и формируемая ими асимметрия в реализации прав потребовали от отечественного правопорядка соразмерной реакции. Российский законодатель ответил созданием качественно новых процессуальных институтов исключительной компетенции арбитражных судов по спорам, связанным с мерами ограничительного характера, и наделением их полномочием по вынесению антиисковых запретов в отношении начатых или потенциальных иностранных судебных или арбитражных разбирательств, получивших легальное оформление в статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ.

Данные нормы не просто адаптировали существующий процессуальный инструментарий к новым условиям, а фактически внедрили в российское процессуальное право новый институт компенсаторной юрисдикции. Под ней следует понимать правомочие национального государственного суда установить свою исключительную компетенцию по спору в качестве субсидиарного юрисдикционного органа в случаях, когда лицо, попавшее под экстерриториальное действие иностранных ограничительных мер, было лишено или существенно ограничено в реальной возможности реализовать свое право на доступ к правосудию в первоначально согласованном юрисдикционном органе.

Появление таких норм стало своего рода процессуальной революцией, поскольку они ознаменовали собой отход от классического определения международной подсудности, основанной на автономии воли сторон и строгом территориальном суверенитете. Вместо этого они ввели фактически процессуальный патронаж, в рамках которого суд из нейтрального посредника фактически превращается в активного защитника, патрона российских лиц, попавших под влияние мер ограничительного характера. Публично-правовая

роль суда усиливается, его процессуальная активность приобретает гораздо более выраженные черты.

Более того, закрепление такого рода механизмов потребовало от отечественного законодателя определенного процессуального креатива, который на текущий момент вызывает внутренние противоречия и задает направления для дальнейшего совершенствования данных норм.

Во-первых, законодатель создал системную лагуну в правовой защите, внедрив нормы об исключительной компетенции и антиисковом запрете только в АПК РФ, обойдя стороной ГПК РФ. Такой выбор, с одной стороны, объясним экономическим характером большинства затронутых ограничительными мерами отношений, но тем не менее создает определенную процессуальную дискриминацию граждан. В этой связи Вороновым А.Ф. было справедливо отмечено, что санкции могут быть не только экономическими и могут касаться не только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей¹.

Так, например, гражданин Российской Федерации, попав под персональные ограничительные меры, может столкнуться с невозможностью или существенными трудностями в рамках защиты своих прав и законных интересов в иностранном суде или международном арбитраже по гражданско-правовому спору, будь то взыскание долга или раздел имущества. При этом у него юридически отсутствует возможность воспользоваться институтом компенсаторной юрисдикции, поскольку ГПК РФ не содержит аналогичного механизма. Представляется, что данный законодательный пробел необходимо устранить и дополнить ГПК РФ аналогичными нормами об исключительной компетенции и антиисковом запрете.

Во-вторых, сама процессуальная механика и формулировки положений АПК РФ о компенсаторной юрисдикции нуждаются в дальнейшей доработке. Однако, прежде чем выявить направления усовершенствования для

¹ Воронов А.Ф. Указ. соч. С. 15.

дальнейшего применения, следует понять, как именно статья 248.1 АПК РФ должна работать.

Для применения части 1 статьи 248.1 АПК РФ необходимо одновременно соблюсти три следующих условия:

1. Предметный критерий, а именно наличие спора, попадающего под квалифицирующие признаки (споры с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, и споры, основанием которых являются меры ограничительного характера), указанные в статье;
2. Субъектный критерий – наличие введенных мер ограничительного характера в отношении участника спора;
3. Отсутствие иного порядка разрешения спора, установленного либо международным договором РФ, либо юрисдикционным соглашением¹.

Статья 248.1 АПК РФ предусмотрела достаточно гибкий подход, предоставив лицам, в отношении которых введены меры ограничительного характера, право выбора – обратиться в государственный суд или последовать выбранному ими способу разрешения спора в иностранном суде или арбитраже. Другими словами, передача спора на рассмотрение российского арбитражного суда – право лица, в отношении которого введены меры ограничительного характера, которым он может воспользоваться или пренебречь по своему собственному усмотрению. Подобный диспозитивный характер нормы, который признают и суды², устанавливающей исключительную компетенцию российских судов, не укладывается в классические представления о сущности того правового явления, которое именуется «исключительной компетенцией»³.

¹ Ярков В.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 30.

² Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2022 г. по делу № А41-28213/2022 // СПС «Консультант Плюс».

³ См.: Кириллова Е.А. К вопросу применения презумпции исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации // Юрист. 2021. N 8. С. 63 – 66; Комментарий к Арбитражному процессуальному

В традиционном понимании те споры, в отношении которых установлена исключительная компетенция, рассматриваются российским судом вне зависимости от воли лица, вовлеченного в спорное правоотношение. При этом интересно отметить, что в первоначальной редакции законопроекта положения, которые выводят споры из-под иностранной юрисдикции или компетенции международного арбитража, предлагалось применять только к тем юрисдикционным соглашениям, которые были заключены до вступления закона в законную силу.

В той же редакции, которая была принята, и вошла в текст процессуального кодекса, подобные ограничения отсутствуют. Нельзя не согласиться с Е.В. Кудрявцевой, которая отметила, что для гражданского оборота как такового ключевое значение имеет правильное определение исключительной компетенции судов по спорам с иностранным элементом¹. Тем не менее, как сама формулировка нормы, так и практика ее применения свидетельствуют о том, что рассмотрение споров с участием лица, в отношении которого введены меры ограничительного характера, — это лишь один из возможных сценариев, сценаристом которого является не суд, а подсанкционное лицо.

Для разрешения в том числе указанной коллизии было высказано предложение о создании специализированного суда по международным коммерческим спорам — Московского международного предпринимательского суда (Moscow International Business Court)², который бы позволил реализовать задачу, высказанную еще в 2019 году в Послании Президента РФ Федеральному Собранию: «Чтобы никто не убежал в другие

кодексу Российской Федерации (постатейный) (4-е издание, исправленное и переработанное) / Под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2020.

¹ Арбитражный процесс / под ред. М.К. Треушникова. М., 2016. С. 679 (автор соответствующей главы - Е.В. Кудрявцева).

² Щукин А.И. Специализированный суд по международным коммерческим спорам как современная предпосылка конкурентоспособности российского правосудия в условиях мировой глобализации // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 232 - 290.

юрисдикции за границу, чтобы у нас все было надежно и работало как часы»¹. Несмотря на то, что идея дифференциации судов в России не нова², подобные меры едва ли оправданы и необходимы как минимум в настоящее время по следующим причинам. Во-первых, споры с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, с учетом их определенной специфики относятся к уже классическому виду споров, рассматриваемых арбитражными судами с момента их создания, – спорам с участием иностранного элемента. Арбитражные суды на протяжении длительного времени накопили обширную практику рассмотрения подобных споров, учитывающую специфику споров с участием иностранного элемента и сложившиеся подходы к разрешению возникающих процессуальных и материально-правовых вопросов.

Во-вторых, создание нового суда, в который будут передаваться исключительно коммерческие споры, осложненные иностранным элементом, не оправдано с точки зрения возможностей практической реализации. Едва ли иностранные контрагенты, которые не признают компетенцию российских арбитражных судов, с которыми они давно и исторически хорошо знакомы, будут признавать компетенцию нового специализированного суда.

При этом российские суды воспринимают нормы об исключительной компетенции российских арбитражных судов, установленные статьей 248.1 АПК РФ как сверхимперативные нормы российского права³. Из такой сверхимперативности нормы В.В. Ярков делает критически важный вывод – наличие исключительной компетенции российского суда фактически исключает компетенцию иностранного государственного суда или международного арбитража, в связи с чем арбитражное соглашение признается утратившим силу, а спор – неарбитрабельным.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. № 38.

² Мурадян Э.М. Судебное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 16.

³ Ярков В.В. Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2025. N 1. С. 133 – 146.

В этой связи представляется обоснованным взгляд В.В. Старженецкого, в соответствии с которым компетенцию российских арбитражных судов по статье 248.1 АПК РФ правильнее рассматривать в качестве самостоятельного вида защитной компетенции, имеющей специальную антисанкционную направленность¹. Полагаем, что в данном контексте можно говорить о формировании института компенсаторной юрисдикции, суть которого заключается в наделении национального суда полномочиями субсидиарного юрисдикционного органа, устанавливающего свою исключительную компетенцию не на основе классических начал для установления исключительной компетенции по фактору необходимости повышенного публичного интереса в сосредоточении рассмотрения споров отдельной категории внутри государства, а для компенсации лицу утраченной или ограниченной возможности реализовать свое субъективное право на доступ к правосудию в рамках первоначально согласованного механизма разрешения споров. Таким образом, несмотря на то что статья 248.1 АПК РФ носит название исключительной компетенции по своей юридической сути она таковой не является, поскольку является не абсолютной, а относительной – своего рода компетенцией под условием.

Однако самую большую дискуссию в юридическом сообществе ожидаемо вызвала часть 4 статьи 248.1 АПК РФ, которая распространила описанный выше защитный механизм и на случаи, когда между сторонами заключено юрисдикционное соглашение, но ввиду ограничения в доступе к правосудию оно становится неисполнимым.

Если снова обратиться к изначальной редакции законопроекта, можно увидеть, что лицо, в отношении которого введены меры ограничительного характера, предлагалось наделить правом в одностороннем порядке изменять юрисдикционные соглашения с целью передачи спора на рассмотрение в российский государственный суд или арбитраж с местом в России. Более того,

¹ Старженецкий В.В., Фоменко А.И. Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. N 1. С. 74 - 95.

предполагалось, что сторона, которая попала под ограничительные меры, сможет менять не только орган разрешения спора, первоначально согласованный с контрагентом, но и право, применимое к существу спора. В окончательную редакцию данные предложения не вошли, что является, безусловно верным решением. Тем не менее, та формулировка, которая сейчас закреплена в части 4 статьи 248.1, далека от совершенства по следующим причинам.

Сразу стоит обратить внимание на то, какие процессуальные термины и категории законодатель включил в формулировку рассматриваемой нормы.

Первый термин, который получил в данном положении абсолютно новое прочтение – это неисполнимость юрисдикционного соглашения. Традиционно неисполнимость применительно к арбитражным соглашениям связывалась с невозможностью установления воли сторон в отношении избранной процедуры арбитражного разбирательства. Подобным образом неисполнимость понимал и российский правоприменитель. Так, в Постановлении «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (ППВС № 53) Верховный Суд РФ отметил, что неисполнимость может включать в себя неопределенность выбора вида арбитража (институциональный или *ad hoc*), невозможность осуществления воли сторон (например, стороны указали несуществующее арбитражное учреждение)¹.

Таким образом, российское право исходило из того, что ключевое отличие неисполнимости от других пороков арбитражного соглашения – это невозможность установления воли сторон применительно к избранной процедуре арбитражного разбирательства. Тем не менее, если между сторонами было заключено арбитражное соглашение с указанием всех или

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 "О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража"

большинства его ключевых элементов, едва ли приходится говорить о невозможности установления воли сторон в случае применения мер ограничительного характера к одной из сторон или непосредственного их влияния на предмет спора. Более того, формально арбитражное соглашение все еще может быть исполнено – арбитражные учреждения и государственные суды в недружественных юрисдикциях по-прежнему рассматривают споры с участием российских лиц, попавших под действие экстерриториальных ограничительных мер.

В этой связи встает закономерный вопрос: не было бы более точным использовать в качестве основания не неисполнимость арбитражного соглашения, а утрату им силы? Остановимся на этом подробнее.

С момента принятия Нью-Йоркской Конвенции стало традиционным оценивать арбитражное соглашение, помимо его формы, с позиций его действительности, исполнимости и наличия у него обязательной силы¹. Отсутствие любого из данных параметров является основанием для отказа в признании и приведении арбитражного решения в исполнение по заявлению возражающей стороны. При этом границы между данными основаниями зачастую стираются, что представляется абсолютно некорректным по следующим причинам.

Так, недействительность арбитражного соглашения предполагает наличие порока воли (обмана, угрозы или насилия) при его заключении, несоблюдение его формы или противоречие иным императивным нормам применимого права². Это означает, что соглашение с момента его заключения не порождало и не могло породить правовых последствий ввиду необратимых юридических пороков при его заключении. Утрата арбитражным соглашением

¹ Статья II(3) Нью-Йоркской Конвенции предусматривает, что суд Договаривающегося Государства, если к нему поступает иск по вопросу, по которому стороны заключили соглашение, предусматриваемое настоящей статьей, должен, по просьбе одной из сторон, направить стороны в арбитраж, если не найдет, что упомянутое соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено.

² Пункт 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 "О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража".

силы означает иную ситуацию, когда изначально действительное арбитражное соглашение перестало действовать в связи с наступлением определенных обстоятельств уже после его заключения. Неисполнимость же, как было указано выше, связывалась исторически с невозможностью реализовать право на арбитраж в конкретной ситуации¹.

Исходя из такого понимания, казалось бы логичным использовать в формулировке части 4 статьи 248.1 АПК РФ термин «утратило силу по причине применения в отношении одного из лиц, участвующих в споре, мер ограничительного характера». Тем не менее, законодатель, вероятно, сознательно сделал выбор в пользу неисполнимости в связи с принципиальными юридическими последствиями.

Почему же законодатель не сделал выбор в пользу «утраты силы»? Представляется, что на это есть несколько весомых причин.

Так, утрата силы арбитражным соглашением влечет за собой безусловное и окончательное его прекращение. Такое прекращение арбитражного соглашения необратимо, поэтому в случае, если меры ограничительного характера отменяются, арбитражное соглашение все равно остается утратившим силу. Более того, если бы законодатель признал, что любые пророгационные или арбитражные соглашения утрачивают свою силу в случае применения против стороны мер ограничительного характера, блокирующих доступ к правосудию, это было бы грубым нарушением принципа автономии воли сторон, на котором строится весь арбитраж как способ рассмотрения и разрешения споров.

Использование термина «неисполнимость» концептуально является

¹ Пункт 30 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 N 53 "О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража": «Под неисполнимым арбитражным соглашением понимается такое соглашение, из содержания которого не может быть установлена воля сторон в отношении выбранной ими процедуры арбитража (например, невозможно установить, осуществлен ли выбор определенного институционального арбитража или арбитража ad hoc) или которое не может быть исполнено в соответствии с волей сторон (например, согласованное арбитражное учреждение не вправе осуществлять администрирование арбитража в соответствии с требованиями применимого права)».

более точным, поскольку констатация неисполнимости арбитражного соглашения не аннулирует его – оно остается действительным и сохраняет свою юридическую силу. Неисполнимость предполагает временный характер препятствия и потенциальную обратимость для арбитражного соглашения без необходимости совершения каких-либо дополнительных действий.

Как отмечает К.В. Петрова, в данном контексте неисполнимость арбитражного соглашения означает невозможность исполнить волю сторон без нарушения баланса в правоотношениях между ними¹. Такое определение нового понимания неисполнимости, введенное законодателем в части 4 статьи 248.1 АПК РФ представляется вполне справедливым с двумя уточняющими комментариями. Первый – речь идет именно о юридической невозможности, поскольку фактически арбитражные и пророгационные соглашения в пользу иностранных юрисдикционных органов все еще жизнеспособны и могут быть исполнены с преодолением ряда препятствий. Второй – представляется, что законодатель здесь стремился восстановить не просто частноправовой баланс между двумя сторонами коммерческого оборота, а вывел на первый план защиту публично-правового интереса. Как в этой связи справедливо отмечает В.В. Ярков, законодатель ввел принципиально новое понимание неисполнимости, основанием которой становятся соображения публично-правового порядка в виде отсутствия доступа к правосудию в связи с введенными мерами ограничительного характера².

Анализ терминологического аппарата части 4 статьи 248.1 АПК РФ неизбежно приводит к необходимости рассмотрения второго ключевого понятия, использованного законодателем в формулировке данной нормы, а именно «доступ к правосудию». Употребление данной конституционно- и международно-правовой по своей сущности категории для обоснования компетенции российского арбитражного суда по спорам, изначально

¹ Петрова К.В. Экономические санкции как новое основание неисполнимости арбитражного соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. N 5. С. 36 - 38.

² Ярков В.В. Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2025. N 1. С. 133 - 146.

охваченным арбитражной или пророгационной оговоркой, ставит принципиальный вопрос о ее применимости к частнопроводному механизму разрешения спора. Ответ на него требует последовательного анализа содержания данного понятия в отечественном правовом порядке, его соотношения со смежными институтами, а также разрешения вопроса о принципиальной допустимости его распространения на сферу международного арбитража.

Содержательное наполнение данной категории, ее правовая природа и предназначение остаются предметом оживленных дискуссий как в международном, так и в отечественном контекстах. Первостепенный вопрос заключается в правовой квалификации того, что из себя представляет доступ к правосудию: международный принцип, конституционный принцип, процессуальный принцип, субъективное право (если да, то какое именно – материальное или процессуальное) или позитивная обязанность государства? Обращение к российскому законодательству, судебной практике и правовой литературе приводит к противоречивым выводам как в общем международном контексте, так и в рамках российской правовой действительности.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение рассматриваемого понятия. В тексте Конституции РФ¹ термин «доступ к правосудию» используется лишь единожды – в статье 52, обеспечивающей потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. При этом интересно отметить, что в Верховный Суд РФ в своем Постановлении от 25 декабря 2018 года № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания»² при упоминании права на доступ к правосудию сослался на статью 46 Конституции РФ, которая

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

² См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания».

традиционно считается воплощением права на судебную защиту. Процессуальные кодексы, в свою очередь, (в частности, АПК РФ и ГПК РФ) доступ к правосудию рассматривают как право граждан в контексте обжалования судебных актов в проверочных производствах¹.

Отсутствие четкой законодательной дефиниции закономерно породило плюрализм взглядов в судебной практике и доктрине. Высшие российские суды не смогли добиться единообразия в определении того, что такое доступ к правосудию. В одних судебных актах доступ к правосудию рассматривается как процессуальное право², в других – как обязанность государства и условие справедливого правосудия³. Отдельно стоит обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), который определяет доступ к правосудию как фундаментальный принцип, вытекающий из Конституции Российской Федерации и признанный международным сообществом, предполагающий право на обращение в суд и возможность получения судебной защиты⁴. Логике КС РФ следуют и многие представители доктрины, отмечая, что доступ к правосудию в настоящее время является не узким процессуальным институтом, а конституционно-правовой категорией⁵.

Однако в научной литературе смыслового единства вокруг рассматриваемой категории также не достигнуто. При этом можно отметить,

¹ Несмотря на то, что в статьях 380.10 АПК РФ и 391.11 ГПК РФ, в котором встречается термин «доступ к правосудию», называется «Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора...», корректнее относить данное производство к проверочным. Подробнее о различиях терминов «проверка» и «пересмотр» судебных актов см.: Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 115 – 120.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г.), п. 2 // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»; см. также: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5788 по делу № А40-230140/2018 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.М. Четыза» // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СПС «Консультант Плюс».

⁵ См.: Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 61; Малинский Ю.В. Доступность правосудия в системе арбитражных судов и условия ее реализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 6. С. 12 – 15.

что в большинстве своем доступ к правосудию рассматривается либо в связи, либо на контрасте с двумя другими фундаментальными правами – правом на судебную защиту и правом на справедливое судебное разбирательство.

Так, одними авторами доступ к правосудию рассматривается как основная гарантия конституционного права на судебную защиту, которая обеспечивается целым комплексом факторов, в числе которых судоустройство как таковое, распределение полномочий между судами, процедуры рассмотрения и обжалования дел в судах, исполнение судебных актов¹. Такой подход можно назвать условно конституционно-правовым.

С другой стороны, под влиянием международного права, в частности под влиянием статьи 6 ЕКПЧ, доступ к правосудию часто отождествляется или увязывается с правом на справедливое судебное разбирательство. При этом одни исследователи видят в доступе к правосудию основу для справедливого разбирательства, а другие, напротив, считают справедливое судебное разбирательство элементом доступа к правосудию. Так, например, В.В. Ярков отмечает, что современное понимание судебной защиты неразрывно связано с правом на справедливое судебное разбирательство и, как следствие, с доступом к правосудию. В то же время итальянские авторы определяют доступ к правосудию как синтез двух важнейших прав – права на справедливое судебное разбирательство, гарантируемое статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, и права на обращение в суд².

Международная доктрина в попытках осмыслить эту многогранность рассматриваемого понятия добилась определенного консенсуса относительно связи доступа к правосудию с еще одним принципом – принципом верховенства права, а также центральной роли судебной системы в обеспечении доступа граждан к правосудию.

¹ Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006. С. 64.

² Francioni F. et al. Access to Justice as a Human Right. Florence, 2007. P. 57; Flynn E. Disabled Justice? Access to Justice and the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Galway, 2015. P. 35.

Однако несмотря на центральное место судебной системы и связанных с ней процедур, общепризнана международная тенденция к расширению использования арбитража и других средств альтернативного разрешения споров для обеспечения доступа к правосудию. В этом контексте западноевропейские источники помимо обязательного условия наличия независимой и функционирующей судебной системы отмечают, что право доступа к правосудию подразумевает существование легально закрепленного права на использование иных механизмов разрешения споров.

Так, Мауро Каппеллетти, один из самых ярких представителей международного движения за доступ к правосудию и выходец из итальянской школы компаративистики, сформулировал три ступени эволюции, которые прошли западноевропейские правовые государства в рамках закрепления доступа к правосудию:

- 1) формирование и утверждение права на бесплатную юридическую помощь;
- 2) появление и развитие коллективных исков и исков в защиту публичных интересов; и
- 3) упрощение судебной системы и обеспечение доступа к альтернативным способам разрешения споров¹.

Впоследствии к этой триаде доктрина международного права добавила еще одно измерение – право на обращение в международные институты защиты прав человека².

Перечисленные выше составляющие права на доступ к правосудию, сформулированные М. Каппеллетти³, являются центральными в этой концепции права на доступ к правосудию, своеобразными тремя его измерениями. В рамках первого измерения фокус был на проблемах,

¹ Cappelletti M., Garth B. (ed.) *Access to Justice and the Welfare State*. Alphen, 1981. Vol. 4. P. 316.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 г. № 60/147. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права // СПС «Гарант».

³ Cappelletti M., Garth B. *Op. cit.* P. 320.

связанных с юридической помощью для малоимущих слоев населения. После закрепления гарантий для несостоятельных слоев населения во время второй волны фокус постепенно сместился в сторону необходимости выработки механизмов для защиты коллективных и публичных интересов. Третья волна может быть описана как переход от подхода доступа к юридическому представительству к более широкой концепции доступа к правосудию. Этот новый подход к доступу к правосудию не боится всеобъемлющих и радикальных инноваций, выходит за рамки простого предоставления квалифицированной юридической помощи. Этот подход фактически поощряет проведение ряда реформ, включая процессуальные изменения, изменения в структуре судов, включая создание их новых типов, изменения в материальном праве, призванные избежать споров или облегчить их разрешение, а также использование новых, альтернативных способов разрешения споров.

Пристальное внимание к закреплению гарантий доступа к правосудию не прекращается с конца двадцатого века. Так, в 1981 году Комитет министров Совета Европы в своей рекомендации № R (81) 7E представил следующие меры, которые, по его мнению, способны значительно облегчить доступ к правосудию:

- ускорение процесса разбирательства дела;
- упрощение самой процедуры рассмотрения дела в том смысле, что она должна быть понятна не только профессиональному юристу, но и простому обывателю;
- доведение информации о средствах правовой защиты до населения;
- сокращение судебных расходов;
- формирование отдельных систем судов для рассмотрения отдельных категорий споров¹.

Представляется, что большинство из этих выводов нашли свое

¹ Рекомендации R (81) 7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 г. // СПС «Гарант».

воплощение в Англии в реформах лорда Вульфа, главного судьи Англии и Уэльса. В своих отчетах (промежуточном и финальном), которые имели название «Access to Justice», что означает не что иное, как «доступ к правосудию»¹, он высказал вполне конкретные идеи и предложения, практически все из которых были приняты и реализованы в целях повышения доступа к правосудию:

- система правосудия должна быть честной и справедливой как в отношении тех результатов, которые она производит, так и в самой процедуре;
- расходы участников процесса должны быть пропорциональны сложности спора;
- дела должны рассматриваться в разумные сроки;
- процедура рассмотрения дел должна быть понятна всем участникам процесса и отвечать именно их потребностям;
- органы, отправляющие правосудие должны быть оснащены всеми необходимыми ресурсами, для повышения эффективности своей деятельности².

Очевидно, что реформы лорда Вульфа были нацелены на изменение и судоустройственных, и судопроизводственных начал английского правосудия, что в целом отражает большинство современных взглядов на категорию «доступ к правосудию».

В контексте споров с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, проблема доступа к правосудию, безусловно, становится центральной. Введение ограничительных мер в отношении как непосредственных сторон процесса, так и в отношении иных лиц, привлеченных к участию в нем, независимо от того, передан ли спор в государственный суд или в арбитраж, может оказать непосредственное

¹ Lord Woolf. Access to Justice: final report to the Lord Chancellor on the Civil Justice System in England and Wales. URL: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/civil/final/contents> (date of treatment: 02.02.2023).

² Ibid.

влияние на доступ данных лиц к правосудию.

При этом, представляется необходимым прояснить ряд моментов.

Во-первых, необходимо разграничить два тождественных, на первый взгляд, понятия: «доступ к правосудию» и «доступность правосудия». Несмотря на тесную связь данных терминов, они все же несут различную смысловую нагрузку. Так, категория «доступность правосудия» мыслится как некоторое родовое понятие, в том числе включающее в себя и «доступ к правосудию». Доступность правосудия предполагает, что процессуальный механизм рассмотрения и разрешения спора доступен каждому, кто к нему обращается, в равной мере, на всех стадиях производства¹.

В этой связи представляется корректным говорить о существовании международного принципа доступности правосудия, который представляет собой родовое понятие, воплощающее конституционную идею о том, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а также возможность обращения в межгосударственные органы по защите. В отечественной процессуальной доктрине самостоятельность данного принципа была впервые сформулирована В.М. Семеновым², а впоследствии поддержана и другими учеными, среди которых В.М. Жуйков³ и др.⁴

Доступность правосудия – это фундаментальное, системообразующее начало правопорядка, закрепленное в нормах конституционного и процессуального права, которое обеспечивает реальную и равную возможность каждого инициировать и участвовать в рассмотрении и разрешении спора в компетентном юрисдикционном органе и получать от него эффективную защиту своих прав и законных интересов.

¹ См.: Шамшурин Л.Л. Доступность правосудия как гарантия реализации права на судебную защиту в сфере гражданской юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 1. С. 7 - 8.; Борисова В.Ф. Процессуальные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 5. С. 57; Артебякина Н.А. Указ. соч. С. 236.

² Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сб. ученых трудов. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 237 - 238; Семенов В.М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике. Свердловск, 1979. С. 59 - 65.

³ Жуйков В.М. Судебная реформа: проблема доступа к правосудию. М., 2006.

⁴ Жукова О.В. Обеспечение доступности правосудия в стадии кассационного производства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

Данный принцип не сводится к чисто процессуальным – представляется, что его нормативное закрепление, гарантии его исполнения присутствуют как на уровне Конституции РФ, так и в отраслевом законодательстве. Нормативная рассредоточенность норм, закрепляющие принцип доступности правосудия, лишь подчеркивает, что он не является узким отраслевым принципом¹.

На конституционном уровне можно говорить о том, что положения статей 19 (равенство всех перед законом и судом), 46 (право на судебную защиту) и 48 (право на квалифицированную юридическую помощь) в своей взаимосвязи образуют конституционную основу рассматриваемого принципа.

На процессуальном уровне он раскрывается и конкретизируется в положениях ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ в комплексе следующих судопроизводственных норм:

- нормы, закрепляющие право беспрепятственного обращения в суд (ст. 4 АПК РФ, ст. 3 ГПК РФ, ст. 5 КАС РФ);
- нормы, закрепляющие упрощенные и ускоренные процедуры, а именно приказное и упрощенное производства, снижающие процессуальные барьеры и обеспечивающие более быструю и эффективную защиту (глава 29.1 АПК РФ, подраздел I ГПК РФ, глава 11.1 КАС РФ);
- нормы о праве на судебное представительство (глава 6 АПК РФ, глава 5 АПК РФ);
- нормы, обеспечивающие возможность обжалования судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядках.

На материально-правовом и судоустройственном уровне создаются необходимые условия для функционирования данного принципа в виде следующих норм:

¹ Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Н.В. Алексеева, С.Т. Багыллы, А.В. Белякова и др.; отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 416 с.

- нормы, определяющие организацию судов (ФКЗ «О судебной системе РФ»¹, ФКЗ «О судах общей юрисдикции»², ФКЗ «Об арбитражных судах»³, ФКЗ «О военных судах»⁴), обеспечивающих их приближенность к населению;
- нормы, регулирующие альтернативные способы разрешения и урегулирования споров (Закон о МКА⁵, Закон об арбитраже⁶, Закон о медиации⁷);
- нормы о государственной и бесплатной юридической помощи (Федеральный закон № 324-ФЗ⁸);
- нормы, освобождающие от судебных расходов (ст. ст. 333.36, 333.37 Налогового кодекса РФ; ст. 333.20 НК РФ об отсрочке/рассрочке).

Таким образом, принцип доступности правосудия сформулирован не в виде одной абстрактной декларативной нормы, а реализован через совокупность конкретных правовых установлений, образующих систему условий для реализации и обеспечения доступности правосудия на всех уровнях.

В то время как принцип доступности правосудия является наиболее стабильным началом, право на доступ к правосудию является динамичным субъективным правом конкретного лица. Оно является производным от самого принципа доступности правосудия и более частным проявлением общего и абсолютного права на судебную защиту. Доступ к правосудию,

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации".

² Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ "О судах общей юрисдикции в Российской Федерации".

³ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ "Об арбитражных судах в Российской Федерации".

⁴ Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 N 1-ФКЗ "О военных судах Российской Федерации".

⁵ Закон РФ от 07.07.1993 N 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже".

⁶ Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации".

⁷ Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)".

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации".

скорее, предполагает фактический доступ к органу, отправляющему правосудие, что выражается в:

- возможности участвовать в рассмотрении дела (как физически, так и с использованием определенных технических процедур – например, посредством систем видеоконференц-связи, онлайн-заседаний или виртуальных арбитражных слушаний с использованием широкого спектра доступных платформ¹);
- возможности нанимать квалифицированных юристов для представления своих интересов и оплачивать их услуги;
- возможности оплачивать судебные и арбитражные расходы и др.

Аналогичным образом доступ к правосудию определяется и в рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития, которые под доступом к правосудию понимают способность физических и юридических лиц испрашивать и получать справедливое урегулирование правовых вопросов с помощью широкого спектра судебных и юридических услуг². В число таких услуг включается доступ к юридической информации, право на обращение за юридической консультацией, представительство, а также право на обращение как в суд, так и к альтернативным способам разрешения споров.

Данному субъективному праву корреспондирует соответствующая обязанность государства в виде устранения препятствий для реализации указанного права и обеспечения реальной возможности обращения и получения эффективной защиты.

Применение данной дихотомии к части 4 статьи 248.1 АПК РФ проясняет терминологический выбор законодателя, который представляется абсолютно обоснованным, поскольку меры ограничительного характера могут

¹ Technology Resources for Arbitration Practitioners – Virtual Arbitrations. URL: <https://www.ibanet.org/technology-resources-for-arbitration> (date of treatment: 03.03.2023).

² Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития, см.: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/8b8c48af-en.pdf?expires=1690051771&id=id&accname=guest&checksum=C25DF5D7C1CDD38D9902FFBAA3119F27>.

выражаться в конкретных объективных препятствиях, блокирующих или существенно затрудняющих фактический доступ к правосудию, но могут не нарушать фундаментальный принцип доступности правосудия. Таким образом, данная норма защищает не абстрактное правосудие, а конкретное субъективное право лица, затронутое применением мер ограничительного характера.

Во-вторых, ключевым для корректного толкования и применения части 4 статьи 248.1 АПК РФ является определение того, что понимается под правосудием, и кто его осуществляет. Это особенно важно для толкования, поскольку в ней речь идет как о пророгационных соглашениях в пользу иностранного юрисдикционного органа, так и об арбитражных соглашениях. В этой связи напрашивается очевидный вывод, что блокирование доступа к правосудию предполагает невозможность участия и/или представления своей позиции по спору ввиду введения мер ограничительного характера как в государственных судах, так и в арбитраже.

Однако подобная, казалось бы, весьма логичная позиция идет вразрез с традиционным для российского законодательства пониманием термина «правосудие». В соответствии со статьей 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ФКЗ о судебной системе), правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и данным ФКЗ о судебной системе¹. При этом, часть 2 статьи 118 Конституции РФ конкретизирует, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Отсутствие третейских судов, упоминающихся в качестве органов, отправляющих правосудие, в Конституции и в ФКЗ о судебной системе дало основание для небеспочвенных выводов о том, что третейский суд не

¹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

отправляет правосудие¹, а является лишь одной из возможных форм защиты прав и законных интересов². Последнюю позицию можно также обосновать ссылкой на статью 11 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в соответствии с которой защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд. Более того, деятельность третейских судов в Российской Федерации имеет специальное правовое регулирование³, не совпадающее с регулированием деятельности государственных судов. Иными словами, не подвергаются сомнению полномочия третейских судов по осуществлению функций, которые присущи и государственным судам, но отсутствует единообразие во взглядах относительно того, можно ли в таком случае деятельность третейского суда приравнять к отправлению правосудия⁴.

Позицию по данному вопросу высказал и Конституционный Суд РФ в Постановлении от 18 ноября 2014 года № 30-П, в соответствии с которым, согласно современной доктрине справедливого правосудия, проявление его фундаментальных принципов имеет свои особенности в арбитражном разбирательстве ввиду его негосударственной (частной) правовой природы⁵. Действительно, арбитражное разбирательство и принципы, на которых оно основано, имеют существенные отличия от процедуры рассмотрения и разрешения дела в государственном суде. Как уже было отмечено ранее, это

¹ Косыгин В.Е. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 115.

² Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. С. 104.

³ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (далее – Закон об арбитраже); Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации») СПС «Консультант Плюс» (далее – Закон о МКА).

⁴ Банников И.А. Принцип осуществления правосудия только судом в гражданском судопроизводстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. Страница?

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России» СПС «Консультант Плюс»; См. также: Серков П.П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 166.

частноправовая форма защиты, где свою компетенцию арбитры получают не путем властного решения государства и наделения таковой законом, а посредством субъективного волеизъявления сторон.

В этой связи представляется, что с точки зрения российского права деятельность арбитражей не может быть квалифицирована как правосудие. Следовательно, использование в части 4 статьи 248.1 АПК РФ термина «доступ к правосудию» как в отношении обращения в государственные суды, так и в отношении арбитражей является терминологически некорректным и создает внутреннее логическое противоречие в правовой норме, которая фактически приравнивает частный механизм разрешения споров к публичной функции государства. Для устранения данного противоречия представляется необходимым внести соответствующие изменения в рассматриваемую норму. Целесообразно дополнить часть 4 статьи 248.1 формулировкой «создающих такому лицу препятствия в доступе к правосудию или в доступе к арбитражному разбирательству». Данная поправка сохранит защитный механизм нормы как в отношении производств в иностранных государственных судах, так и в международном арбитраже, одновременно строго соблюдая разграничение между государственным правосудием и частным арбитражем.

В-третьих, следует обратить внимание и на особенности процесса доказывания в рамках рассмотрения споров по части 4 статьи 248.1 АПК РФ. В резонансном деле «Уралтрансмаш» против «Песа Быдгощ» (далее – дело Уралтрансмаш против Песа) Верховный Суд РФ сформулировал позицию о том, что для вынесения антиискового запрета по статье 248.2 АПК РФ, российской компании достаточно доказать факт включения в «санкционные» списки: доказывать, что ограничительные меры иностранного государства создают конкретные препятствия для судебной защиты, не требуется¹. Этот же подход суды применили в другом резонансном деле – НАО «Царьград

¹ Определение Верховного суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 // СПС «Консультант Плюс»

Медиа» против Google Ireland Limited, Google LLC и ООО «Гугл»¹.

Такое необычное толкование нормы, предложенное Верховным Судом, было неправильно воспринято нижестоящими судами, которые смешали два обстоятельства:

- факт введения ограничительных мер в отношении конкретного гражданина или юридического лица; и
- факт препятствия доступа к правосудию в результате включения в «санкционный» список иностранного государства.

В результате такого смешения суды стали признавать свою компетенцию по части 4 статьи 248.1 АПК РФ и выносить антиисковые запреты и без установления наличия препятствий в доступе к правосудию и введения ограничительных мер.

Однако обратим внимание на то, что Верховный Суд РФ, формулируя отсутствие обязанности доказывать наличие препятствий в доступе к правосудию, считая их наличествующими *ipso facto*, поставил это под условие доказанности факта введения мер ограничительного характера.

Чрезвычайно важно эти факты разделять и понимать. Верховный Суд РФ в деле Уралтрансмаш против Песа отметил, что не нуждается в доказывании именно факт препятствия в доступе к правосудию, в то время как факт введения мер ограничительного характера должен быть доказан. Суд особо подчеркнул, что «ограничительные меры имеют, во-первых, личный характер, т.е. адресованы конкретному лицу персонально», что подтверждает уже сделанный вывод о том, что факт введения ограничительных мер в отношении конкретного лица необходимо отграничивать от общего факта введения ограничительных мер в отношении страны в целом².

Более того, Арбитражный суд Свердловской области, рассматривавший данный спор в первой инстанции, в отношении доводов заявителя (АО

¹ Определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2022 г. № 305-ЭС22-11060 по делу № А40-155367/2020 // СПС «Консультант Плюс».

² Там же.

«Уралтрансмаш») касательно американских мер ограничительного характера указывал: «Ссылка на американские ограничительные меры (санкции) подлежит отклонению, как несостоятельная, поскольку не подтверждена надлежащими доказательствами и основана на предположениях»¹.

При этом такое доказывание существования и содержания ограничительных мер в суде становится реальной практической проблемой, поскольку возникает вопрос, какие доказательства будут сочтены надлежащими и достаточными для установления такого факта².

Некоторые авторы полагают, что такими доказательствам могут являться официальные документы (письма, извещения) от иностранных государственных и негосударственных органов, протоколы осмотра сайтов с текстом соответствующих нормативных актов или пресс-релизов органов о введении санкций, ответы и разъясняющие документы от российских государственных и негосударственных органов и организаций³. Другие авторы еще более расширяют круг допустимых средств доказывания и включают в них и консультации специалистов, и экспертные заключения.

Анализ судебной практики российских государственных судов демонстрирует, что на текущий момент преимущественно все суды рассматривают факт введения ограничительных мер как общеизвестный, в связи с чем в доказывании он не нуждается⁴. Представляется, что данный

¹ Определение Арбитражного суда Свердловской области от 24 ноября 2020 г. по делу № А60-369 // СПС «Консультант Плюс».

² Воронов А.Ф. Изменения в АПК РФ для защиты прав лиц, попавших под санкции // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 5. С. 13.

³ Малов А.А. Компетентия арбитражных судов по санкционным спорам в Российской Федерации: проблемы доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 34.

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 декабря 2022 г. по делу № А73-15265/2022 // СПС «Консультант Плюс»: «Учитывая общеизвестный факт, не требующий доказывания, введения в отношении Российской Федерации ограничительных мер санкционного характера со стороны иностранных государств, в том числе членов Европейского союза (в том числе Франция), что напрямую препятствует в доступе к правосудию ее резидентов, заявленный юридическим лицом, подпадающим под сферу санкционного воздействия, экономический спор подлежал отнесению под юрисдикцию российских арбитражных судов». См. также: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 сентября 2020 г. по делу № А40-270967/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 августа 2021 г. по делу № А40-65392/2020 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2018 г. по делу № А41-73316/2017 // СПС «Консультант Плюс».

вывод несколько опрометчив по следующим причинам.

Так, для признания факта общеизвестным требуется, чтобы такой факт был известен широкому кругу лиц, включая состав суда, который рассматривает спор¹. Как в доктрине, так и последовавшей по ее стопам судебной практике общеизвестные факты делятся на три группы по критерию охвата лиц, которым о них известно:

- всемирно известные;
- известные на территории определенного государства; и
- известные на ограниченной территории.

Тем не менее, необходимо разграничивать два факта, которые являются самостоятельными – факт введения ограничительных мер в целом (например, факт введения санкций со стороны США или ЕС в отношении Российской Федерации) и факт введения ограничительных мер в отношении конкретного гражданина или юридического лица.

Представляется, что для конкретного спора и в рамках доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, преимущественную значимость имеет вторая группа фактов, а именно введение мер ограничительного характера в отношении конкретного лица, которые делают невозможным или существенно затрудняют исполнение обязательств. В этой связи несколько удивительно, почему суды в одном случае признают факт введения мер ограничительного характера в отношении конкретного общества общеизвестным², а в другом случае вручение Нобелевской премии мира

¹ См. к прим.: Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. С. 27 - 28; Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Под ред. М.А. Фокиной. М., 2014. С. 137 (автор соответствующей главы - Р.О. Опалев); Гражданский процесс: Учеб. для бакалавров / Отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. М., 2015. С. 251 (автор соответствующей главы - М.Д. Олегов); Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М.К. Треушников. М., 2015. С. 270 (автор соответствующей главы - В.В. Молчанов); Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Гражданское процессуальное право. М., 2016. С. 151 (автор соответствующей главы - С.Ф. Афанасьев); Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. М., 2016. С. 98.

² Так, в Постановлении Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2018 г. по делу № А83-7434/2016 // СПС «Консультант Плюс» суд отметил следующее: «12.05.2014 Европейский союз ввел санкции в отношении государственного унитарного предприятия Республики Крым «Черноморнефтегаз». Указанный факт является общеизвестным и не отрицается сторонами».

иностранному лицу таковым не признается¹.

Как уже было отмечено ранее, в случае введения ограничительных мер в отдельных случаях лицо уведомляется об этом официальными органами государства или международной организации, которое ввело против него соответствующие ограничительные меры. Представляется, что в случае получения соответствующего уведомления необходимо определиться с его видом, а именно установить, является ли данный документ официальным или хозяйственным.

Иностраный официальный документ – это документ, который исходит от компетентных органов или должностных лиц иностранного государства. Под хозяйственными документами понимаются документы, связанные с осуществлением субъектом предпринимательской и иной экономической деятельности и составленные на территории иностранного государства. Данные документы не являются официальными и не требуют обязательного удостоверения посредством апостилирования или легализации².

Вероятнее всего, уведомление о введении ограничительных мер является именно официальным документом, который может считаться письменным доказательством в суде при условии соблюдения установленных законом требований. Подобные требования установлены в статьях 71 и 255 АПК РФ и статье 71 ГПК РФ. Следовательно, для использования в российском государственном суде уведомления о введении ограничительных мер иностранным государством в качестве доказательства необходимо его удостоверить надлежащим образом. При этом необходимо понимать, что процедура удостоверения направлена именно на подтверждение источника происхождения иностранного документа, а не на оценку сведений по

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 4 августа 2022 г. по делу № СИП-59/2022 // СПС «Консультант Плюс».

² «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.), п. 24 // СПС «Консультант Плюс».

существо¹.

Для использования уведомления (или иного документа, исходящего от иностранного органа) в качестве доказательства введения ограничительных мер иностранным государством в российском государственном суде необходимо соблюсти требования статьи 12, части 5 статьи 75 и статьи 255 АПК РФ, в соответствии с которыми документы, исполненные на иностранном языке, принимаются только при наличии легализации или проставления апостиля и надлежащим образом заверенного перевода на русский язык.

Страны, которые наиболее активно принимают ограничительные меры в отношении Российской Федерации (США, Великобритания, страны ЕС), являются участниками Конвенции 1961 года. В связи с этим, если их компетентными органами или должностными лицами российскому лицу было направлено уведомление (или иной документ) о наложении ограничительных мер, для его использования в российском суде оно должно быть апостилировано, а также переведено на русский язык². Речь в данном случае идет о нотариальном свидетельствовании верности перевода с одного языка на другой, если нотариус владеет соответствующими языками, либо подлинности подписи переводчика в соответствии со статьей 81 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате³.

Тем не менее, уведомление о наложении мер ограничительного характера не является обязательным требованием, и, как правило, лицо, в отношении которого были приняты соответствующие ограничения, узнает об этом из публичных источников, таких как, например, официальные сайты органов иностранных государств или опубликованные в печати решения о

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», п. 39 // СПС «Консультант Плюс».

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц», п. 25 // СПС «Консультант Плюс».

³ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) // СПС «Консультант Плюс».

введении санкций.

Сведения с иностранных сайтов в сети Интернет российским законодателем в соответствии с частью 1 статьи 71 ГПК РФ и частью 1 статьи 75 АПК РФ отнесены к письменным доказательствам. Отнесение указанного типа электронных доказательств к письменным приводит к существенным практическим сложностям, в частности, в рамках установления достоверности электронных доказательств¹. Следует отметить, что в отдельных случаях суды признают информацию, опубликованную на официальных сайтах иностранных государственных органов общедоступной, при наличии заверенного надлежащим образом перевода, не требующей консульской легализации или проставления апостиля и соответствующей требованиям пункта 2 статьи 255 АПК РФ². Несмотря на то, что подобный подход является теоретически верным ввиду отсутствия необходимости установления источника происхождения общедоступной информации, на практике не все суды разделяют позицию о том, что иностранные сайты являются общедоступными. В этой связи, во избежание признания судом сведений с иностранного сайта недостоверными и недопустимыми доказательствами, следует соблюсти процедуры легализации и/или апостилирования, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Таким образом, можно говорить о формировании двойственного режима доказывания в отношении введения ограничительных мер, требующего четкого разграничения между:

1. Общеизвестным (публично-правовым) фактом введения государством или международной организацией режима ограничительных мер в целом против конкретного государства. К таким общеизвестным публично-правовым фактам можно отнести введенные США и ЕС меры ограничительного характера против Российской Федерации, меры

¹ Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 57.

² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 апреля 2022 г. по делу № А56-93654/2021 // СПС «Консультант Плюс».

ограничительного характера США в отношении Ирана и Венесуэлы. К таким фактам может и должно применяться освобождение от доказывания в силу их общеизвестности как по объективным, так и по субъективным признакам.

2. Фактом адресного применения указанных ограничительных мер к конкретному участнику спорного материального правоотношения. Для целей разрешения конкретного гражданско-правового спора доказыванию подлежит в первую очередь адресный факт с помощью указанных выше средств доказывания.

Указанный подход позволит скорректировать толкование позиции Верховного Суда РФ в деле Уралтрансмаш против Песа на уровне нижестоящих судебных инстанций: презумпция препятствия доступа к правосудию возникает только после того, как факт адресного применения ограничительных мер доказан надлежащими доказательствами. Иными словами, отсутствие необходимости доказывать последствия не отменяет необходимости доказывать сам факт их применения к лицу.

Глава 3. Антиисковые запреты как механизм преодоления негативных проявлений конкуренции в условиях действия мер ограничительного характера

§ 1. Конкурирующая компетенция государственных судов и арбитражей по вынесению антиисковых запретов

Нарастающая конкуренция юрисдикций под давлением односторонних мер ограничительного характера практически не оставила сомнений в том, что государственные суды на национальном уровне обязаны принимать меры по предотвращению проявления ее негативных последствий в виде возникновения параллельных разбирательств и вынесения противоречивых судебных актов по одному и тому же спору, а в случае их возникновения – по минимизации потенциальных негативных последствий¹.

Практически все государства так или иначе выработали достаточно широкий спектр юридических механизмов, призванных предотвращать или минимизировать негативные последствия параллельных разбирательств. К таковым относятся и правила международной подсудности в целом, доктрины неудобного суда, международной вежливости, принцип контролируемой множественности процессов и, наконец, антиисковые запреты, предполагающие запрет в адрес стороны спора по инициированию или продолжению судебного или арбитражного разбирательства².

Среди указанного перечня способов борьбы с негативным проявлением конкуренции юрисдикций в виде параллельных разбирательств самое пристальное внимание и обширные дискуссии вызывают именно антиисковые запреты.

Такие запреты зародились на территории Великобритании и исторически связывались именно с англосаксонской правовой системой³.

¹ Мамедалиева А.В. Положительные проявления современной конкуренции юрисдикций: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. 2025. N 3. С. 285 - 304.

² Сюрмеев К.Е. Указ. соч. С. 13-16.

³ Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты. Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 17.

Однако впоследствии такие меры стали получать все большее распространение и признание даже в тех государствах, которые первоначально категорически их отрицали¹. Так, например, на протяжении десятилетий ЕС считал антиисковые запреты недопустимыми. Такая позиция объяснялась ссылкой на Брюссельский регламент, который устанавливал универсальные правила о подведомственности и подсудности, а также закреплял принцип уважения между судами государств-участников².

Антиисковые меры обжаловались со ссылкой на данный Брюссельский Регламент, а также на его предшественницу – Конвенцию стран ЕС о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам³. Суд ЕС в знаменитом решении по делу *Turner v. Grovit* отметил, что любая мера, которая запрещает или ограничивает предъявление иска в суд, квалифицируется как вторжение в компетенцию иностранного суда, что противоречит целям и нормам Брюссельской Конвенции⁴. Более того, Суд ЕС особо подчеркнул, что это не отменяется тем фактом, что такие меры принимаются не против иностранного суда, а против конкретной стороны, поскольку решение вопроса о наличии или отсутствии чего? компетенции? должно приниматься исключительно судом без оказания какого-либо на него воздействия.

Еще дальше пошел суд ЕС в рамках своего решения по делу *Allianz SpA v. West Tankers*, в котором указал, что запрет на принятие мер, блокирующих или ограничивающих право на предъявление иска в суд распространяется и на выдачу мер, фактически в поддержку арбитражного разбирательства, нарушенного обращением одной из сторон в государственный суд⁵. В данном

¹ Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013. 382 с.

² Регламент N 44/2001 Совета Европейского Союза "О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам"

³ Ходыкин Р.М. Еще один год британского МЧП // Московский журнал международного права. 2003. N 4. С. 252.

⁴ Gregory Paul Turner v. Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changpoint SA, European Court of Justice, 27 April 2004, Case No. C-159/02.

⁵ Allianz SpA (formerly Riunione Adriatica di Sicurtà SpA) v. West Tankers Inc. (Case C-185/07) [2009] AC 1138.

деле сторона обратилась в английский суд за антиисковым запретом, сославшись на арбитражное соглашение между сторонами. Суд ЕС вновь подчеркнул роль доверия между государствами-участницами и их национальными судами.

Тем не менее в последние годы наметился определенный и, можно сказать, радикальный отход от консервативной позиции, сформулированной в решениях Суда ЕС. Так, например, в конце 2019 года мюнхенский суд вынес первый в истории Германии антиисковой запрет¹, который эхом отдался и во Франции, где парижский суд пошел еще дальше своего немецкого соседа и вынес запрет на антиисковой запрет, отмечая при этом необходимость сохранения высокого порога доказывания обстоятельств, оправдывающих вынесение подобных мер².

В Российской Федерации легальное оформление институт антиисковых запретов получил относительно недавно в статье 248.2 АПК РФ совместно с введением в АПК РФ нормы об исключительной компетенции российских арбитражных судов по спорам, осложненным применением мер ограничительного характера. Несмотря на то, что рассматриваемому институту формально исполнится только шесть лет, доктрина и практика накопили уже достаточное количество вопросов, нуждающихся в разрешении для дальнейшего эффективного применения данного института.

Представляется, что первый по значимости вопрос касается правовой природы антиискового запрета, получившего свое официальное закрепление в норме АПК РФ. Как и следовало ожидать, ни в доктрине, ни в судебной практике унифицированного ответа не было достигнуто. Однако можно в целом говорить о формировании двух основных подходов к пониманию антиискового запрета в отечественном правопорядке:

¹ Nokia v. Continental, Higher District Court of Munich, 12 December 2019, Case No. 6 U 5042/19.

² Nokia v. Continental, Higher District Court of Munich, 12 December 2019, Case No. 6 U 5042/19.

- рассмотрение антиискового запрета как особого вида обеспечительных мер¹;
- отрицание обеспечительной природы антиисковых запретов и определение его как особого процессуального института *sui generis*².

Основной аргумент сторонников первого подхода связан с открытым характером перечня обеспечительных мер, приведенных в статье 91 АПК РФ, а также с легальным определением обеспечительных мер, сформулированным в части 1 статьи 90 АПК РФ. Так, утверждается, что антиисковые меры являются срочными и временными³, с чем, действительно, трудно спорить, поскольку в целом при любой активной форме конкуренции юрисдикций реагировать требуется как можно быстрее.

Однако в данном контексте можно сразу отметить следующее.

Во-первых, критерий срочности, заложенный законодателем применительно к классическим обеспечительным мерам, и критерий срочности, который необходим в рамках антиисковых запретов по статье 248.2 АПК РФ едва ли можно признать одинаковым. Напомним, что заявление о принятии обеспечительных мер рассматривается незамедлительно, не позднее следующего рабочего дня после поступления соответствующего заявления. В то же время заявление о вынесении антиискового запрета рассматривается судом по правилам рассмотрения дела арбитражным судом первой инстанции. Представляется, что такое различие проведено законодателем сознательно, поскольку объектом антиискового запрета, является охраняемый законом процессуальный

¹ Ходькин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе в международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Liber Amicorum в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева. М., 2013. С. 274.

² Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты. Дисс. ... канд. юрид. наук.

³ Гландин С. Антиисковой запрет, или мина замедленного действия для бизнеса // Как протекционизм по "Закону Лугового" победил право. URL: [https://zakon.ru/blog/2020/06/08/antiiskovoj_zapret_ili_mina_zamedlennogo_dejstviya_dlya_biznesa_kak_protекcionizm_po_zakonu_lugovog](https://zakon.ru/blog/2020/06/08/antiiskovoj_zapret_ili_mina_zamedlennogo_dejstviya_dlya_biznesa_kak_protেকcionizm_po_zakonu_lugovog).

интерес на обращение или продолжение разбирательства в иностранном суде или международном арбитраже, где средняя продолжительность разбирательства в обоих случаях существенно превышает сроки рассмотрения спора в российских арбитражных судах первой инстанции.

Во-вторых, состав субъектов, наделенных правом обращаться с заявлениями об обеспечительных мерах и с заявлением о вынесении антиисковых запретов, по крайней мере в текущее время существенно отличается. В первом случае круг субъектов достаточно широкий – непосредственно от самого заявителя и третьих лиц до прокурора и органов публичной власти. В то же время перечень лиц, которые вправе воспользоваться механизмом защиты, предусмотренным статьей 248.2 АПК РФ, ограничен. На основании системного толкования положений статей 248.2 АПК РФ и 248.1 АПК РФ, к таким лицам относятся лица, являющиеся гражданами или юридическими лицами Российской Федерации, в отношении которых иностранным государством или международной организацией применяются меры ограничительного характера и в отношении которых инициировано или потенциально будет инициировано разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже.

Наконец, как справедливо отмечает А.В. Юдин, одной из центральных целей института обеспечительных мер является достижение баланса между обеспечением прав лиц, рассчитывающих в будущем на исполнение судебного акта, принятого в их пользу, и прав субъектов, испытывающих негативные последствия от применения обеспечительных мер в настоящий момент времени¹. Однако в рамках судебного антиискового запрета достижение такого баланса не является самоцелью. Объектом защиты здесь выступает не материально-правовое требование, а

¹ Юдин А.В. Совпадение обеспечительных мер с заявленными исковыми требованиями: проблемы допустимости // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. N 4. С. 33.

процессуальное право на рассмотрение спора в надлежащей юрисдикции, что предопределяет иную природу данного института.

Представляется, что в рамках общей тенденции к расширению полномочий прокурора в цивилистических процессах для защиты российских граждан и организаций в условиях эскалации мер ограничительного характера со стороны иностранных государств законодатель теоретически мог бы наделить его полномочиями по обращению с антиисковым запретом. Однако в практическом смысле это едва ли было бы оправданным, поскольку если об иностранном судебном процессе прокурор может теоретически быть извещен центральным органом (то есть – Министерством юстиции РФ), то в случае с конфиденциальным арбитражным разбирательством едва ли прокурору удастся вовремя среагировать. При этом представляется, что положения статьи 248.2 АПК РФ распространяются и на случаи привлечения в качестве ответчиков или третьих лиц на стороне ответчика как в иностранном судебном процессе, так и в арбитражном разбирательстве, поскольку такой статус удовлетворяет одному из ключевых критериев рассматриваемой нормы, а именно факт возбуждения такого разбирательства против конкретного лица.

В-третьих, различается и процесс доказывания. Для принятия обеспечительных мер необязательно представлять доказательства в полном объеме для обоснования требований и возражений по существу спора. В то же время заявитель, требующий их принятия, все же обязан представить доказательства, подтверждающие совершение ответчиком действий, создающих реальную угрозу невозможности исполнения судебного акта в будущем или причинения существенного ущерба заявителю. При этом при оценке доводов заявителя помимо разумности и обоснованности требований и вероятности причинения заявителю значительного ущерба суды обращают внимание на связь испрашиваемой меры с предметом заявленного требования, обеспечение баланса сторон и предотвращение

нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов и интересов третьих лиц.

В отношении антиисковых запретов предмет доказывания предельно иной. Исходя из буквального толкования положений части 2 статьи 248.2 АПК РФ он включает в себя доказывание следующих обстоятельств:

- 1) подтверждение исключительной компетенции арбитражного суда в соответствии со статьей 248.1 АПК РФ;
- 2) применение мер ограничительного характера против заявителя;
- 3) наличие пророгационного или арбитражного соглашения, включая обстоятельства, подтверждающие его неисполнимость; и
- 4) инициирование или предполагаемое инициирование иностранного судебного процесса или арбитражного разбирательства.

В.В. Ярков отмечает, что в предмет доказывания входит также факт введения мер ограничительного характера в отношении российского лица-заявителя¹. Позволим себе несколько скорректировать высказанное мнение. Исходя из системного толкования части 1 статьи 248.2 АПК РФ, отсылающей к спорам, указанным в статье 248.1 АПК РФ, представляется, что теоретически возможна и ситуация, в которой за антиисковым запретом в российский суд обращается и иностранное лицо, против которого введены ограничительные меры и инициировано разбирательство в зарубежном суде или арбитраже. Такая ситуация в настоящее время кажется невозможной, но положения статьи 248.1 АПК РФ напрямую указывают, что воспользоваться исключительной компетенцией российского арбитражного суда вправе и иностранные лица. В этой связи полагаем, что в предмет доказывания по части 2 статьи 248.2 входит адресный факт применения мер ограничительного характера против заявителя.

¹ Ярков В.В. Предмет доказывания по делам о введении судебного запрета по ст. 248.2 АПК РФ // *Modus vivendi: арбитраж и частное право: сб. ст. в честь 60-летия О.Ю. Скворцова / отв. ред. Т.А. Лунаева.* СПб., 2022. С. 253 - 259.

В обозначенном выше предмете доказывания особо обращает на себя внимание указанная законодателем необходимость доказывания для получения антиискового запрета обстоятельств, подтверждающих неисполнимость заключенного пророгационного или арбитражного соглашения при их наличии. Ранее уже была отмечена позиция Верховного Суда РФ по делу Уралтрансмаш против Песа¹, в соответствии с которой само по себе применение мер ограничительного характера автоматически свидетельствует о создании препятствий в доступе к правосудию, в связи с чем для переноса спора в российскую юрисдикцию достаточно одностороннего процессуального волеизъявления. Напомним также отмеченную ранее позицию о том, что данная позиция ВС РФ освободила от необходимости доказывания обстоятельств, создающих препятствия в доступе к правосудию под условием доказывания применения мер ограничительного характера.

В доктрине также высказывается взгляд, что факультативность доказывания таких обстоятельств в рамках заявления о вынесении антиискового запрета следует из самой формулировки законодательного положения, в котором отмечено, что указанные обстоятельства должны быть указаны «при их наличии»². Подобная формулировка, избранная законодателем и впоследствии подтвержденная позицией ВС РФ, фактически не оставляет сомнений в том, что доказывание данных обстоятельств действительно факультативно. Однако представляется, что в данном случае стоит сделать одно важное уточнение.

Выше уже была приведена практика российских судов различных инстанций, в соответствии с которой компенсаторная юрисдикция российских судов по статье 248.1 АПК РФ, включая ее часть 4, может быть установлена даже в том случае, когда ограничительные меры были введены не против непосредственной стороны спора, а против Российской Федерации в целом, ее

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 N 309-ЭС21-6955(1-3) по делу N А60-36897/2020.

² Ярков В.В. Применение ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. N 7. С. 40 - 42.

других граждан и организаций. Такой подход сам по себе не может вызывать критику, поскольку напомним, что в сферу действия статьи 248.1 АПК РФ попадают и споры, основанием которых стали меры ограничительного характера против российских граждан и организаций. Однако в контексте вынесения антиискового запрета представляется, что заявитель, который требует вынесения антиискового запрета и обосновывает неисполнимость юрисдикционного соглашения и необходимость переноса спора в российскую юрисдикцию общеизвестным, а не адресным фактом применения мер ограничительного характера, должен представить доказательства, что такие меры создали ему персонально препятствия в доступе к правосудию или к арбитражному разбирательству. В случае непредставления подобных доказательств предлагается оставлять заявление о вынесении антиискового запрета без движения. Предлагается использовать именно форму оставления заявления без движения как самую мягкую санкцию за несоблюдение правил обращения к суду, чтобы заявитель уже смог остаться в инициированном процессе, а не начинать его заново как в случае возвращения такого заявления¹.

Указанные выше различия между обеспечительными мерами и антиисковыми запретами, выносимыми российскими судами, могут быть объяснены следующим. Представляется, что ключевое разграничение проходит по линии объекта защиты: в то время как обеспечительные меры направлены на сохранение реальной исполнимости материально-правового требования к ответчику, то антиисковой запрет в первую очередь обеспечивает процессуальное право на рассмотрение спора в надлежащем порядке – в соответствии с соглашением сторон или императивными (сверхимперативными) нормами применимого права.

¹ Качмазова Д.М., Хубецов М.Я., Каболов В.В. Оставление искового заявления без движения и возврат искового заявления как результат нарушения порядка предъявления иска // Право и государство: теория и практика. 2023. N 1.; Пермяков В.Э. Отказ в принятии, возвращение и оставление без движения искового заявления: сходства и различия институтов // Арбитражные споры. 2024. N 4. С. 127 - 141.

Все обеспечительные меры, независимо от их конкретного вида, объединены единой материально-правовой ориентацией. Это не отменяет того, что процессуальная форма обращения и принятия обеспечительных мер исключительно важна, однако она фактически служит материально-правовой цели. Сам по себе процессуальный интерес в виде права на надлежащую правовую процедуру и доступ к правосудию или арбитражному разбирательству не является ключевым для применения обеспечительных мер – требуется наличие реальной угрозы для будущего исполнения материально-правового требования.

Антиисковой запрет же (как в его классическом прочтении, так и по смыслу статьи 248.2 АПК РФ) направлен не на сохранение имущества или доказательств, а на регламентацию процессуального поведения сторон в части выбора юрисдикции для рассмотрения и разрешения спора. Объектом защиты антиискового запрета является субъективное процессуальное право на рассмотрение спора в определенном порядке, который определяется:

- соглашением сторон, выраженным в юрисдикционном соглашении; или
- императивными или свехимперативными нормами применимого права, в частности, об исключительной компетенции и подсудности.

Таким образом, представляется справедливым говорить о том, что антиисковой запрет служит одновременно инструментом защиты частных договорных интересов и механизмом обеспечения публично-правовых начал. Эта двойственность не является случайным или побочным свойством, а представляет сущностную характеристику данного института, особенно в его российском процессуальном прочтении, закрепленном в статье 248.2 АПК РФ.

Так, с одной стороны, целью антиискового запрета является защита процессуальной автономии применительно к юрисдикционным соглашениям. В этом аспекте он направлен на исполнение юрисдикционных соглашений (арбитражных оговорок, пророгационных или дерогационных соглашений).

Запрещая обращение в несогласованный орган, антиисковой запрет защищает заявителя от недобросовестного поведения оппонента, пытающегося уклониться от первоначальных договоренностей в стремлении получить тактическое преимущество, будь то наличие определенных средств правовой защиты, процедурных особенностей или иных соображений, стоящих за *forum shopping*. В таком случае антиисковой запрет выполняет охранительную цель защиты частноправовых интересов, восстановления договорного баланса и пресечения злоупотребления процессуальными правами.

Однако данная частноправовая функция является лишь одной гранью института. Вторая, но не менее значимая грань имеет ярко выраженный публично-правовой характер. Антиисковой запрет также служит эффективным средством обеспечения норм национального права об исключительной компетенции и подсудности. В этом своем качестве он направлен уже не на защиту соглашения сторон, а, напротив, на пресечение любых попыток нарушения правил об исключительной компетенции, установленных национальным законодательством. Именно данная логика закладывалась первоначально в антиисковые запреты, выдаваемые английскими судами.

В этой связи, конечно, наиболее показательным примером выступает статья 248.1 АПК РФ, закрепляющая исключительную компетенцию российских судов по спорам, осложненным применением мер ограничительного характера. В случае, когда сторона, вопреки данной сверхимперативной норме, инициирует разбирательство по такому спору за рубежом, в том числе на основании юрисдикционного соглашения, антиисковой запрет по статье 248.2 АПК РФ, очевидно, служит не для защиты и обеспечения частного процессуального соглашения (которое в данном случае становится неисполнимым), а самого публичного порядка, воплощенного в норме об исключительной компетенции.

При этом следует согласиться с предложениями А.А. Козырина о расширении сферы применения антиисковых запретов не только на случаи

споров, осложненных применением мер ограничительного характера, но и на другие категории дел¹. В этой связи возникает вопрос, возможно ли распространить логику и механизм статьи 248.2 АПК РФ на другие споры в действующем правовом поле (*de lege lata*), а также сформулировать концептуальные основы для формирования будущего универсального производства по антиисковым запретам на будущее (*de lege ferenda*).

Прямое применение статьи 248.2 АПК РФ возможно лишь в том случае, если помимо инициирования судебного или арбитражного разбирательства за рубежом против лица, которое попало под действие мер ограничительного характера, есть основания для исключительной компетенции российского арбитражного суда по статье 248.1 АПК РФ. Таким образом, исходя из буквального толкования нормы ее использование по другим категориям дел невозможно.

Однако данный вопрос может быть рассмотрен в контексте применения аналогии закона, предусмотренной частью 5 статьи 3 АПК РФ. Напомним, что для применения аналогии закона необходимо наличие следующих условий:

- отсутствие нормы процессуального права, регулирующей возникшие отношения;
- наличие сходных отношений, урегулированных нормой процессуального права; и
- отсутствие противоречия между применяемой нормой и существом отношений, подлежащих урегулированию.

При этом можно говорить о том, что в отношении защиты исключительной подсудности российских судов от нарушения путем инициирования параллельного судебного процесса или арбитражного разбирательства по спору, который *ipso facto* должен рассматриваться в России, общая норма как в АПК РФ, так и в ГПК РФ, действительно, отсутствует. Существующие механизмы, как-то: оспаривание компетенции

¹ Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты. Дисс. ... канд. юрид. наук. С. 13.

иностранного суда или состава арбитража или последующий отказ в признании и приведении в исполнение, носят либо опосредованный характер для российского правопорядка (как в случае оспаривания компетенции), либо характер *post factum*, не позволяя своевременно блокировать фундаментальное нарушение российского юрисдикционного суверенитета.

Отношения, которые возникают при угрозе или фактическом нарушении исключительной компетенции, предусмотренной статьей 248 (исключительная компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц), а также споров, указанных в части 6 статьи 27 АПК РФ, а также в статье 38 АПК РФ, являются сущностно сходными с отношениями, запускающими возможность применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ. При этом сразу стоит сделать оговорку о том, что в строгом смысле исключительная компетенция урегулирована именно в статьях 248, в то время как статья 248.1 АПК РФ является воплощением компенсаторной юрисдикции, а в части 6 статьи 27 АПК РФ не употребляется термин «исключительная» компетенция, равно как и в статье 38 АПК РФ, которая носит название «Исключительная подсудность». Однако в этом контексте следует согласиться с мнением В.В. Яркова, который отметил, что после проведения реформы по Федеральному закону № 451-ФЗ и исчезновения из законодательного обихода термина «подведомственность», понятие «подсудность» теперь абсолютно справедливо можно толковать как институт, разграничивающий предметы ведения между различными юрисдикционными органами, включая иностранные суды¹. Таким образом, инициирование разбирательства по таким спорам за рубежом представляет собой одинаковое по своей сущности нарушение, посягающее на установленный законом порядок распределения компетенции.

Процедура, установленная статьей 248.2 АПК РФ, а именно подача заявления в арбитражный суд по месту нахождения заявителя, представление

¹ Ярков В.В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? // Закон. 2019. N 4. С. 92 - 103.

доказательств исключительной компетенции российских судов и намерения или факта инициирования судебного или арбитражного разбирательства, по своей процессуальной форме потенциально применима для защиты исключительной подсудности по любому основанию, однако с учетом различных фактов, входящих в предмет доказывания. Цели в виде предотвращения недобросовестного поведения, обеспечения юрисдикционного суверенитета и публичного порядка также соответствуют задаче защиты иных категорий исключительной подсудности. Более того, часть 10 статьи 248.2 АПК РФ, предусматривающая судебную неустойку в пользу заявителя в случае нарушения оппонентом вынесенного судебного запрета, прямо ссылается на принципы справедливости, соразмерности и недопустимости недобросовестного поведения, которые носят универсальный характер.

Таким образом, можно говорить о наличии формальных юридических оснований для возможного применения по аналогии закона статьи 248.2 АПК РФ с целью защиты иных категорий исключительной подсудности.

Однако на практике подобное применение сопряжено с существенными неопределенностями, и несмотря на наличие теоретической возможности его практическая реализация маловероятна. В отсутствие руководящих разъяснений на уровне Верховного Суда РФ о допустимости применения такого механизма *de lege lata* суды, скорее всего, будут придерживаться буквального толкования статьи 248.2 АПК РФ и требовать явной связи с исключительной компетенцией по делам, осложненным применением мер ограничительного характера.

Если же говорить о перспективах применения данного института к более широкому перечню споров *de lege ferenda*, необходимо отметить следующее. Представляется, что процессуальный порядок обращения с заявлением о вынесении антиискового запрета и его последующее рассмотрение судом не может быть органично инкорпорирован ни в одно из существующих

классических производств¹. Это обуславливает необходимость формирования самостоятельного вида неискового производства.

Производство по делам о судебных запретах должно быть именно неисковым, поскольку предметом защиты здесь является не нарушенное материальное право, а охраняемый законом интерес в сохранении установленной законом или договором юрисдикции российского суда или арбитража при условии действительности, исполнимости и наличия юридической силы у арбитражного соглашения.

Здесь стоит остановиться и сделать несколько важных ремарок. Подобное описание рассматриваемого вида производства интуитивно наводит на мысль о том, что, возможно, нет необходимости выделять его в отдельное производство, а считать подвидом особого производства. Действительно, сближающие признаки объективно присутствуют: это и объект защиты в виде охраняемого интереса, и одна из целей, а именно – создание условий для осуществления имеющихся субъективных прав. Более того, в доктрине уже неоднократно высказывались небеспочвенные утверждения о том, что применительно к российскому процессуальному законодательству следует говорить не о едином особом производстве, а об особых производствах².

Тем не менее, представляется, что различий у данных видов производств больше, чем видимых на первый взгляд сходств.

Так, представляется, что несмотря на схожесть в виде отсутствия классического спора о материальном праве, свойственного исковому производству, уровень спорности в особом производстве и в производстве по делам о судебных запретах критически разный. Если в отношении особого производства принято считать, что он либо отсутствует в целом, либо не столь очевиден, как в исковом производстве, то в производстве по делам об

¹ Воронов А.Ф. Изменения в АПК РФ для защиты прав лиц, попавших под санкции // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. N 5.

² Аргунов В.В. Общие положения особого производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. N 7. С. 8 - 13; N 8. С. 15 - 20; Аргунов В.В. Судебное познание и доказывание по делам особого производства // Вестник гражданского процесса. 2021. N 5. С. 307 - 348.

антиисковых запретах спор очевиден, и он касается спора о процессуальном правомочии, о надлежащем процессуальном порядке рассмотрения или разрешения будущего или существующего материального спора. Более того несмотря на то, что в рамках данного производства предполагается, что заявитель также обращается в арбитражный суд с заявлением, как и в особом производстве, потенциальный ответчик налицо. Таким образом, если в особом производстве заявление заявителя по своей сути одностороннее, в котором нет никаких требований к ответчику и лишь сформулировано требование к суду, то в рассматриваемом производстве о судебных запретах заявитель имеет четкое требование в адрес своего оппонента в виде запрета продолжать или инициировать судебное или арбитражное разбирательство.

Таким образом, под судебным антиисковым запретом понимается мера процессуальной защиты, применяемая арбитражным судом или судом общей юрисдикции в форме определения, которым лицу запрещается инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже за пределами территории Российской Федерации в целях защиты исключительной компетенции российских судов либо обеспечения исполнения арбитражного соглашения с местом арбитража в Российской Федерации. По своей правовой природе такой запрет представляет собой самостоятельный процессуальный институт *sui generis*, не сводимый к обеспечительным мерам. В российском правовом порядке такой запрет будет принимать форму определения арбитражного суда или суда общей юрисдикции.

При этом дела, по которым может быть выдан такой судебный запрет, можно классифицировать на две основные группы:

- 1) дела, которые в силу императивных законодательных предписаний, отнесены к исключительной компетенции (подсудности) судов Российской Федерации; и
- 2) дела, отнесенные к компетенции третейского суда с юридическим местом арбитража на территории Российской Федерации при

условии, что такое арбитражное соглашение действительно, исполнимо и не утратило юридическую силу.

Как справедливо отмечает Е.С. Смагина, в структуре законных интересов могут быть выделены две группы¹. Первую составляют индивидуальные и частично общественные интересы, реализуемые вне поддержки государства; такие интересы могут быть опосредованы субъективными правами, но в силу их изменчивости и разнообразия имеют наименьшие шансы быть полностью охваченными правом. Вторую группу образуют коллективные и государственные интересы, требующие поддержки государства; для их реализации субъективными правами наделяются не столько сам носитель интереса, сколько иные субъекты².

Предлагаемое в настоящем исследовании производство по делам о вынесении судебных антиисковых запретов призвано обеспечить защиту законных интересов, относящихся к обеим выделенным группам. Частно-правовой интерес, заключающийся в праве сторон на рассмотрение спора в третейском суде с местом арбитража в Российской Федерации, основанном на действительном арбитражном соглашении, в своем нормальном состоянии относится к первой группе, поскольку он реализуется по воле самих сторон без вмешательства государства. Однако, когда одна из сторон нарушает арбитражное соглашение, инициируя разбирательство в иностранном суде или международном арбитраже, для защиты этого интереса уже требуется властное вмешательство государственного суда. Публично-правовой интерес, состоящий в защите исключительной компетенции российских судов, относится ко второй группе: это собственно государственный интерес, требующий его же поддержки и реализуемый через наделение суда властными полномочиями по вынесению запрета.

¹ Смагина Е.С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. Москва: Статут, 2021. С. 124.

² Там же.

Таким образом, включение частно-правового интереса в сферу судебной защиты не означает подмены частной реализации публичным принуждением, а является реакцией на его нарушение. Двойственная природа законных интересов, защищаемых в рамках данного производства, предопределяет особенности его процессуальной формы

В этой связи хочется особо подчеркнуть, что предлагаемое производство сознательно не включает в себя судебные запреты в поддержку иностранного арбитража в связи со следующим. Целью нового производства на первоначальном, пилотном этапе его применения, особенно в условиях действия мер ограничительного характера, должна являться именно защита национальной юрисдикции – защита юрисдикционного суверенитета российских государственных судов и третейских судов с юридическим местом арбитража в Российской Федерации. Более того, в отношении обеих категорий дел у российского суда есть легитимный интерес – либо в силу императивного законодательного предписания, либо в силу также возложенных законом полномочий по осуществлению функций поддержки и контроля арбитражному разбирательству. В данном случае вынесение антиискового запрета в поддержку третейского суда в России означает для российского суда принятие превентивных мер с целью минимизации рисков для потенциальной отмены решения или отказа в признании и приведении в исполнение.

При этом в предмет доказывания в рамках данного производства должны входить следующие обстоятельства:

- наличие реальной угрозы или факта инициирования разбирательства за рубежом, которые могут подтверждаться следующими доказательствами: письменная досудебная претензия с намерением обратиться в иностранный суд или международный арбитраж в случае неисполнения содержащихся в претензии требований; копия искового заявления, поданного в иностранный суд, или определение иностранного суда о принятии такого иска к производству; копия уведомления об арбитраже;

- доказательства уплаты государственной пошлины в иностранный суд или арбитражного сбора арбитражному учреждению; и
- факт, влекущий применение нормы об исключительной компетенции российского суда, например, местонахождение спорного объекта недвижимости на территории РФ (выписка из ЕГРН), факт государственной регистрации юридического лица в РФ (выписка из ЕГРЮЛ или ЕГРИП); или
 - факты действительности, исполнимости и наличия юридической силы заключенного арбитражного соглашения.

В предмет доказывания не должны при этом входить вопросы по существу, в том числе оценка перспектив основного спора по существу, обоснованности требований по существу, заявленных в иностранном юрисдикционном органе.

В отношении порядка рассмотрения дел о вынесении судебных запретов возможны две концептуальные модели.

Первая – наиболее классическая, которая предполагает рассмотрение и разрешение данных дел по общим правилам искового производства со своими процессуальными особенностями. Как отмечал в этой связи М.А. Гурвич, все такие «особые» производства, которые регулируются особыми правилами, на практике в любом случае будут неизбежно подчиняться также общим правилам искового производства, поскольку последние не могут быть исключены упомянутыми специальными правилами¹.

Вторая модель – специальная гражданская процессуальная форма. Такой порядок рассмотрения и разрешения для всех дел гражданского судопроизводства, не относящихся к исковому, предложила и детально разработала Л.М. Мокроусова². Однако представляется, что такое объединение является методологически некорректным, поскольку под единым

¹ Гурвич М.А. Особые производства в гражданском процессе // Социалистическая законность. 1958. N 8. С. 26.

² Мокроусова Л.М. Порядок рассмотрения гражданских дел неисквогого производства как специальная гражданская процессуальная форма: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009. Страницы?

предметом соединяются разнородные объекты, нуждающиеся в различном правовом регулировании.

В этой связи наиболее удачной формой является принятие первой модели со следующими процессуальными особенностями.

Во-первых, сразу стоит отметить, что, подобно особому производству, в предлагаемом новом производстве о вынесении судебных запретов также специфически будут действовать функциональные принципы процесса¹. Важно при этом отметить, что данные принципы отнюдь не отменяются или перерождаются в качественно новые, они лишь трансформируются под влиянием двойственной природы рассматриваемого производства, приобретая особые черты.

Представляется, что наиболее выраженную трансформацию претерпевает принцип диспозитивности. Так, в рамках частноправовых оснований, а именно в отношении защиты арбитражного соглашения, данный принцип действует практически полноценно. Полагаем, что заявителю доступно право отказаться от своего заявления о запрете, признать доводы противоположной стороны. В части, касающейся публично-правовых оснований, а именно защиты исключительной компетенции, действие принципа диспозитивности становится ограниченным интересами юрисдикционного суверенитета и публичного порядка. Отказ заявителя от заявления о запрете или заключение сторонами мирового соглашения не могут быть приняты судом, если они противоречат публичному порядку или направлены на преодоление императивных правил об исключительной компетенции. В данном случае предметом защиты выступает не частный, а публичный интерес, что исключает возможность для сторон по своему усмотрению распоряжаться правом на судебную защиту в этой части.

Наиболее сложный вопрос касается возможности заключения мирового соглашения и заявления встречных требований. Представляется, что в

¹ Воронов А.Ф. Эволюция функциональных принципов гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. Страница?

отношении мирового соглашения должна действовать презумпция принципиальной недопустимости с исключениями. Против допустимости его заключения выступает неотчуждаемость публичного интереса в том смысле, что предметом спора является не частное материальное право, а охраняемый законом интерес в соблюдении императивных норм о юрисдикции. Более того, мировое соглашение в таком случае может стать инструментом для обхода судебного контроля, поскольку стороны формально достигают соглашения, после чего истец в иностранном процессе возобновляет его, а ответчик (заявитель по делу о судебном запрете), получив компенсацию по мировому соглашению, лишается права на повторное обращение за судебным запретом по тому же спору.

В то же время заключение мирового соглашения по делам, основанным исключительно на защите арбитражного соглашения, может быть признано допустимым, поскольку в данном случае публичный интерес выражен гораздо слабее. Теоретически стороны могут заключить такое соглашение, по которому нарушитель арбитражного соглашения отказывается от иска в иностранном суде, заявитель отказывается от своего заявления о запрете и любых претензий о компенсации, связанных с нарушением, и стороны подтверждают действие арбитражного соглашения. При этом суд, как и в рамках любого другого мирового соглашения, для его утверждения обязан проверить, не содержит ли такое соглашение противоречащие закону условия и не нарушает ли права третьих лиц.

В отношении встречного иска, представляется, можно дать более однозначный отрицательный ответ. Сама суть спора указывает на то, что позиции сторон не могут быть предметом встречных требований в одном процессе. Если заявитель доказывает исключительную компетенцию российского суда или наличие арбитражного соглашения с юридическим местом в РФ, то требование ответчика об обратном автоматически становится несостоятельным. Если же ответчик доказывает, что компетентен иностранный суд или международный арбитраж, он тем самым опровергает

основание первоначального требования, в связи с чем суд отказывает заявителю без необходимости выносить какой-либо встречный запрет, поскольку такой отказ в первоначальном запрете *de facto* является санкцией на допустимость обращения в иностранный орган.

Принцип состязательности в данном производстве не просто сохраняется, а становится центральным и реализуется в полном объеме. Стороны вправе представлять доказательства, приводить доводы, а также признавать факты, входящие в предмет доказывания. Заявитель и лицо, в отношении которого испрашивается судебный запрет, занимают положение активных процессуальных оппонентов. Бремя доказывания также полностью лежит на сторонах, и суд не восполняет недостающую инициативу сторон. Однако в рамках публично-правового основания с целью защиты исключительной компетенции суд по своей инициативе может истребовать документы, подтверждающие объективные факты.

В рамках рассматриваемого производства формально сохраняется и принцип равноправия сторон при ярко выраженной асимметрии их позиций. Задача суда заключается в обеспечении реального, а не формального равноправия, гарантируя при этом ответчику, особенно иностранному, реальную возможность ознакомиться с материалами дела и представить свою позицию в случае его участия в таком процессе.

Принцип непосредственности в данном производстве также действует, однако с определенными ограничениями. Так, судья в ходе судебного разбирательства должен воспринимать информацию лично и по возможности от первоисточника, но ввиду необходимости получения заключений экспертов или специалистов для установления содержания норм иностранного права, а также изучения письменных документов можно говорить о частичной опосредованности восприятия материалов дела судом.

В то же время принцип устности, представляется, действует фактически в полном объеме. Проведение судебного заседания по таким делам должно быть обязательным, вне зависимости от волеизъявления сторон по данному

вопросу. В то же время форма проведения судебного заседания не обязательно должна предполагать физическое присутствие обеих сторон перед судом, особенно в случае наличия иностранного лица. В этой связи представляется обоснованным закрепление возможности проведения онлайн-заседаний для обеспечения возможности подключения иностранного лица и его участия в процессе. Идентификация участника при использовании системы веб-конференции осуществляется в соответствии с частью 1 статьи 153.2 АПК РФ с использованием единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) либо единой биометрической системы. Для физических лиц, являющихся гражданами Российской Федерации, это означает подтвержденную учетную запись на портале Госуслуг. Однако применительно к иностранным лицам (как физическим, так и юридическим) возникает вопрос о практической реализации такого механизма. Представляется, что в данном случае возможно использование следующих альтернативных подходов.

Первый из них опирается на институт представительства. Законодательство не исключает участия в веб-конференции через ЕСИА представителя иностранного лица – гражданина Российской Федерации или лица, имеющего подтвержденную учетную запись. В этом случае идентификация осуществляется через учетную запись представителя.

Альтернативно, часть 1 статьи 153.2 АПК РФ предусматривает также идентификацию с использованием единой биометрической системы, что потенциально открывает возможность для участия иностранных граждан при условии их регистрации в такой системе.

Во-вторых, представляется, что для рассмотрения заявления о вынесении судебного запрета необходимо установить сокращенный срок, составляющий один месяц с даты принятия заявления к производству. Установление такого сокращенного срока продиктовано целями самого института судебного запрета. Его эффективность напрямую зависит от скорости его вынесения: он должен либо упредить развитие иностранного процесса, либо пресечь его на ранней стадии.

В-третьих, по результатам рассмотрения должно выноситься определение, вступающее в законную силу в день вынесения и подлежащее немедленному исполнению. Немедленное вступление в законную силу позволяет исключить ситуацию, когда сторона, подав апелляционную жалобу, использует ее как инструмент затягивания процесса и продолжает параллельное разбирательство за рубежом в ожидании рассмотрения жалобы. Немедленное же исполнение необходимо, поскольку даже краткосрочный разрыв между вынесением определения и его фактическим исполнением позволяет противоположной стороне совершить процессуальные действия в иностранной юрисдикции (например, получить обеспечительные меры, провести первое заседание по существу), которые существенно осложнят последующее прекращение разбирательства.

Таким образом, можно говорить о том, что антиисковой запрет в его российском выражении представляет собой ядро формирующегося самостоятельного вида неискового производства, предметом которого является не материальное право, а спор о процессуальном правомочии, юрисдикции.

В то же время широкое применение статьи 248.2 АПК РФ, позволяющее говорить о зарождении самостоятельного производства по делам о судебных запретах, идущее параллельно активному развитию соответствующей практики в зарубежных юрисдикциях отражает лишь одну сторону современной конкуренции юрисдикций. Институт антиискового запрета не является исключительной прерогативой национальных судов, поскольку он также проникает в сферу международного коммерческого арбитража, порождая еще одну область конкурирующей компетенции между государственными судами и арбитражем. Это закономерно ставит перед теорией и практикой фундаментальные вопросы о границах и основаниях такой компетенции.

Анализ арбитражного измерения антиисковых запретов необходим для составления целостной картины борьбы с негативными проявлениями

конкуренции юрисдикций на современном этапе. В правосудии и в международном арбитраже упрочилось понимание, что возникновение и ведение параллельных разбирательств в различной конфигурации нежелательно, в связи с чем набирает популярность позиция о том, что вынести антиисковой запрет может не только судья государственного суда, но и арбитр после соответствующей просьбы стороны арбитражного разбирательства.

В этой связи центральными являются два вопроса, ответы на которые необходимы для обоснования юридической возможности реализации арбитрами правомочия по вынесению антиисковых запретов.

Во-первых, это определение компетенции арбитра, поскольку, в отличие от государственных судов, чья компетенция имеет публично-правовой источник, укорененный в законодательном положении, арбитры являются частными лицами, чья компетенция производна от соглашения сторон.

Во-вторых, в случае положительного решения вопроса о компетенции арбитров встает вопрос о процессуальных полномочиях и их основаниях.

Рассмотрение первого вопроса о компетенции арбитров неизбежно выводит за рамки буквального толкования арбитражного соглашения. Классическая доктрина компетенции-компетенции (*kompetenz-kompetenz*)¹, получившая практически универсальное признание в национальных законах об арбитраже большинства государств и арбитражных регламентах ведущих арбитражных учреждений², наделяет состав арбитража правом самостоятельно, в том числе предварительно, разрешать вопрос о наличии и пределах своей компетенции в отношении переданного на рассмотрение спора.

¹ Гериф И., Лобода А.И. Толкование арбитражного соглашения и доктрина "компетенции компетенции" в праве международного арбитража Франции // Третейский суд. 2021. N 3/4. С. 205 - 217.

² См., напр.: ст. 1465 ГПК Франции ("The arbitral tribunal alone has jurisdiction to rule on objections to its jurisdiction..."); ст. 186 Закона Швейцарии о международном частном праве; § 30, 31, 67 Закона об английском арбитраже 1996 г.; ст. 16 Закона РФ от 07.07.1993 N 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже"; ст. 16 Федерального закона от 29.12.2015 N 382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации".

Тем не менее, данная доктрина вовсе не предполагает прямого и недвусмысленного указания на то, что состав арбитража вправе препятствовать стороне в обращении в государственный суд путем вынесения арбитрами соответствующего процессуального постановления. В этой связи обоснование компетенции арбитров по вынесению антиискового запрета требует обращения к более сложным, подразумеваемым конструкциям, которые следуют из логики и целей арбитража как такового.

В доктрине и практике по данному вопросу сформировались и продолжают сосуществовать два основных подхода, которые условно можно обозначить как консервативно-ограничительный и прогрессивно-функциональный.

Первый подход уходит своими корнями в традиционное разграничение публичной власти и частного соглашения и категорически отрицает наличие у арбитров, наделенных компетенцией частным соглашением сторон, возможности противостоять публичной власти, которой обладают государственные суды в силу императивных предписаний закона. Его сторонники утверждают, что наделение арбитров такой компетенцией фактически представляет узурпацию суверенной функции, присущей исключительно государственным судам как органам публичной власти¹. С этой точки зрения, арбитры, будучи частными лицами, наделенными компетенцией частными сторонами, не обладают легитимным основанием для столь серьезного вмешательства в фундаментальные права, гарантируемые национальными конституциями и международными актами о защите прав и свобод человека. Соответственно, тот максимум, который могут себе позволить арбитры в данной связи, - это констатировать факт нарушения арбитражного соглашения и присудить за это потерпевшей стороне убытки².

¹ Born G. *International Commercial Arbitration*. 3rd ed. The Hague, 2021. P. 1349; Gaillard E. *Anti-suit Injunctions Issued by Arbitrators // International Arbitration 2006: Back to Basics?* / ed. by A.J. van den Berg. The Hague, 2007. P. 239.

² Gaillard E. *Anti-suit Injunctions Issued by Arbitrators // International Arbitration 2006: Back to Basics?* / ed. by A.J. van den Berg. The Hague, 2007. P. 239. Галтер Е.Д. Гражданско-правовые последствия нарушения арбитражного соглашения // *Вестник гражданского права*. 2023. N 6. С. 46 - 105.

Арбитражная практика знает немало примеров, когда арбитры признавали за собой право присуждать такие убытки как меру, призванную пропорционально возместить причиненный нарушением арбитражного соглашения материальный ущерб¹.

Прогрессивно-функциональный подход, напротив, предлагает более гибкое обоснование компетенции арбитров. Такое обоснование проистекает не из сопоставления оснований компетенции государственных судей и арбитров, а на признании за арбитрами необходимых и подразумеваемых полномочий (*inherent / implied powers*)², в отсутствие которых осуществление возложенной на них сторонами компетенции становится неэффективным. В этом контексте компетенция состава арбитража выводится не как дерогация по отношению к власти государственного суда, а как акт самозащиты арбитражного разбирательства и средство обеспечения реальной исполнимости арбитражного соглашения. С определенной долей осторожности это можно назвать побуждением к исполнению арбитражного соглашения в натуре, а не *ex post* реакцией в виде присуждения убытков в связи с уже состоявшимся нарушением такого соглашения.

Переходя ко второму ключевому вопросу – о процессуальных полномочиях арбитров – следует отметить, что ответ на данный вопрос напрямую зависит от квалификации правовой природы антиискового запрета, выносимого арбитрами. В этой связи можно констатировать, что в отличие от судебных запретов, где описанная выше дискуссия о квалификации запрета как обеспечительной меры или института *sui generis* продолжается, в рамках международного коммерческого арбитража сформировался относительно устойчивый консенсус по данному вопросу.

¹ См., например: ICC Award No. S946, 1990 // ICCA yearbook Commercial Arbitration XVI. 1991. P. 97; ICC Award No. 8887, April 1997 // 11 ICC Bull. 2000. No. 2. P. 91

² Brown C. *Inherent Powers in International Adjudication* // The Oxford Handbook of International Adjudication. Oxford, 2014.

Так, и в инвестиционном арбитраже, где тема антиисковых запретов более широко изучена, и в коммерческом арбитраже, такие запреты квалифицируются в качестве обеспечительных или предварительных мер¹.

В арбитражном законодательстве различных стран и в арбитражных регламентах признано, что арбитры вправе приниматься обеспечительные меры по ходатайству любой стороны. В этом контексте стоит особое внимание обратить на статью 17 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (Типовой закон), в котором сформулировано определение обеспечительных мер, легшее в основу большинства национальных законов об арбитраже. В ходе обсуждения данного положения рабочая группа высказывалась за включение в сферу действия данного положения и антиисковых запретов со ссылкой на широкое толкование указанной нормы, однако в итоговую редакцию данное полномочие не вошло.

При этом вслед за Типовым законом национальное законодательство пришло к практически единогласному мнению, что при удовлетворении необходимых условий, а именно риска причинения ущерба, который не может быть устранен причинением убытков, и наличия разумной возможности успеха запрашивающей стороны по существу спора, арбитры вправе применять обеспечительные меры. В этом контексте можно говорить о растущем доверии системы государственного правосудия к частному арбитражу и поощрении решения как процессуальных, так и вопросов по существу в рамках единого юрисдикционного органа.

Квалификация антиискового запрета в качестве обеспечительной меры напрямую влияет на механизм последующего судебного контроля со стороны национальных судов. Так, проарбитражные юрисдикции, такие как Сингапур или Гонконг, предполагают необходимость четкого разграничения между окончательными арбитражными решениями и промежуточными постановлениями. В этом контексте суды сознательно применяют к

¹ См.: E-SystemsInc. v. Islamic Republic of Iran et al., IUSCT Case No. 388, Interim Award No. ITM 13-388-FT, 4 February 1983.

обеспечительным мерам арбитров, которые выносятся путем принятия промежуточных постановлений, минимальный уровень судебного контроля. Такой подход был четко сформулирован шэньчжэнским судом, который рассматривал вопрос возможности отмены постановления об исполнении промежуточного решения арбитра о прекращении разбирательства в государственном суде Шэньчжэня. Государственный судья, отклоняя заявление об отмене, особо подчеркнул, что данное промежуточное решение не является окончательным решением по существу, в связи с чем недопустимо применять основания для отказа в признании и приведении в исполнение таких решений к промежуточным решениям, к которым как раз относятся антиисковые запреты¹. Аналогичную позицию занял и сингапурский коллега, который отметил, что такой подход позволяет минимизировать попытки воспрепятствования арбитражному разбирательству посредством оспаривания промежуточных постановлений об обеспечительных мерах².

Квалификация антиисковых запретов, выносимых арбитрами, в качестве обеспечительных мер представляется абсолютно обоснованной. Это позволяет выводить полномочия арбитров по их вынесению не из абстрактного правомочия по ведению арбитражного разбирательства таким образом, какой они считают надлежащими, а напрямую из применимого права и применимых правил избранного арбитражного регламента. В случае отсутствия в применимом праве или арбитражном регламенте прямо закрепленного полномочия по вынесению обеспечительных мер, будет оправданным обращение к статье 17 Типового закона как наиболее универсального акта в сфере международного коммерческого арбитража.

Однако в такой квалификации кроется потенциальная опасность с точки зрения будущей практической исполнимости таких запретов. Напомним, что большинство правопорядков исходит из того, что в силу неокончательного характера постановления о вынесении арбитрами антиискового запрета, его

¹ CXG and CXH v. CXI, CXJ and CXK [2023] SGHC 244.

² X, YCo v. ZCo [2024] HKCFI 695, Case No. HCCT 33/2023

отмена, признание и приведение в исполнение невозможны. В то же время ряд правопорядков допустил возможность признания и приведения в исполнение таких промежуточных постановлений арбитров о вынесении антиискового запрета, что должно быть поддержано и другими юрисдикциями. Применительно к российскому правовому полю можно сделать осторожное предположение, что антиисковые меры арбитров, независимо от того, вынесены они против российского суда или против иностранного суда, едва ли будут признаваться и приводиться в исполнение. Такое предположение основано на идущей еще со времен ВАС РФ презумпции о том, что антиисковые запреты не препятствуют рассмотрению дела российским судом¹.

Таким образом, под арбитражным антиисковым запретом понимается обеспечительная мера, принимаемая единоличным арбитром или составом арбитража в ходе арбитражного разбирательства, выраженная в форме процессуального постановления (приказа, определения о принятии обеспечительных мер), которой стороне или сторонам запрещается инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или ином арбитраже. Правовым основанием для вынесения такого запрета служат полномочия арбитров на принятие обеспечительных мер, производные от арбитражного соглашения и применимых арбитражных регламентов. Иными словами, антиисковой запрет в международном коммерческом арбитраже является не калькой своего судебного аналога, выносимого государственными судами, а самостоятельным процедурным инструментом, доступным арбитрам как одного из видов обеспечительных мер. Его существование подтверждает, что борьба с негативными проявлениями конкуренции юрисдикций ведется на двух различных, хотя и взаимодействующих, уровнях.

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 N 158 Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (вместе с "Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц").

Проведенный анализ позволяет констатировать, что возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: один и тот же по своим функциональным проявлениям инструмент получает принципиально различную правовую квалификацию в зависимости от того, каким юрисдикционным органом он применяется. Если государственный суд выносит запрет в порядке статьи 248.2 АПК РФ, такой запрет не может быть сведен к обеспечительной мере, тогда как аналогичный по своей сути запрет, исходящий от состава арбитража, вполне органично вписывается в конструкцию обеспечительных (предварительных) мер.

Возникает вопрос: не свидетельствует ли такое расхождение о внутренней противоречивости института и не подрывает ли оно логику единообразного правового регулирования? Представляется, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости признания объективной обусловленности такой двойственности, проистекающей из фундаментальных различий в природе судебной и арбитражной юрисдикции.

Во-первых, источник властных полномочий. Государственный суд действует в силу публично-властного полномочия, делегированного ему законом. Его компетенция по вынесению антиискового запрета, закрепленная в статье 248.2 АПК РФ, является прямым предписанием законодателя, направленным на защиту исключительной компетенции российских судов. Арбитры же, напротив, черпают свои полномочия из частного соглашения сторон. Их власть производна от воли сторон и ограничена пределами, установленными арбитражным соглашением и национальным законодательством. В этой связи наделение арбитров правом выносить антиисковые запреты в принципе не может быть облечено в ту же форму, что и аналогичные акты государственного суда.

Во-вторых, механизм принудительной реализации. В российском правопорядке судебный антиисковый запрет обеспечен возможностью применения судебной неустойки, адресованной лицу, нарушившему запрет, и его последующего принудительного исполнения. Это средство прямого

государственного принуждения, действующее на территории РФ. Арбитражный же запрет лишен такой прямой принудительной силы *ab initio*. Его эффективность опосредована возможностью последующего обращения в государственный суд за принудительным исполнением, и именно на этом этапе квалификация запрета как обеспечительной меры приобретает критическое значение: правопорядки, допускающие признание и приведение в исполнение арбитражных обеспечительных мер (как, например, Гонконг и Сингапур), создают условия для реальной практической эффективности антиискового запрета, вынесенного арбитрами.

В-третьих, объект защиты и баланс публичного и частного. Судебный антиисковой запрет по российскому праву, как было описано выше, выполняет двойственную функцию: защиту исключительной компетенции российских судов (публично-правовой элемент) и защиту арбитражных соглашений с местом арбитража в РФ (частно-правовой элемент). В этом своем качестве он не может быть низведен до уровня обеспечительной меры, поскольку предметом защиты выступает не материальное право, а охраняемый законом процессуальный интерес. Арбитражный же антиисковой запрет по своей природе лишен этой публично-правовой составляющей. Он всегда служит частно-правовой цели – обеспечению эффективности арбитражного разбирательства и исполнению арбитражного соглашения. В силу этого его квалификация в качестве обеспечительной меры, направленной на сохранение *status quo* или предотвращение ущерба, связанного с параллельным разбирательством, представляется не только допустимой, но и единственно возможной.

Таким образом, различная правовая природа судебного и арбитражного антиисковых запретов – это закономерный результат разнородности юридических режимов, в которых функционируют государственные суды и международный коммерческий арбитраж. Один и тот же функциональный инструмент (запрет на инициирование или продолжение разбирательства в ином юрисдикционном органе) получает различное нормативное воплощение,

будучи погруженным в публично-правовую парадигму судебного процесса или в частноправовую, договорную процедуру арбитража. Признание этой двойственности не создает коллизии внутри правовой системы, а напротив, позволяет предложить адекватный природе каждого из юрисдикционных органов механизм правового регулирования.

§ 2. Последствия вынесения антиисковых запретов для текущих и потенциальных судебных и арбитражных разбирательств

Наконец, анализ антиисковых запретов как одного из наиболее распространенных и вместе с тем наиболее дискуссионных средств борьбы с негативными проявлениями конкуренции юрисдикций будет неполноценным без рассмотрения вопроса о тех правовых последствиях, которые создает его вынесение.

Прежде чем непосредственно переходить к анализу таких последствий, необходимо разграничить две принципиально различные ситуации, в которых может возникать вопрос об исполнении антиискового запрета.

Первая ситуация: иностранный суд недружественного государства выносит антиисковой запрет в отношении российского лица, в отношении которого применены меры ограничительного характера, запрещая ему инициировать или продолжать разбирательство в российском суде или арбитраже с местом арбитража в Российской Федерации. В этом случае российское лицо оказывается перед выбором: подчиниться иностранному запрету под угрозой персональных санкций (включая уголовную ответственность за неуважение к суду) и ареста активов за рубежом либо проигнорировать его и продолжить разбирательство в России, рискуя утратой зарубежных активов и персональными ограничениями для руководителей и представителей.

Вторая ситуация: российский арбитражный суд выносит антиисковой запрет в порядке статьи 248.2 АПК РФ в отношении иностранного лица, запрещая ему инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже за пределами РФ. В этом случае возникает вопрос о реальной исполнимости такого запрета и о том, какие последствия должны наступать для иностранного нарушителя, не имеющего активов на территории РФ.

Указанные ситуации порождают различные правовые последствия и требуют разных механизмов обеспечения. В настоящем параграфе последовательно рассматриваются обе ситуации.

Последствия иностранного антиискового запрета для российского лица

Ключевой особенностью, предопределяющей характер последствий вынесения антиискового запрета, является его фактическая исполнимость на практике, обеспеченная специальными механизмами, побуждающими сторону, против которой вынесен соответствующий запрет либо к добровольному исполнению, либо к отказу от уклонения от принудительного исполнения соответствующего запрета. В то время как в Великобритании такой запрет обеспечен серьезными санкциями персонального характера вплоть до уголовной ответственности за неуважение суду, которым признается нарушение антиискового запрета¹, в российской системе судебные запреты носят принципиально иной характер и не обладают сопоставимой силой принуждения в отношении потенциальных нарушителей.

Так, в случае вынесения иностранным судом (например, Высоким Судом Англии и Уэльса) антиискового запрета против российского лица, имеющего активы на территории юрисдикции, вынесшей против нее антиисковой запрет, такое лицо неизбежно сталкивается с вынужденным стратегическим выбором. Игнорирование вынесенного запрета сопряжено с высокими рисками персональных мер против такого лица, его представителей и чревато обращением взыскания на находящиеся на территории данной юрисдикции активы. Следовательно, единственным практически реализуемым путем становится подчинение запрету, что порождает процессуальную неопределенность. Такая неопределенность связана с отсутствием унифицированного ответа на вопрос о том, в какой форме должно быть выражено такое подчинение, должно быть оно активным или предполагает абсолютное бездействие лица, против которого оно вынесено, в

¹ Contempt of Court Act 1981. См.: Дораев М.Г. Судебный пиар и российское правосудие: определение границ дозволенного // Право и бизнес. 2024. N 1. С. 2 - 12.

отношении инициированного им разбирательства в российском суде или арбитраже.

Теоретически российский процессуальный инструментарий позволяет использовать следующие механизмы, каждый из которых может представлять собой подчинение иностранному антиисковому запрету, а именно: отказ от иска, заявление об оставлении иска без рассмотрения и приостановление производства по делу.

Очевидно, что среди всех вышеперечисленных вариантов меньше всего сомнений в том, что он будет считаться нарушением антиискового запрета, является отказ от иска, который является активным вариантом процессуального поведения лица, против которого вынесен соответствующий запрет.

В этой связи обратим внимание на то, что Верховный Суд РФ в своих правовых позициях, в частности в определении по делу Уралтрансмаш против Песа, отмечал, что антиисковой запрет на продолжение разбирательства обязывает предпринять активные меры по его исполнению, включая отказ от иска. Однако далее Суд сделал, как представляется, критически важное как с позиций процессуального, так и материального права уточнение: *«Действительно, по общему правилу такое процессуальное поведение, как правило, влечет невозможность последующего обращения в юрисдикционный орган с тождественным иском. Однако поскольку в данном случае отказ от иска осуществлялся бы истцом под принуждением судебного распоряжения, то негативные последствия такого отказа не должны препятствовать ему обратиться за судебной защитой в российский суд»*¹.

Аналогичным образом квалифицируют отказ от иска под воздействием иностранного антиискового запрета и суды нижестоящих инстанций в последующих определениях. Так, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд особо отметил, что суд обязан убедиться в наличии у лица действительной

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 N 309-ЭС21-6955(1-3) по делу N А60-36897/2020.

воли на отказ от иска и не должен ограничиваться констатацией наличия у лица такого права. Более того, суд особо отметил, что отказ от иска, который был мотивирован антиисковым запретом иностранного государства, не является для российского суда добровольной реализацией стороной судебного разбирательства, принадлежащего ему права на отказ от иска¹. Представители российской доктрины также одобрительно высказались в отношении данной позиции, сформулированной правоприменителем. В.В. Старженецкий подчеркнул, что такая квалификация хоть и формально вступает в противоречие с классическими процессуальными канонами, но объяснима самой защитной функцией статьи 248.1 АПК РФ².

Примечательно, что не только российский правоприменитель видит в отказе от иска наиболее корректную форму подчинения антиисковому запрету. Так, в августе 2023 года Высокий суд Англии и Уэльса в деле *WWRT Ltd v Tyshchenko and another* вынес антиисковой запрет, обязывающий ответчиков отказаться от иска, поданного ими в украинский суд с целью получения постановления, требующего от эксперта по украинскому праву истца в английском судебном разбирательстве опровергнуть два своих экспертных заключения³.

Альтернативой отказу от искового заявления, влекущему в случае принятия его судом прекращение производства по делу, в рассматриваемом контексте может стать небезызвестная российской процессуальной доктрине концепция взятия искового заявления обратно, которая предполагает последствия оставления искового заявления без рассмотрения⁴.

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2024 по делу N А21-12793/2023. См. также:

² Старженецкий В.В., Фоменко А.И. Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. N 1. С. 74 - 95. См. также Гальперин М.Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 N 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. N 1. С. 72 - 81.

³ *WWRT Ltd v Tyshchenko* [2021] EWHC 939 (Ch).

⁴ См.: Евтодьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М. 1983. С. 12; Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2001. С. 26; Моисеев С.В. Принцип диспозитивности арбитражного процесса. С. 92-93;

Второй возможной опцией является вариант пассивного поведения стороны, против которой вынесен антиисковый запрет, который фактически также приведет к окончанию процесса. Речь идет об оставлении иска без рассмотрения по причине повторной неявки истца в судебное заседание на основании пункта 9 части 1 статьи 148 АПК РФ. Однако и это основание имеет свои подводные камни.

На уровне Верховного Суда РФ была сформулирована позиция, в соответствии с которой установление в совокупности повторной неявки истца в судебное заседание в отсутствие ходатайства о рассмотрении дела в его отсутствие или об отложении судебного разбирательства, а также мнения ответчика (в том числе его пассивного поведения) ответчика является достаточным для оставления иска без рассмотрения¹. При этом, даже несмотря на данную позицию ВС РФ, российские арбитражные суды стараются исходить не из формального количественного критерия, закрепленного в законодательном положении, а из оценки реальной процессуальной активности и процессуальной заинтересованности. Иными словами, формальная вторая неявка в судебное заседание в отсутствие иных веских оснований не является достаточной для вывода о том, что истец утратил интерес к рассмотрению спора². Таким образом, данное основание также не гарантирует, что российский суд оставит исковое заявление без рассмотрения в случае, если истец перестанет являться в процесс, особенно, если суд установит факт вынесения против такого истца антиискового запрета.

Наконец, третье возможное основание можно назвать активным, поскольку представляет собой обращение к российскому суду с заявлением о

Русинова Е.Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе. С. 76-84; Беспалова В.Р. Пределы судебного контроля на стадии подготовки дела к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2024. С. 175-176.

¹ П. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 года № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

² См. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 августа 2025 года по делу № А55-14223/2023; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2024 года по делу № А45-2090/2023.

приостановлении производства по делу со ссылкой на пункт 5 статьи 144 АПК РФ. Такое основание представляется наиболее целесообразным и сбалансированным вариантом с рядом оговорок. Так, представляется, что наиболее высокие шансы на приостановление судебного процесса в российском суде будут в том случае, если одна из сторон инициирует судебное разбирательство в иностранном суде в соответствии с договором, а не просто в силу вынесения иностранного антиискового запрета.

Ситуация с антиисковыми запретами в отсутствие инициированного разбирательства по существу гораздо сложнее. Однако российские суды оказались в этом смысле гораздо более гибкими, чем можно было ожидать в текущих условиях. Речь идет о громком и масштабном споре ООО «Русхимальянса» (Русхимальянс) с немецкой группой Linde, который является наиболее показательной иллюстрацией конкуренции антиисковых запретов в рамках действия мер ограничительного характера.

Первый примечательный факт в отношении данного спора заключается в том, что первоначально Русхимальянс обратился в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением к компаниям группы Линде о принятии предварительных обеспечительных мер, в числе которых было обязательство Русхимальянса в течение 15 рабочих дней с момента удовлетворения указанного заявления приступить к досудебному порядку урегулирования спора с Линде, после чего – в течение 45 дней направить уведомление об арбитраже в Гонконгский международный арбитражный центр (ГМАЦ). Суд удовлетворил данное заявление¹, однако Русхимальянс впоследствии обнаружил, что разбирательство в ГМАЦ может быть не справедливым, не беспристрастным и независимым в силу существенного влияния политической, экономической и правовой системы Великобритании на Гонконг. В этой связи Русхимальянс решил пойти по пути, предлагаемому

¹ Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области об обеспечительных мерах от 30 декабря 2022 года по делу № А56-129797/2022.

частью 4 статьи 248.1 АПК РФ, и успешно перенес рассмотрение спора в российскую юрисдикцию.

В рамках данного спора Русхимальянс также обратился с пятью исками к немецким банкам¹, которые отказались выплачивать суммы, полагающиеся Русхимальянсу по банковским гарантиям, в связи с неисполнением Линде своих обязательств по договору. Гарантии были подчинены английскому праву и предусматривали рассмотрение споров из них в международном арбитраже по правилам Международной торговой палаты (далее по тексту – МТП) с юридическим местом арбитража в Париже.

Летом 2023 года Русхимальянс на основании ст. 248.1 АПК РФ предъявил в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области иски на основании ст. 248.1 АПК РФ к банкам-гарантам. После этого Deutsche Bank, Unicredit bank и Commerzbank обратились в Высокий суд Англии и Уэльса с заявлениями о принятии судебного запрета против Русхимальянса на ведение судебных разбирательств в России.

В рамках спора с Дойче Банком определением АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10 ноября 2023 года производство по делу приостановлено² до вступления в силу решения Апелляционного суда Англии и Уэльса по апелляционной жалобе ЮниКредит на приказ Высокого Суда Правосудия от 22 сентября 2023 года³ по иску Юникредит к Русхимальянсу.

При этом решения английских судов были противоречивы. Так, Высокий суд отказал в вынесении антиискового запрета, указав на то, что местом арбитража является Париж, а во Франции есть существенная правовая неопределенность в отношении антиисковых запретов: «В целом, суды Англии и Уэльса вправе поддерживать арбитраж в этой юрисдикции. Суды Англии и Уэльса при этом не обязаны поддерживать арбитраж во Франции

¹ Unicredit Bank (дело № А56-90977/2024), Deutsche Bank (дело № А56-90971/2024), Commerzbank (№ А56-90947/2024), Bayerische Landesbank (дело № А56-90987/2024), Landesbank Baden-Wuerttemberg (№ А56-90984/2024).

² Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области о приостановлении производства от 10 ноября 2023 года по делу № А56-74595/2023.

³ Judgment of the High Court of Justice of England and Wales [2023] EWHC 2365.

путем выдачи антиисковых запретов, учитывая принципиально противоречивый подход во Франции к вопросу о целесообразности и желательности такой поддержки. Более того, поддержка со стороны этого суда, по всей видимости, будет воспринята негативно»¹.

Тем не менее, 2 февраля 2024 года Апелляционный суд своим решением отменил решение суда первой инстанции и отметил, что опасения Высокого суда по потенциальной предвзятости французских судов к антиисковым запретам не оправданы, поскольку французские суды признают такие запреты, которые направлены на недопущение нарушения арбитражного соглашения, не нарушают международный публичный порядок, вынесены судом, которые имеют существенную связь с делом, а также не были получены путем обмана².

По спорам Русхимальянса против Юникредита и Коммерцбанка российский суд также приостанавливал производство по делу до вынесения решения английским Апелляционным судом по антиисковым запретам.

Примечательно также, что, обращаясь в российский суд с ходатайством о приостановлении производства по делу, Русхимальянс особо отмечал, что ввиду вынесенного английским судом предварительного антиискового запрета полагает невозможным представление дальнейших заявлений по существу спора и полагает возможным только рассмотрение процессуальных ходатайств, к которым, вероятно, он относил и заявленное ходатайство о приостановлении производства по делу. Суд, удовлетворяя ходатайство Русхимальянса, также отметил, что в связи с тем, что Русхимальянс соблюдает предварительный антиисковой запрет и отказывается от предоставления дальнейших позиций по существу спора, дальнейшее рассмотрение дела не представляется возможным³.

Однако нельзя не обратить внимание на следующее.

¹ Там же.

² Judgment of the Court of Appeal of England and Wales [2024] EWCA Civ 64.

³ Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.11.2023 по делу N А56-74595/2023.

Во-первых, приостановление производства по делу является дискреционным полномочием арбитражного суда, в связи с чем исход разрешения соответствующего ходатайства будет различным в зависимости от обстоятельств каждого конкретного спора.

Во-вторых, встает вопрос о потенциальной допустимости приостановления производства по делу со ссылкой на рассматриваемую норму АПК РФ, которая не упоминает третейские суды и международные арбитражи, ограничиваясь лишь формулировками «международный суд» и «суд иностранного государства». Исходя из буквального толкования данного положения можно сходу дать отрицательный ответ. Однако такое толкование представляется некорректным в связи со следующим.

Формулировка «международный суд» может включать в себя как государственный или межгосударственный суд, так и международные арбитражи и третейские суды. Так, например, секция 1782 Федеральных правил гражданского процесса США, которая предусматривает возможность принудительного истребования доказательств для использования в иностранном процессе, оперирует формулировками “*foreign or international tribunal*” (иностранный или международный суд), включающая в себя *arbitral tribunals* (третейские суды) в соответствии с позицией Верховного Суда США¹.

Аналогичную позицию занял и Арбитражный суд города Москвы, рассматривая спор между ВЭБ.РФ и Барклайс Банком, и приостановил производство по иску ВЭБа после того, как английский суд вынес антиисковой запрет, и ВЭБ инициировал арбитраж в ЛМТС². Суд отметил, что в условиях вынуждающего иностранного антиискового запрета и параллельного обращения в арбитраж ожидание решения третейского суда о собственной компетенции соответствует целям процессуальной экономии и принципам справедливости. Такая позиция особенно показательна, поскольку иск ВЭБа был основан на статье 248.1 АПК РФ, то есть российский суд фактически

¹ Intel Corp. v. Advanced Micro Devices, Inc. 542 U.S., para. 258.

² Определение Арбитражного суда города Москвы от 30 июля 2024 года по делу № А40-111803/23-107-857.

приостановил свою исключительную компетенцию в пользу арбитража в недружественной юрисдикции. Однако данная позиция остается скорее исключительной и не отражает универсальной судебной практики, что создает высокий уровень неопределенности для сторон.

Резюмируя, стоит отметить, что в случае необходимости подчинения иностранному антиисковому запрету ключевым фактором будет фактическая направленность действий стороны в российском процессе по его соблюдению, независимо от того, в какой конкретно процессуальной форме она была выражена.

Избранная процессуальная стратегия в связи с вынесенным иностранным антиисковым запретом напрямую влияет на материально-правовые последствия, наиболее значимым из которых является течение срока исковой давности. Оставление искового заявления без рассмотрения приводит к возобновлению течения срока, создавая реальную и зачастую невозполнимую угрозу его пропуска, особенно в случаях, когда истекшая часть срока изначально была незначительной. Таким образом, вынужденное подчинение императиву иностранного антиискового запрета ставит сторону на грань утраты субъективного права на защиту, поскольку под угрозой оказывается как само право на обращение в суд, так и сохранение возможности реализовать материальное право в установленные законом сроки. Наиболее безопасным в этой связи является также приостановление производства, которое автоматически влечет приостановление течения срока исковой давности.

Последствия российского антиискового запрета для иностранного лица

Обратная процессуальная конфигурация, в рамках которой российский суд выносит антиисковой запрет в отношении разбирательства, инициированного за рубежом, демонстрирует принципиальную асимметрию в эффективности данного инструмента и не только не снижает процессуальную напряженность, но и порождает серьезные риски дальнейшей эскалации конфликта. В отличие от ситуации, рассмотренной выше, здесь российская

сторона выступает заявителем, а иностранное лицо – нарушителем, игнорирующим запрет, вынесенный российским судом.

Даже в гипотетическом случае вынесения российским судом антиискового запрета в отношении иностранного процесса или арбитража его реальная исполнимость и превентивный эффект фактически оказываются минимальными. Суды недружественных государств, традиционно выступающих в роли главных «экспортеров» антиисковых запретов, принципиально отказываются признавать и приводить в исполнение юрисдикционные ограничения, наложенные иностранными государственными судами, в особенности если объектом таких ограничений становится судопроизводство на их собственной территории.

Более того, сам факт вынесения российского запрета способен спровоцировать дальнейшую эскалацию процессуального конфликта: иностранный суд, действуя в парадигме защиты своей собственной юрисдикции, может вынести так называемый анти-антиисковой запрет (*anti-anti-suit injunction*), прямо предписывающий стороне не подчиняться российскому судебному запрету под угрозой применения уже реальных и суровых санкций за неуважение к суду.

В результате российская сторона, инициировавшая выдачу запрета, оказывается в заведомо проигрышном положении, будучи неспособной обеспечить его реальное исполнение, но при этом становясь объектом для ответных принудительных мер. Символический характер обеспечительных гарантий, сопутствующих российскому антиисковому запрету, лишь усугубляет ситуацию. Предусмотренная частью 10 статьи 248.2 АПК РФ санкция за нарушение запрета в виде судебной неустойки за его неисполнение несоизмерима по своей принудительной силе и превентивному эффекту с институтом неуважения к суду, предусмотренного английским правом. Отсутствие реальной угрозы применения мер персональной ответственности или обращения взыскание на активы трансформирует российский запрет в

декларативный акт в отношении иностранной стороны, не имеющей существенной связи с российской юрисдикцией.

Таким образом, необходимо внедрение принципиально иного обеспечительного механизма, который бы не затрагивал существа спора, не требовал экстерриториального исполнения, но при этом обладал бы реальной принудительной силой даже в отсутствие связи нарушителя с Россией. Такие вводные свидетельствуют о том, что такой механизм, как и непосредственно нормы 248.1 и 248.2 АПК РФ, должен иметь в первую очередь защитный характер, а не карательный. Иными словами, его бенефициаром должна быть сторона, в пользу которой выдан российский антиисковой запрет, без первоочередной цели наказать его нарушителя. Следовательно, эффективная мера должна быть скорее процессуального характера, нежели материально-правового.

Представляется, что такой мерой может стать закрепление специального юрисдикционного иммунитета, активируемого в качестве санкции за игнорирование российского антиискового запрета.

Стоит отметить, что институт юрисдикционных иммунитетов не является чуждым российскому процессуальному праву. Так, статьи 256.3 АПК РФ, 471.3 ГПК РФ закрепляют, что иностранное государства пользуется в отношении своего имущества на территории Российской Федерации юрисдикционными иммунитетами со ссылкой на Федеральный закон «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» (Федеральный закон № 297)¹.

Федеральный закон № 297 рассматривает юрисдикционный иммунитет как судебный иммунитет, а также иммунитет в отношении обеспечительных мер и иммунитета в отношении исполнения судебных решений. Судебный

¹ Федеральный закон от 03.11.2015 N 297-ФЗ "О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации"

иммунитет в свою очередь предполагает обязанность российского суда воздержаться от привлечения к участию в судебном процессе.

Предлагаемый институт развивает данную логику, но применяет ее к частным лицам и в обратном ключе: иммунитет предоставляется не потенциальному ответчику (государству), а добросовестному российскому заявителю против недобросовестного иностранного истца. Это также будет юрисдикционный иммунитет, но направленный не на тотальное изъятие из-под юрисдикции, а на предоставление специальной процессуальной защиты в рамках юрисдикции. Добросовестному заявителю, в пользу которого был вынесен судебный запрет российским судом, проигнорированный ответчиком, предоставляется иммунитет от действия срока исковой давности по встречным требованиям, от будущих попыток признания и приведения в исполнение иностранного решения на территории России и потенциальных обеспечительных мер в этой связи. Критически важно, что данный иммунитет носит не абсолютный, а строго относительный характер: он действует исключительно в отношении конкретного правоотношения, из которого возник основной спор между добросовестным заявителем и нарушителем антиискового запрета, и не должен распространять свое действие на иные отношения между теми же лицами.

Механизм реализации данного иммунитета предполагает следующие этапы.

На первом этапе установления факта нарушения добросовестный заявитель обращается в арбитражный суд, вынесший судебный запрет, с заявлением об установлении факта неисполнения судебного акта. Такое заявление подлежит рассмотрению в порядке особого производства об установлении фактов, имеющих юридическое значение, поскольку отсутствует спор о материальном праве, а предметом является подтверждение формальных обстоятельств, а именно наличие вступившего в силу и не отмененного судебного запрета, его надлежащее вручение нарушителю и доказательства продолжения процесса за рубежом.

При удовлетворении заявления суд выносит определение, которым констатирует факт неисполнения вынесенного им судебного запрета и вносит нарушителя (а в случае правопреемства – и его правопреемников) в специальный реестр лиц, утративших право на процессуальную защиту по конкретному правоотношению. Такой реестр предлагается вести Судебному департаменту при Верховном Суде РФ. Данный выбор обусловлен следующими факторами, поскольку это наиболее органично вписывается в его существующую компетенцию. Судебный департамент не осуществляет правосудие, что гарантирует технический, а не оценочный характер ведения реестра. Более того, Судебный департамент осуществляет организационное обеспечение как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, что позволяет создать единый реестр для всех судов, уполномоченных выносить антиисковые запреты.

Для целей настоящего механизма под «конкретным правоотношением» понимается совокупность прав и обязанностей сторон, имеющих единое основание возникновения. Идентификация такого правоотношения осуществляется судом, вынесшим антиисковой запрет, путем указания в определении о внесении в реестр следующих идентификаторов:

1) номер и дата договора (группы взаимосвязанных договоров), из которого возник спор, либо, при отсутствии договора, описание фактического состава, ставшего основанием для обращения в суд;

2) стороны правоотношения (заявитель и нарушитель, а в случае процессуального правопреемства – их правопреемники);

3) предмет спора (требование, в связи с которым был вынесен антиисковой запрет);

4) указание на то, что иммунитет распространяется на все требования, вытекающие из данного договора (группы договоров) или фактического состава, включая требования, которые могут быть заявлены в будущем, но не распространяется на требования, основанные на иных договорах или фактических составах, даже если они связаны с теми же сторонами.

В случае возникновения спора о том, относится ли вновь заявленное требование к тому же правоотношению, вопрос разрешается судом, рассматривающим такое требование, на основе указанных в реестре идентификаторов. Бремя доказывания того, что новое требование вытекает из иного правоотношения и не охватывается иммунитетом, возлагается на лицо, внесенное в реестр.

Включение в такой реестр порождает три ключевых последствия, наступающих автоматически и исключительно в рамках обозначенного правоотношения.

Во-первых, приостановление течения срока исковой давности по требованиям нарушителя к добросовестному заявителю, вытекающим из данного конкретного правоотношения. С момента внесения в реестр течение срока исковой давности по всем таким требованиям добросовестного заявителя к нарушителю, вытекающих из данного конкретного правоотношения, приостанавливается на неопределенный срок. При этом не требуется, чтобы такие требования были заявлены в качестве встречного иска в рамках уже возбужденного процесса – приостановление срока исковой давности действует как мера *in rem*, распространяясь на все потенциальные требования нарушителя, связанные с данным правоотношением.

Во-вторых, в рамках любого судебного процесса на территории Российской Федерации, связанного с данным правоотношением, к добросовестному заявителю не могут быть применены никакие обеспечительные меры по заявлению лица, внесенного в такой реестр. Это исключает возможность оказывать процессуальное давление на всех этапах судопроизводства.

В-третьих, любое заявление нарушителя о признании и приведении в исполнение иностранного решения по данному правоотношению подлежит оставлению без рассмотрения, а не отказу по существу. Основание для такого оставления без рассмотрения будет наличие вступившего в законную силу определения российского суда о нарушении судебного запрета и включении

нарушителя в реестр. Это снимает с суда, осуществляющего экзекватуру, бремя доказывания нарушения публичного порядка или иного основания для отказа в признании и приведении в исполнение по существу.

Фактически такое включение в реестр по своей сути напоминает меры, принятые ЕС в рамках 14-ого «санкционного пакета». Так, Совет ЕС ввел запрет на сделки с компаниями, которые обращались в суды по статьям 248.1, 248.2 АПК РФ с целью переноса спора в российскую юрисдикцию по спору, связанному с любым договором или сделкой, на исполнение которых повлияли установленные Регламентом № 833 или Регламентом № 269 меры. Перечень таких лиц должен быть указан в приложении XLIII к Регламенту № 833, которое все еще остается несформированным.

Как было указано выше, предоставленный иммунитет должен быть относительным. Он является таковым не только по причине его распространения только на конкретное правоотношение, но и на том основании, что он может быть временным и может быть снят в случае восстановления *status quo*, то есть восстановление положения, существовавшего до нарушения. Для этого нарушитель должен прекратить иностранное разбирательство, проводимое в нарушение запрета, возместить добросовестному заявителю все судебные издержки и иные расходы, а также предоставить суду и ответчику безотзывные гарантии не возобновлять производство за рубежом в случае, если в соответствии с применимым иностранным правом за ним сохраняется такая возможность.

С соответствующим заявлением о прекращении действия иммунитета могут обратиться как добросовестная сторона, так и сам нарушитель. При этом суд обязан проверить соблюдение условий для прекращения такого иммунитета, о чем выносится соответствующее определение.

Таким образом, данный механизм создает не силовое персональное принуждение (*in personam*), а систему последствий, привязанных к конкретному правоотношению. Он делает нарушение антиискового запрета стратегически невыгодным, гарантируя нарушителю ухудшение его

процессуальных позиций в российской юрисдикции, а добросовестному заявителю – эффективную защиту его процессуальных прав и материальных интересов.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что вынесение антиискового запрета в любой юрисдикции порождает комплекс негативных последствий, которые не просто не разрешают конкуренцию юрисдикцией, а усугубляют ее, создавая как процессуальную неопределенность, так и существенные материальные риски для сторон. Ключевым дисбалансом, предопределяющим такие последствия, является коренное отличие в обеспечительных механизмах. Если в юрисдикциях общего права (таких как Англия) запрет обеспечен персональными санкциями, то в российском варианте судебных запретов санкция в виде судебной неустойки, предусмотренная частью 10 статьи 248.2 АПК РФ) оказывается фиктивной в отношении иностранного нарушителя, не имеющего активов в России.

Такая обеспечительная асимметрия приводит к парадоксальным результатам. Российская сторона, вынужденная подчиниться иностранному антиисковому запрету под угрозой персональной ответственности и ареста активов, оказывается в правовом вакууме внутри национального процесса. Ее попытки прекратить производство в российском суде через отказ от иска, оставление иска без рассмотрения или приостановление производства сопряжены с серьезными рисками, включая утрату права на повторное обращение в суд и пропуск срока исковой давности.

Обратная ситуация, когда российский суд выносит запрет против иностранного процесса, вскрывает практически полную неэффективность данного инструмента в его нынешнем виде. Игнорирование такого запрета не влечет для иностранной стороны реальных издержек, а его вынесение может спровоцировать эскалацию в форме «анти-антиискового» запрета (*anti-anti-suit injunction*) со стороны иностранного суда, уже обеспеченного действенными санкциями.

Действующая модель, основанная на материально-правовой судебной неустойке, представляется эффективной только в случае, если у нарушителя есть активы на территории Российской Федерации, а в других случаях он представляется бессмысленным. Необходим переход к принципиально иному обеспечительному механизму, который был бы действенным даже в отсутствие у нарушителя связи с российской юрисдикцией, не требовал экстерриториального применения и соответствовал защитной функции института, заложенной в статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ.

Таким механизмом может стать введение относительного юрисдикционного иммунитета добросовестной стороны, в пользу которой вынесен российский антиисковой запрет. Концептуальной основой служит уже известный российскому правопорядку институт юрисдикционных иммунитетов, закрепленный Федеральным законом № 297-ФЗ. Если указанный закон предоставляет иммунитет иностранному государству как потенциальному ответчику, то предлагаемый механизм предоставляет иммунитет частному лицу – добросовестному российскому заявителю – как средство защиты от недобросовестного процессуального поведения его контрагента.

Данный иммунитет носит строго относительный характер: он возникает не в отношении лица как такового, а в отношении конкретного правоотношения (*in rem*), из которого возник спор. Его содержание заключается в предоставлении добросовестной стороне защиты от ключевых процессуальных рисков, создаваемых нарушителем: иммунитета от действия исковой давности по встречным требованиям, от применения обеспечительных мер по ходатайству нарушителя и от принудительного исполнения в России любого иностранного решения, вынесенного по «запрещенному» делу.

Механизм реализации, основанный на внесении нарушителя в специальный реестр, обеспечивает автоматическое наступление этих

последствий, исключая дискреционное усмотрение судов на стадии экзекватуры или принятия обеспечительных мер.

Важнейшим элементом конструкции является возможность прекращения действия иммунитета при восстановлении *status quo*: нарушитель, прекратив иностранный процесс и полностью возместив издержки добросовестной стороне, может инициировать процедуру исключения из реестра. Процедура исключения из реестра является судебной – исключение осуществляется на основании заявления заинтересованного лица, которое подается по правилам того же особого производства, в рамках которого было установлено нарушение антиискового запрета. По результатам рассмотрения такого заявления суд выносит определение, которые либо удовлетворяет заявление и исключает лицо из реестра, либо отказывает в таком исключении. Данное определение является основанием для внесения уполномоченным органом изменений в реестр. Таким образом, механизм не носит карательного характера, а является защитным и восстанавливающим, предоставляя нарушителю путь к исправлению ситуации и возврату к обычному процессуальному режиму.

Предлагаемый механизм имеет объективные границы: он защищает добросовестную российскую сторону в российском правовом порядке, но не может предотвратить обращение взыскания на ее зарубежные активы (при их наличии), поскольку это находится за пределами компетенции российского суда. Однако это не делает предложенный механизм неэффективным.

Во-первых, многие российские лица, подвергшиеся ограничительным мерам, имеют существенную часть активов именно на территории РФ, что делает защиту в России критически важной. Во-вторых, отсутствие возможности признать и привести в исполнение иностранное решение в России лишает нарушителя стратегического преимущества в виде двойного взыскания – одновременно за рубежом и в России. В-третьих, предложенный иммунитет создает процессуальный дисбаланс в пользу добросовестной стороны в российских судах, что может стимулировать нарушителя к

переговорам и урегулированию спора, даже если он сохраняет возможность обращения взыскания на зарубежные активы.

Таким образом, из изложенного можно констатировать, что вынесение антиискового запрета в любой из рассмотренных выше ситуаций, не разрешает конкуренцию юрисдикций, а напротив, обостряет ее, порождая процессуальную неопределенность и материально-правовые риски для сторон спора. В зависимости от того, какой суд – иностранный или российский – выносит запрет, последствия для сторон оказываются почти диаметрально противоположными. В случае иностранного антиискового запрета российское лицо вынуждено подчиняться под угрозой персональных санкций и ареста активов, тогда как российский запрет в отношении иностранного нарушителя, не имеющего активов в РФ, остается фактически неисполнимым.

Предлагаемый механизм относительного юрисдикционного иммунитета направлен на устранение этого дисбаланса. Он не требует экстерриториального применения, носит защитный, а не карательный характер и создает реальные процессуальные последствия: приостановление срока исковой давности по требованиям нарушителя к добросовестному заявителю, иммунитет от обеспечительных мер и оставление без рассмотрения заявлений об экзекватуре иностранных решений. Такой подход делает нарушение антиискового запрета стратегически невыгодным даже при отсутствии у нарушителя активов в России.

Объективным пределом предложенного механизма является невозможность защиты зарубежных активов российской стороны, что обусловлено границами компетенции российского суда. Однако для значительной части российских лиц, чьи основные активы сосредоточены на территории РФ, а также для создания стимулов к урегулированию споров и лишения нарушителя стратегии двойного взыскания предложенная конструкция представляет собой соразмерный ответ на вызовы, порождаемые конкуренцией юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд основополагающих выводов, которые в своей совокупности раскрывают качественную трансформацию сфере рассмотрения гражданско-правовых споров в условиях действия мер ограничительного характера, введенных недружественными юрисдикциями, а также ответными мерами, принятыми Российской Федерацией.

Такие меры бросили беспрецедентный по своим масштабам вызов устоявшимся принципам международного сотрудничества в области рассмотрения и разрешения споров, автономии воли сторон и предсказуемости применения международного и национального законодательства. Реакцией на такой вызов стала не просто адаптация существующих инструментов, но и формирование принципиально новых процессуальных конструкций, меняющих саму парадигму взаимодействия юрисдикций.

Первостепенное значение имело преодоление терминологической неопределенности, характеризующей сферу международных мер правового принуждения. Сложившаяся практика настоятельно требует четкого концептуального и правового разграничения между институциональными санкциями (вертикальными мерами, принимаемыми международной организацией на основании и во исполнение возложенных на нее полномочий государствами-участниками), односторонними ограничительными мерами (горизонтальными актами государств, основанными на национальном праве) и ответными контрмерами. Смещение этих разнородных категорий в доктрине, национальных законодательствах и судебных актах не только порождает правовую неопределенность, но и создает ложные основания для оправдания экстерриториальных претензий, маскируя политико-экономическое давление под юридические формы международной ответственности.

Центральным теоретическим результатом исследования, позволяющим осмыслить глубину происходящих изменений, выступает процессуально-ориентированная концепция юрисдикции, основанная на разграничении широкого и узкого (процессуального) смыслов данного понятия.

В широком смысле юрисдикция понимается как суверенная власть государства по установлению и применению права на своей территории – в пространстве и по кругу лиц. В узком (процессуальном) смысле юрисдикция, в отличие от статичных категорий компетенции, подведомственности и подсудности, представляет собой динамическое явление, а именно конкретное правомочие государственного или третейского суда (международного арбитража) на рассмотрение и разрешение конкретного гражданско-правового спора, реализуемое в установленной процессуальной форме и воплощаемое в процессуальном акте, обладающем свойством *res judicata*.

Из этого понимания проистекает дуализм структурных основ юрисдикции. Единство функции в виде окончательного разрешения спора реализуется в двух принципиально разных моделях. Публичная процессуальная юрисдикция государственных судов построена по вертикально-иерархической схеме «суверенитет – правосудие – судопроизводство». Санкционированная частная процессуальная юрисдикция арбитража представляет собой горизонтально-договорную модель «соглашение сторон – санкция государства (арбитрабельность) – компетенция арбитража». Ее источник – это автономия воли сторон, а форма – гибкая процедура, определяемая соглашением и регламентом. Этот дуализм является ключевым для понимания того, как внешние факторы, такие как ограничительные меры, воздействуют на разные формы разрешения споров.

Феномен конкуренции юрисдикций также может быть разграничен на два уровня. В широком смысле конкуренция юрисдикций представляет собой ситуацию юридической возможности выбора сторон между несколькими юрисдикционными органами для рассмотрения одного или связанных споров. Ключевым фактором здесь выступает реальная конкурентоспособность

альтернативных органов, определяемая возможностью получения сторонами сопоставимых по качеству, эффективности и предсказуемости процедур и результатов. В узком (процессуальном) смысле конкуренция юрисдикций представляет собой параллельные разбирательства – динамическое проявление потенциальной множественности, возникающее в случае фактической реализации выбора несколькими юрисдикционными органами одновременно. Оба этих смысла можно объединить под единым понятием классической или «первичной» конкуренции юрисдикций.

Однако нарастающее экстерриториальное давление односторонних ограничительных мер привело к сущностной трансформации рассматриваемого феномена. Классическая «первичная» конкуренция, которая фактически являлась разногласием сторон о выборе наиболее выгодного юрисдикционного органа, эволюционировала в «вторичную» или производную конкуренцию. Ее суть заключается в конфликте уже не частных интересов, а самих юрисдикционных органов, которые оспаривают право друг друга осуществлять юрисдикцию в отношении конкретного спора.

Наиболее рельефным процессуальным воплощением этого конфликта стали так называемые антиисковые запреты (*anti-suit* и *anti-anti-suit injunctions*). В этих процедурах частно-правовой спор используется сторонами как инструмент для опосредованного ведения публично-правового противостояния, в котором суды разных государств, формально реагируя на ходатайства частных лиц, фактически издают императивные предписания, ограничивающие юрисдикцию друг друга. Подобная практика ведет к опасной фрагментации единого процессуального пространства, ставит под сомнение принципы взаимного доверия и сотрудничества и подменяет диалог судов взаимным отрицанием их легитимности.

Закономерным ответом государств, чьи интересы и суверенитет затрагиваются экстерриториальным действием иностранного законодательства, стало широкое распространение «блокирующего законодательства». Сравнительно-правовой анализ опыта Европейского

союза, Канады, Китая, Мексики и других стран демонстрирует, что, несмотря на декларируемую защитную цель, такие акты несут в себе глубокое внутреннее противоречие. Нормы, вводящие автоматический запрет на признание и приведение в исполнение судебных и арбитражных решений, основанных на «блокируемом» иностранном праве, *de facto* выхолащивают фундаментальные принципы международного правопорядка. Они трансформируют международные акты в условные инструменты, действие которых может быть приостановлено односторонним политическим решением.

Для Российской Федерации, столкнувшейся с беспрецедентным по масштабам массивом иностранных ограничительных мер, необходимость адаптации процессуального инструментария приобрела характер императива. Комплексный анализ законодательных новелл, закрепленных в статьях 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, позволяет утверждать, что отечественный законодатель предпринял не просто точечные изменения, а создал принципиально новый институт, а именно компенсаторную (восстановительную) юрисдикцию. Его сущность коренным образом отличается от классической исключительной компетенции (подсудности), предусмотренной процессуальными кодексами в отношении определенных категорий споров повышенной публичной значимости. Если последняя основана на сосредоточении категории дел внутри государства в силу повышенного публичного интереса, то компенсаторная юрисдикция имеет иную цель. Она призвана восстановить нарушенный баланс процессуальных возможностей для лица, которое было лишено реальной возможности реализовать свое право на защиту в первоначально согласованном сторонами юрисдикционном органе исключительно вследствие экстерриториального действия иностранных ограничительных мер.

Природа этого института раскрывается через предложенную в работе дихотомию принципа доступности правосудия и субъективного права на доступ к правосудию. Принцип доступности правосудия – это объективное,

системообразующее начало, нашедшее свое выражение в международно-правовых актах, Конституции РФ и отраслевом законодательстве, воплощающее идею верховенства права. Право же на доступ к правосудию – это динамичное субъективное право конкретного лица на фактическую возможность инициировать и участвовать в разбирательстве, включая право на представительство, уплату сборов и т.д. Меры ограничительного характера, создавая практические и юридические препятствия (визовые барьеры, блокировка счетов, отказ представителей), нарушают именно это субъективное право, не отменяя применимость самого принципа доступности правосудия в правовом порядке. Статья 248.1 АПК РФ, предоставляя лицу, попавшему под такие меры, право выбора обратиться в российский суд, выполняет таким образом компенсаторную, восстановительную функцию, замещая первоначально согласованный орган.

Детальное исследование антиискового запрета (статья 248.2 АПК РФ) подтверждает его правовую природу как самостоятельного процессуального института (*sui generis*), а не частного случая обеспечительных мер. Его специфика проявляется в особом предмете доказывания, ограниченном круге управомоченных лиц и, что наиболее существенно, в присущей ему двойственной функциональности. С одной стороны, антиисковой запрет служит инструментом защиты частного соглашения сторон – арбитражной или пророгационной оговорки, пресекая недобросовестное поведение, направленное на ее обход. С другой стороны, и эта функция становится доминирующей в условиях действия мер ограничительного характера, он выступает как механизм обеспечения императивных норм национального права об исключительной компетенции. В контексте статьи 248.1 АПК РФ запрет направлен уже не на охрану договоренности сторон, а на защиту публичного порядка, воплощенного в сверхимперативной норме о компенсаторной юрисдикции российских судов.

Однако действующая конструкция антиискового запрета в российском праве выявила критическую асимметрию в эффективности обеспечительных

механизмов. Если в юрисдикциях общего права (таких как, например, Великобритания) нарушение запрета карается мерами за неуважение к суду вплоть до персональной ответственности и ареста активов, то российская санкция в виде судебной неустойки по части 10 статьи 248.2 АПК РФ оказывается фиктивной в отношении иностранного нарушителя, не имеющего привязанности к российской юрисдикции. Это порождает парадоксальную ситуацию: российская сторона вынуждена подчиняться иностранному запрету под угрозой реальных санкций, в то время как иностранная сторона может игнорировать российский запрет без ощутимых последствий. Такая асимметрия не только снижает превентивный эффект института, но и провоцирует дальнейшую эскалацию в виде встречных запретов (*anti-anti-suit injunctions*), еще более обостряя конкуренцию юрисдикций.

В этой связи автором были сформулированы конкретные предложения, направленные на преодоление выявленных системных проблем и повышение эффективности правового регулирования.

Во-первых, для придания институту судебных запретов должной процессуальной строгости и унификации обоснована необходимость формирования самостоятельного вида неискового производства по делам о судебных запретах. Предметом этого производства должен стать спор не о материальном праве, а о процессуальном правомочии, о надлежащем порядке рассмотрения конкретного спора. В рамках такого производства подлежали бы защите как исключительная компетенция российских судов, установленная императивными нормами, так и действительные, исполнимые арбитражные соглашения с местом арбитража в Российской Федерации. Это позволило бы установить специальные правила доказывания, сроки рассмотрения и последствия, адекватные цели оперативного предотвращения параллельных разбирательств.

Во-вторых, в качестве адекватного ответа на проблему асимметричной исполнимости предложена авторская конструкция относительного юрисдикционного иммунитета добросовестной стороны. В отличие от

карательного подхода, данный механизм носит защитный и восстановительный характер. Его суть заключается в том, что лицо, в пользу которого вынесен российский антиисковой запрет и которое добросовестно его соблюдает, получает иммунитет не персонально, а в отношении конкретного спорного правоотношения (*in rem*). Реализация через внесение злостного нарушителя в специальный реестр по определению суда влечет наступление трех ключевых последствий: 1) приостановление течения срока исковой давности по всем встречным требованиям, вытекающим из данного отношения; 2) блокировка возможности применения по ходатайству нарушителя любых обеспечительных мер в российском процессе; 3) обязанность суда оставить без рассмотрения любое заявление этого лица о признании и приведении в исполнение в России иностранного решения по тому же спору. При этом механизм допускает восстановление *status quo*: при прекращении нарушения, возмещении издержек и предоставлении гарантий нарушитель может быть исключен из реестра.

В-третьих, для обеспечения правильного и единообразного применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ разработана система доказывания, основанная на принципиальном разграничении общеизвестного (публично-правового) факта введения режима ограничительных мер и адресного (частноправового) факта их применения к конкретному участнику спора. Освобождение от доказывания может распространяться лишь на первый факт (например, сам факт введения санкций ЕС против РФ). Второй факт – включение конкретного лица в санкционный список, направление ему уведомления, блокировка активов – подлежит доказыванию с использованием надлежащих средств (легализованных документов, нотариальных протоколов осмотра сайтов и т.д.). Такое разграничение позволит преодолеть наблюдаемую в практике тенденцию к излишне расширительному толкованию оснований для применения компенсаторной юрисдикции.

В-четвертых, в целях устранения правовых пробелов и обеспечения равной защиты прав граждан обоснована необходимость распространения

модели компенсаторной юрисдикции на сферу гражданского судопроизводства путем внесения соответствующих дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РФ. Кроме того, для соблюдения терминологической точности предлагается уточнить редакцию части 4 статьи 248.1 АПК РФ, заменив формулировку «препятствия в доступе к правосудию» на «препятствия в доступе к правосудию или к арбитражному разбирательству», что строго отражает разницу между публичной функцией правосудия и частноправовой природой арбитража.

Таким образом, диссертационное исследование позволило разработать целостную теоретико-прикладную концепцию, раскрывающую сущность и направление трансформации процессуального регулирования в условиях глобальной конфронтации, опосредуемой мерами ограничительного характера. Полученные результаты вносят существенный вклад в развитие отечественной науки гражданского и арбитражного процесса, международного частного права, предлагая новые концептуальные подходы к пониманию юрисдикции, эволюции конкуренции юрисдикций и механизмов процессуальной защиты в действующих экстраординарных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
3. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.
4. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

10. Федеральный закон от 22 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических и принудительных мерах» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (часть I). – Ст. 44.
11. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7597.
12. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
13. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
15. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2.
16. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 24. – Ст. 3394.
17. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49. – Ст. 7523.
18. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами

- ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 23. – Ст. 3613.
19. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1389.
20. Федеральный закон от 03.11.2015 № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 45. – Ст. 6198.
21. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.
22. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
23. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 32. – Ст. 4470.
24. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1465.
25. Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой

- стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1466.
26. Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1748.
27. Постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 301 «Об основаниях неразмещения в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1695.
28. Письмо Минфина России от 16 декабря 2022 г. № 24-07-07/123675 «О рассмотрении обращения» // СПС «Гарант».
29. Декларация о принципах международного права 1970 года // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1996. – Т. 1. – С. 65–73.
30. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года // Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним. – М.: Международный комитет Красного Креста, 1997. – С. 151–342.
31. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. // Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1.
32. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 8.

33. Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам [Электронный ресурс]: приняты 19.03.2015 / Гагская конференция по международному частному праву. – Режим доступа: <https://www.hcch.net>.
34. Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Маастрихте 7 февраля 1992 г.) // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / под ред. С.Ю. Кашкина. – М.: Инфра-М, 2012. – С. 45–162.
35. Договор о функционировании Европейского Союза (подписан в г. Риме 25 марта 1957 г.) // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / под ред. С.Ю. Кашкина. – М.: Инфра-М, 2012. – С. 163–468.
36. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (2007/С 306/01) (подписан в г. Лиссабоне 13.12.2007) // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора / под ред. С.Ю. Кашкина. – М.: Инфра-М, 2012. – С. 11–44.
37. Регламент ЕС № 44/2001 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» // Official Journal of the European Communities. – 2001. – L 12. – P. 1–23.
38. Регламент ЕС № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» («Рим I») (Страсбург, 17.06.2008) // Official Journal of the European Union. – 2008. – L 177. – P. 6–16.
39. Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» // Official Journal of the European Union. – 2012. – L 351. – P. 1–32.
40. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third

- country, and actions based thereon or resulting therefrom // Official Journal of the European Communities. – 1996. – L 309. – P. 1–6.
41. Council Regulation (EU) 2024/3192 of 16 December 2024 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 3192.
42. Code de procédure civile français, livre IV, titre Ier, art. 1442–1527 (de l'arbitrage). – Paris : Dalloz, 2023. – Version consolidée au 1 janvier 2023.
43. Zivilprozessordnung (ZPO) der Bundesrepublik Deutschland, Buch 10, §§ 1025–1066 (Schiedsverfahren). – Berlin : Bundesgesetzblatt, 2005. – Fassung vom 5. Dezember 2005 (BGBl. I S. 3202), zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 10. März 2023 (BGBl. I Nr. 71).
44. Codice di procedura civile italiano, libro IV, titolo VIII, artt. 806–840 (dell'arbitrato). – Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1940. – Versione aggiornata al Decreto Legislativo 10 ottobre 2022, n. 149.
45. Export Administration Act of 1979. Pub. L. 96-72, 93 Stat. 503 // United States Statutes at Large. – 1979. – Vol. 93. – P. 503–593.
46. Clean Diamond Trade Act of 2003. Pub. L. 108-19, 117 Stat. 631 // United States Statutes at Large. – 2003. – Vol. 117. – P. 631–637.
47. Foreign Narcotics Kingpin Designation Act of 1999. Pub. L. 106-120, 113 Stat. 1606 // United States Statutes at Large. – 1999. – Vol. 113. – P. 1606–1627.
48. Antiterrorism and Effective Death Penalty Act of 1996. Pub. L. 104-132, 110 Stat. 1214 // United States Statutes at Large. – 1996. – Vol. 110. – P. 1214–1322.
49. International Emergency Economic Powers Act of 1977. Pub. L. 95-223, 91 Stat. 1625 // United States Statutes at Large. – 1977. – Vol. 91. – P. 1625–1632.
50. National Emergencies Act of 1976. Pub. L. 94-412, 90 Stat. 1255 // United States Statutes at Large. – 1976. – Vol. 90. – P. 1255–1258.
51. Foreign Assistance Act of 1961. Pub. L. 87-195, 75 Stat. 424 // United States Statutes at Large. – 1961. – Vol. 75. – P. 424–478.

52. Trading with the Enemy Act of 1917. Pub. L. 65-91, 40 Stat. 411 // United States Statutes at Large. – 1917. – Vol. 40. – P. 411–426.
53. Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 c. 13 [Электронный ресурс] // The National Archives. – 2018. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents>.
54. Foreign Extraterritorial Measures Act, R. S.C., F-29 // Revised Statutes of Canada. – 1985. – Chapter F-29.
55. The Law of Protection of Commerce and Investments from Foreign Policies that Contravene International Law 1996 // Diario Oficial de la Federación. – 1996. – 23 de octubre.
56. Ley 24.871 – Medidas de protección ante normas extraterritoriales de otros Estados que afecten los derechos de propiedad y los intereses económicos de los residentes en la República Argentina // Boletín Oficial de la República Argentina. – 1997. – 5 de septiembre.
57. Cuban Liberty and Democratic Solidarity (Libertad) Act of 1996 (Helms - Burton Act). Pub. L. 104-114, 110 Stat. 785 // United States Statutes at Large. – 1996. – Vol. 110. – P. 785–826.
58. Ley de Reafirmación de la Dignidad y la Soberanía Cubanas (Ley No. 80) // Gaceta Oficial de la República de Cuba. – 1996. – 24 de diciembre.
59. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» // Международное публичное право: сборник документов. – М.: БЕК, 2003. – Т. 2. – С. 457–482.
60. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 г. № 60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» // СПС «Гарант».

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 12. – Ст. 1459.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О некоммерческих организациях" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Сбербанк России"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 48. – Ст. 6833.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.М. Четыза» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4901.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2136-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санаевой Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 1.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2025 года об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новицкого Евгения Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьями 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам,

- возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. – 2017. – 12 июля. – № 153.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Российская газета. – 2019. – 18 янв. – № 10.
 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. – 2019. – 27 дек. – № 293.
 9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 года № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. – 2022. – 12 янв. – № 4.
 10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10.
 11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 4.
 12. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 11.
 13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 // СПС «Консультант Плюс».
 14. Определение Верховного Суда РФ от 16 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5788 по делу № А40-230140/2018 // СПС «Консультант Плюс».

15. Определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2022 г. № 305-ЭС22-11060 по делу № А40-155367/2020 // СПС «Консультант Плюс».
16. Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2024 г. № 304-ЭС24-2799 по делу № А45-19015/2023 // СПС «Консультант Плюс».
17. Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2024 № 309-ЭС23-16287 по делу № А07-32862/2022 // СПС «Консультант Плюс».
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2018 г. по делу № А41-73316/2017 // СПС «Консультант Плюс».
19. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 августа 2021 г. по делу № А40-65392/2020 // СПС «Консультант Плюс».
20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2025 г. № Ф05-28458/2022 по делу № 09АП-21409/2025 // СПС «Консультант Плюс».
21. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31 января 2023 г. по делу № А28-6575/2022 // СПС «Консультант Плюс».
22. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 декабря 2022 г. по делу № А73-15265/2022 // СПС «Консультант Плюс».
23. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 4 августа 2025 года по делу № А55-14223/2023 // СПС «Консультант Плюс».
24. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 мая 2024 г. по делу № А07-32862/2022 // СПС «Консультант Плюс».
25. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 сентября 2020 г. по делу № А40-270967/2019 // СПС «Консультант Плюс».
26. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2022 г. по делу № А40-155132/2021 // СПС «Консультант Плюс».
27. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2022 г. по делу № А41-28213/2022 // СПС «Консультант Плюс».
28. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2018 г. по делу № А21-5772/2018 // СПС «Консультант Плюс».

29. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2024 по делу № А21-12793/2023 // СПС «Консультант Плюс».
30. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2024 года по делу № А45-2090/2023 // СПС «Консультант Плюс».
31. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 28 февраля 2018 г. по делу № А83-7434/2016 // СПС «Консультант Плюс».
32. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 2 октября 2024 г. по делу № А40-20468/24-19-154.
33. Определение Арбитражного суда города Москвы от 17 февраля 2023 г. по делу № А40-79338/2022 // СПС «Консультант Плюс».
34. Определение Арбитражного суда города Москвы от 30 июля 2024 года по делу № А40-111803/23-107-857 // СПС «Консультант Плюс».
35. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 24 ноября 2020 г. по делу № А60-369 // СПС «Консультант Плюс».
36. Определение Арбитражного суда Мурманской области от 22 ноября 2024 года по делу № А42-3659/2024 // СПС «Консультант Плюс».
37. Определение Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 февраля 2025 года по делу № А42-3659/2024 // СПС «Консультант Плюс».
38. Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 11 декабря 2023 г. по делу № А07-32862/2022 // СПС «Консультант Плюс».
39. Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области об обеспечительных мерах от 30 декабря 2022 года по делу № А56-129797/2022 // СПС «Консультант Плюс».
40. Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области о приостановлении производства от 10 ноября 2023 года по делу № А56-74595/2023 // СПС «Консультант Плюс».
41. Определение Арбитражного суда Московской области от 29 июля 2024 г. по делу № А41-2687/23 // СПС «Консультант Плюс».
42. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 4 августа 2022 г. по делу № СИП-59/2022 // СПС «Консультант Плюс».

43. Gregory Paul Turner v. Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changepoint SA, European Court of Justice, 27 April 2004, Case No. C-159/02 // European Court Reports. – 2004. – P. I-3565.
44. Allianz SpA (formerly Riunione Adriatica di Sicurta SpA) v. West Tankers Inc. (Case C-185/07) [2009] AC 1138 // All England Law Reports. – 2009. – Vol. 2. – P. 789–812.
45. Nokia v. Continental, Higher District Court of Munich, 12 December 2019, Case No. 6 U 5042/19 // Betriebs-Berater. – 2020. – Heft 5. – S. 256–260.
46. Judgment of the European Court of Justice (7th Chamber) in C-732/18 P – Rosneft e.a v. Council, 17 September 2022 // European Court Reports. – 2022.
47. Joint Stock Company Foreign Trade Enterprise Stankoimport v. NV Reibel (II). Final Award. 5 December 2021 // ICC International Court of Arbitration Bulletin. – 2022. – Vol. 33. – No. 1.
48. Huntington Ingalls Inc. v. Ministry of Defense of the Bolivarian Republic of Venezuela (II), Procedural Order No. 2 (Jurisdiction, Arbitrator Challenge, Place of Arbitration and Applicable Law), 16 July 2013 // International Legal Materials. – 2014. – Vol. 53. – P. 1024–1056.
49. WWRT Ltd v Tyshchenko [2021] EWHC 939 (Ch) // LexisNexis.
50. Judgment of the High Court of Justice of England and Wales [2023] EWHC 2365 // Westlaw UK.
51. Judgment of the Court of Appeal of England and Wales [2024] EWCA Civ 64 // Westlaw UK.
52. CXG and CXH v. CXI, CXJ and CXK [2023] SGHC 244 // Singapore Law Reports. – 2023.
53. X, YCo v. ZCo [2024] HKCFI 695, Case No. HCCT 33/2023 // Hong Kong Law Reports & Digest. – 2024.
54. Intel Corp. v. Advanced Micro Devices, Inc., 542 U.S. 241 (2004) // United States Reports. – 2004. – Vol. 542. – P. 241–268.
55. PJSC National Bank Trust v Mints [2023] EWCA Civ 1132 // LexisNexis.

56. Решение судейской коллегии Отдела по гражданским делам Верховного суда Литовской Республики по делу № эЗК-3-178-823/2023 от 29 июня 2023 года // Lietuvos Aukščiausiasis Teismas. – 2023.
57. Решение Верховного суда Чешской Республики по делу № 20 Cdo 136/2023-362 от 17 июля 2023 года // Nejvyšší soud České republiky. – 2023.
58. Решение Апелляционного суда Литовской Республики от 5 декабря 2023 года // Lietuvos apeliacinis teismas. – 2023.
59. Tribunal Judiciaire de Paris, Exequatur, 13 mars 2024, N 19/12258 // Gazette du Palais. – 2024. – 15 avril.
60. Решение Высшего земельного суда в Штутгарте от 13 мая 2025 года // Oberlandesgericht Stuttgart. – 2025.
61. Решение Окружного суда Гааги от 5 июня 2025 года // Gerechtshof Den Haag. – 2025.

Научная литература

1. Абросимова Е.А., Рзаев Р.Г. оглы. Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 2. – С. 90–97.
2. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 5. – С. 86–100.
3. Акужинов А.С. Сверхкомпенсация и противоречие публичному порядку как основание для отказа в экзекватуре арбитражных и иностранных судебных решений в российском и европейском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 8. – С. 119–155.
4. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. – Свердловск, 1966. – Вып. 4. – 212 с.
5. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 896 с.

6. Аргунов В.В. Модели гражданского судопроизводства, их влияние на динамику хозяйственных связей в прошлом и настоящем России // Московский юридический форум онлайн – 2020: сборник тезисов докладов. – М., 2020. – Ч. 1. – С. 130–135.
7. Аргунов В.В. Общие положения особого производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 7. – С. 8–13; № 8. – С. 15–20.
8. Аргунов В.В. Особое производство как форма разрешения юридических дел в цивилистическом процессе. Некоторые итоги и перспективы // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В.В. Молчанов. – М., 2023. – С. 145–168.
9. Аргунов В.В. Судебное познание и доказывание по делам особого производства // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 307–348.
10. Артебякина Н.А. Доступность правосудия как принцип гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 12. – С. 2–6.
11. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М.: Статут, 2012. – 640 с.
12. Асосков А.В. Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин *lis pendens* и *res judicata* в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // Международный коммерческий арбитраж. – 2008. – № 2. – С. 74–98.
13. Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Гражданское процессуальное право. – М.: Юрайт, 2016. – 464 с.
14. Банников И.А. Принцип осуществления правосудия только судом в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 216 с.

- 15.Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004. – 800 с.
- 16.Беспалова В.Р. Пределы судебного контроля на стадии подготовки дела к судебному разбирательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2024. – 225 с.
- 17.Бондарь Н.С. Государственный суверенитет в координатах судебной власти: суверенна ли судебная власть? // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 7. – С. 12–24.
- 18.Борисова В.Ф. Процессуальные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 5. – С. 56–61.
- 19.Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 368 с.
- 20.Брун М.И. Международное частное право: курс лекций. – М.: Издание Издательской комиссии Общества взаимопомощи студентов Московского коммерческого института, 1909. – 358 с.
- 21.Бутакова Я.С. Контрсанкционное регулирование: сравнительно-правовой анализ (Россия и Китай) // Право и политика. – 2024. – № 10. – С. 45–58.
- 22.Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 464 с. (переиздание учебника 1917 г.).
- 23.Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. – М.: Статут, 2013. – 382 с.
- 24.Воронов А.Ф. Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 5. – С. 13–46.

25. Воронов А.Ф. Изменения в АПК РФ для защиты прав лиц, попавших под санкции // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. – 2020. – № 5. – С. 12–18.
26. Воронов А.Ф. Эволюция функциональных принципов гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 54 с.
27. Галтер Е.Д. Гражданско-правовые последствия нарушения арбитражного соглашения // Вестник гражданского права. – 2023. – № 6. – С. 46–105.
28. Гальперин М.Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия РФ. – 2021. – № 1. – С. 72–81.
29. Гериф И., Лобода А.И. Толкование арбитражного соглашения и доктрина «компетенции компетенции» в праве международного арбитража Франции // Третейский суд. – 2021. – № 3/4. – С. 205–217.
30. Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе: проблемы идентичности исков и сторон // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 2. – С. 239–263.
31. Гландин С. Антиисковой запрет, или Мина замедленного действия для бизнеса. Как протекционизм по «Закону Лугового» победил право // Закон.ру. – 2020. – 8 июня.
32. Гордиенко Д.В., Ганин А.В. Американская санкционная политика в отношении России // Вестник МФЮА. – 2019. – № 2. – С. 45–52.
33. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2016. – 832 с.
34. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. – М.: Проспект, 2015. – 592 с.
35. Грачева С.А. *Pacta sunt servanda* международно-правового стандарта как составляющей конституционного регулирования // Российская юстиция. – 2025. – № 10. – С. 65–72.

36. Гройсберг А.И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 54–68.
37. Гурвич М.А. Особые производства в гражданском процессе // Социалистическая законность. – 1958. – № 8. – С. 24–29.
38. Добровольная (беспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай) / У.Х. Ангрисано, А.В. Аргунов, В.В. Аргунов и др.; под ред. В.В. Аргунова. – М.: Статут, 2014. – 512 с.
39. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Н.Г. Елисеев, М.А. Рожкова, О.Ю. Скворцов; под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – 528 с.
40. Дораев М.Г. Судебный пиар и российское правосудие: определение границ дозволенного // Право и бизнес. – 2024. – № 1. – С. 2–12.
41. Дораев М.Г. Экстерриториальность экономических санкций: противодействие юридическому империализму на национальном уровне // Законодательство. – 2015. – № 7. – С. 10–18.
42. Евтодьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – 24 с.
43. Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже: Императивные нормы: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 198 с.
44. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. – М.: Статут, 2006. – 283 с.
45. Жукова О.В. Обеспечение доступности правосудия в стадии кассационного производства: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 195 с.

46. Загайнова С.К. Развитие учения о законной силе судебных актов в гражданском и арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 3. – С. 78–111.
47. Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8. – С. 135–147.
48. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. – М.: Статут, 2018. – 256 с.
49. Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69–82.
50. Зыков Р.О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. – М.: Статут, 2014. – 285 с.
51. Иванов Н.П. Основания международной юрисдикции // Золотой фонд российской науки международного права: антология: в 3 т. / сопредседатели редколлегии А.Л. Колодкин, В.В. Ершов. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 2008. – 784 с.
52. Карабельников Б.Р. Российское правосудие защитит обиженных россиян // Закон. – 2020. – № 7. – С. 116–124.
53. Качмазова Д.М., Хубецов М.Я., Каболов В.В. Оставление искового заявления без движения и возврат искового заявления как результат нарушения порядка предъявления иска // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 112–118.
54. Кешнер М.В. Вопросы легитимности ограничения контрмерами экстерриториальной юрисдикции государства // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 152–171.
55. Кешнер М.В. Международная ответственность государств за нарушения обязательств в сфере защиты прав человека. – М.: РУДН, 2016. – 264 с.
56. Кириллова Е.А. К вопросу применения презумпции исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации // Юрист. – 2021. – № 8. – С. 63–66.

57. Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – 230 с.
58. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Статут, 2020. – 1104 с.
59. Конова Ф.Р. Влияние доктрины на трансформацию понятия «компетенция суда» в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 1. – С. 127–157.
60. Косцов В.Н. Арбитрабельность споров и полномочия арбитров: соотношение материального и процессуального права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 6. – С. 86–113.
61. Косыгин В.Е. Уголовная ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи): критический анализ // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 7. – С. 112–120.
62. Кривенкова М.В. К вопросу о разграничении контрмер и реторсий в современном международном праве // Международное публичное и частное право. – 2024. – № 1. – С. 6–9.
63. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном мире: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 198 с.
64. Кудинова М.В. Компетенция государственных судов и международных коммерческих арбитражей по разрешению международных коммерческих споров: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – 215 с.
65. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. – М.: Юстицинформ, 2022. – 304 с.
66. Курис П.А. Международные правонарушения и ответственность государств. – Вильнюс: Минтис, 1973. – 280 с.

67. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. – М.: Статут, 2014. – 496 с.
68. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 456 с.
69. Курочкина Е.М. Исполнение отмененных решений международного коммерческого арбитража: оценка с точки зрения общих принципов права // Журнал российского права. – 2023. – № 9. – С. 54–65.
70. Лукашук И.И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 2. – С. 30–43.
71. Лунц Л.А. Международный гражданский процесс. – М.: Юридическая литература, 1966. – 244 с.
72. Малинский Ю.В. Доступность правосудия в системе арбитражных судов и условия ее реализации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 6. – С. 12–15.
73. Малов А.А. Компетенция арбитражных судов по санкционным спорам в Российской Федерации: проблемы доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 32–36.
74. Мамаев А.А. Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 224 с.
75. Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: *colore officii* или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. N 9. С. 111 - 125.
76. Мамедалиева А.В. Положительные проявления современной конкуренции юрисдикций: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 3. – С. 285–304.
77. Мамедалиева А.В. Последствия вынесения антиискового запрета: теоретические и практические соображения // Законодательство. – 2026. - № 1. – С. 66-72.

78. Мамедалиева А.В. Конкуренция юрисдикций: от процессуального выбора к институциональному конфликту // Евразийский юридический журнал. – 2026. - № 2. – С. 301-304.
79. Международное право: учебник / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн. – 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – Кн. 2. – 1072 с.
80. Моисеев С.В. Принцип диспозитивности арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 6. – С. 8–12.
81. Моисеенко К. Комментарий к Закону о переносе в Россию споров с участием лиц, попавших под санкции // Закон.ру. – 2020. – 26 июня.
82. Мокроусова Л.М. Порядок рассмотрения гражданских дел неискового производства как специальная гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 26 с.
83. Молчанов В.В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 140–158.
84. Молчанов В.В., Молчанов В.В. Преюдиция в арбитраже (третейском разбирательстве) // Законодательство. – 2022. – № 6. – С. 43–51.
85. Мурадян Э.М. Судебное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 456 с.
86. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991. – 928 с.
87. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 42 с.
88. Пацация М.Ш. К вопросу о понятии "процессуальная деятельность арбитражного суда" // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. N 5 / под ред. д-ра юрид. наук В.В. Яркова. СПб., 2007.

- 89.Пермяков В.Э. Отказ в принятии, возвращение и оставление без движения искового заявления: сходства и различия институтов // Арбитражные споры. – 2024. – № 4. – С. 127–141.
- 90.Петрова К.В. Экономические санкции как новое основание неисполнимости арбитражного соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 5. – С. 36–38.
- 91.Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 26 с.
- 92.Полссон Я. Идея арбитража / пер. с англ. Н.А. Бабаджаняна. – М.: Российский институт современного арбитража, 2021. – 432 с.
- 93.Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / Н.В. Алексеева, С.Т. Багыллы, А.В. Белякова и др.; отв. ред. В.М. Жуйков, С.С. Завриев. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. – 416 с.
- 94.Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. – М.: Статут, 2016. – 368 с.
- 95.Рожкова М.А. Разрешение и урегулирование коммерческих споров // Хозяйство и право (приложение). – 2005. – № 1. – С. 23–32.
- 96.Ромашев Ю.С., Фетищев Д.В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. – М.: Научная книга, 2009. – 256 с.
- 97.Русинова Е.Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 3. – С. 23–28.
- 98.Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). – СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. – Вып. 7. – 449 с.
- 99.Семенов В.М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике. – Свердловск, 1979. – 156 с.

100. Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – С. 237–248.
101. Серков П.П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 162–170.
102. Скворцов О.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации». – М.: ТК Велби, 2003. – 320 с.
103. Смагина Е.С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. – М.: Статут, 2021. – 268 с.
104. Смагина Е.С., Кожухова А.С. О примирении в свете соглашений о подсудности // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 12. – С. 32–36.
105. Собакин В.К. Коллективная безопасность – гарантия мирного сосуществования. – М., 1962. – 320 с.
106. Старженецкий В.В., Багрова Я.А. (Анти)санкционные оговорки в международных коммерческих контрактах // Закон. – 2023. – № 7. – С. 123–145.
107. Старженецкий В.В., Очирова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. – 2020. – № 4. – С. 144–167.
108. Старженецкий В.В., Фоменко А.И. Реализация права на защиту в условиях санкционных ограничений // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – № 1. – С. 74–95.
109. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. – М., 2018. – 848 с.

110. Султанов А.Р. Безусловное безобразие, или является ли полное копирование текста возражений допустимым в качестве судебного решения? // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 5. – С. 264–282.
111. Сюрмеев К.Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 225 с.
112. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – 512 с.
113. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2005. – 288 с.
114. Федченко Ю.В. Правовая природа соглашений о международной подсудности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2023. – № 5. – С. 168–180.
115. Фокин Е.А. Искусственное изменение подсудности: диспозитивность или злоупотребление? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22.04.2021 № 305-ЭС20-23627 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 2. – С. 17–35.
116. Ходыкин Р.М. Антиисковные обеспечительные меры в цивилистическом процессе в международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: Liber Amicorum в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева. – М.: Статут, 2013. – С. 274–290.
117. Ходыкин Р.М. Еще один год британского МЧП // Московский журнал международного права. – 2003. – № 4. – С. 250–265.
118. Черниченко С.В. Теория международного права. – М., 1999. – Т. 1. – 336 с.
119. Чешир Дж., Норт П. Международное частное право. – М.: Прогресс, 1982. – 496 с.

120. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. – М., 2001. – С. 60–68.
121. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. – М.: БЕК, 2001. – 560 с.
122. Шамшурин Л.Л. Доступность правосудия как гарантия реализации права на судебную защиту в сфере гражданской юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 1. – С. 7–9.
123. Шибанова Н.А. Конфликт юрисдикций: причины и следствие // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 8. – С. 132–140.
124. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. – М., 2021. – 456 с.
125. Щукин А.И. Инструменты антисанкционного регулирования в глобальном трансграничном пространстве // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Том 18. – № 3. – С. 150–170.
126. Щукин А.И. Специализированный суд по международным коммерческим спорам как современная предпосылка конкурентоспособности российского правосудия в условиях мировой глобализации // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 232–290.
127. Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. – Ярославль, 1909. – 356 с.
128. Ярков В.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 28–32.
129. Ярков В.В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? // Закон. – 2019. – № 4. – С. 92–103.

130. Ярков В.В. Исключительная компетенция российских судов на основании ст. 248.1 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 1. – С. 133–146.
131. Ярков В.В. Конкуренция правовых систем: миф или реальность? // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 1. – С. 13–29.
132. Ярков В.В. Предмет доказывания по делам о введении судебного запрета по ст. 248.2 АПК РФ // *Modus vivendi: арбитраж и частное право: сборник статей в честь 60-летия О.Ю. Скворцова* / отв. ред. Т.А. Лунаева. – СПб., 2022. – С. 253–259.
133. Ярков В.В. Применение ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 7. – С. 40–42.
134. Ярков В.В. Разбирательство в арбитражном суде и международном коммерческом арбитраже (отдельные направления взаимодействия) // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 4. – С. 230–245.
135. Barraclough A., Waincymer J. Mandatory Rules of Law in International Commercial Arbitration [Электронный ресурс] // *Melbourne Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 6. – Режим доступа: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/Melb-JIL/2005/9.html>.
136. Born G. *International Commercial Arbitration*. – 3rd ed. – The Hague: Kluwer Law International, 2021. – 4512 p.
137. Brown C. *Inherent Powers in International Adjudication* // *The Oxford Handbook of International Adjudication*. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 828–850.
138. Cappelletti M., Garth B. (ed.) *Access to Justice and the Welfare State*. – Alphen: Sijthoff, 1981. – Vol. 4. – 450 p.
139. Soderlund C. *Lis Pendens, Res Judicata and the Issue of Parallel Judicial Proceedings* // *Journal of International Arbitration*. – 2005. – Vol. 22(4). – P. 301–320.

140. Daujotas R. Rusijos ir Baltarusijos teismų sprendimų pripažinimas ir vykdymas Lietuvoje – nuoseklios praktikos belaukiant [Электронный ресурс] // Teise.pro. – 2023. – 13 spalio. – Режим доступа: <https://www.teise.pro/index.php/2023/10/13/rusijos-ir-baltarusijos-teismu-pripazinimas-ir-vykdydas-lietuvoie-nuoseklios-praktikos-belaukiant/>.
141. Fouchard, Gaillard, Goldman. On International Commercial Arbitration. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – 1056 p.
142. Francioni F. et al. Access to Justice as a Human Right. – Florence: European University Institute, 2007. – 280 p.
143. Flynn E. Disabled Justice? Access to Justice and the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. – Galway: National University of Ireland, 2015. – 220 p.
144. Gaillard E. Anti-suit Injunctions Issued by Arbitrators // International Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. by A.J. van den Berg. – The Hague: Kluwer Law International, 2007. – P. 235–260.
145. Hovell D. Unfinished Business of International Law: The Questionable Legality of Autonomous Sanctions // AJIL Unbound. – 2019. – Vol. 113. – P. 140–145.
146. Joel R. Paul. The Transformation of International Comity // Law and Contemporary Problems. – 2008. – Vol. 71. – P. 19–38.
147. Lalive P. On the Transfer of Seat in International Arbitration // ICCA Congress Series. – 2007. – No. 13. – P. 25–36.
148. Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy in International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration / ed. by P. Sanders. – ICCA Congress Series. – 1987. – No. 3. – P. 257–318.
149. Lord Woolf. Access to Justice: final report to the Lord Chancellor on the Civil Justice System in England and Wales. – London, 1996. – 416 p.
150. Moure A. Judicial Penalties and Specific Performance in International Arbitration // Performance as a remedy: non-monetary relief in international

- arbitration / eds. M.E. Schneider, J. Knoll. – Paris: ICC Publishing, 2011. – P. 365–392.
151. Pellet A. Unilateral Sanctions and International Law // Yearbook of Institute of International Law. – Tallinn, 2015. – Vol. 76. – P. 720–740.
152. Redfern and Hunter on International Arbitration. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 848 p.
153. Ronzitti N. Sanctions as Instruments of Coercive Diplomacy: An International Law Perspective // Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law. – Leiden: Brill, 2016. – P. 1–24.
154. Shany Y. Competing Jurisdictions of International Courts and Tribunals: Which Rules Govern? – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 300 p.
155. Szabados T. Economic sanctions in EU private international law. – Oxford: Hart Publishing, 2019. – 304 p.
156. Szabados T. EU Economic Sanctions in Arbitration // Journal of International Arbitration. – 2018. – Vol. 35. – No. 4. – P. 439–462.
157. Waincymer J. Procedure and Evidence in International Arbitration. – The Hague: Kluwer Law International, 2012. – 1472 p.